К. Фалькенгорст

НЕЖНОЕ СЕРДЦЕ

ННП

Библіотека Романовъ
[Приключенія на сушѣ и на морѣ]

Соч. К. Фалькенгорста

Африканскій Кожаный Чулокъ

въ трехъ томахъ

Томъ I

Нѣжное Сердце

С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ., 4 Ноября 1899 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Черный материкъ“ въ настоящее время представляетъ болѣе интереса, чѣмъ когда-либо. За періодомъ путешествій и открытій въ этой части свѣта наступило теперь время борьбы за владычество въ центральной Африкѣ, на которую заявляютъ притязанія европейцы и арабы, крестъ и полумѣсяцъ.

Отъ исхода борьбы зависитъ будущая судьба Африки: эта борьба должна рѣшить вопросъ, останется ли Африка, какъ и прежде, ареной возмутительной работорговли, или-же вступитъ на путь культуры и развитія.

Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что у насъ имѣется очень мало сочиненій о природѣ и жителяхъ Африки. Каждому мальчику извѣстны первобытные лѣса и преріи Сѣверной Америки, онъ хорошо знакомъ съ образомъ жизни и обычаями индѣйцевъ; относительно же негрскихъ племенъ, населяющихъ европейскія колоніи въ Африкѣ, о тѣхъ обширныхъ пространствахъ, на которыхъ въ недалекомъ будущемъ европейцамъ предстоитъ сѣять сѣмена культуры, онъ не слыхалъ почти ничего. А между тѣмъ послѣдняго рода знанія гораздо важнѣе первыхъ. Отчего же это происходитъ?

Сѣверная Америка нашла себѣ хорошую пропаганду среди юношества благодаря разсказамъ о „Кожаномъ Чулкѣ“ извѣстнаго всему міру писателя Фенимора Купера.

Настоящимъ сочиненіемъ мы надѣемся дать юношеству новаго, подобнаго же разсказчика. „Африканскій Кожаный

Чулокъ“ долженъ не только заинтересовать своихъ юныхъ читателей фабулою и приключеніями; онъ долженъ ихъ поучать. Онъ будетъ проводникомъ, который введетъ дѣтей въ самое сердце Чернаго Материка; вмѣстѣ съ нашимъ героемъ мы пройдемъ по первобытнымъ лѣсамъ и степямъ Африки, посѣтимъ ея гигантскія рѣки и безграничныя озера, причемъ будемъ останавливаться на тѣхъ мѣстностяхъ, которыя являются главными центрами событій въ исторіи открытія послѣднаго времени. Это должно содѣйствовать развитію нашихъ юныхъ читателей, развивая въ нихъ пониманіе той культурной миссіи, которая предстоитъ европейцамъ въ этой странѣ въ ближайшія десятилѣтія.

Таковы мысли, руководившія нами при изданіи „Африканскаго Кожанаго Чулка“.

Смѣемъ думать, что эта книга встрѣтитъ одобреніе среди юныхъ читателей и благосклонный пріемъ со стороны руководителей юношества.

К. Фалькенгорстъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Змѣиная ловушка.

Знойная зима.—Подъ исполинскимъ деревомъ.—Бѣлая Борода и его спутники.—Стрѣлокъ и пѣвецъ.—Мрачныя воспоминанія.—Пигмеи. — Карликъ Акка. — Таинственная смерть буйвола. — Оборотни—волки и оборотни — леопарды.—Пустынникъ.—По слѣдамъ слоновъ.—Такъ охотятся акки!—„Красная Змѣя" и ея жертва.

Предъ глазами молодого человѣка, стоявшаго на вершинѣ небольшаго холма, разстилался зимній пейзажъ.

У ногъ наблюдателя струился по каменистому руслу ручей. Онъ не отличался глубиною, такъ какъ всюду видно было дно; поверхность его была покрыта пѣнистыми гребнями вслѣдствіе ударовъ волнъ о выдававшіеся надъ поверхностью воды камни. Несомнѣнно, рѣка далеко не всегда была такъ мелка и ея теченіе—отнюдь не всегда такъ спокойно, какъ въ данное время. Вдоль узкаго серебристаго ручья тянулись по обѣимъ его сторонамъ широкія песчаныя полосы, примыкавшія къ вывѣтрившимся, покрытымъ трещинами каменистымъ стѣнамъ. Пространство между скалистыми стѣнами и составляло собственно рѣчное русло, по которому обыкновенно струились по направленію къ долинѣ могучія волны. Теперь источники пересохли, и крошечная, узенькая рѣчка, бѣжавшая по широкому руслу, напоминала собою ребенка, пріютившагося на постели великана.

По ту сторону рѣки тянулась широкая площадь, безъ всякаго слѣда пышныхъ нивъ, воздѣланныхъ полей, паст-

бищъ или рощъ: то была степь. Но тщетно глазъ сталъ бы искать здѣсь волнующагося моря травы, столь обычной въ степи, составляющей прiютъ различнымъ птицамъ и животнымъ. Не слышно было ни стрекотанiе цикадъ, ни даже кваканья лягушекъ. Въ степи царствовала мертвая тишина.

На однообразномъ фонѣ поверхности блестѣли только мѣстами широкiя полосы краснаго песка, отливавшаго чернымъ цвѣтомъ благодаря золѣ и угольямъ, да тамъ и сямъ поднимались обнаженные травяные стебли, уцѣлѣвшiе отъ разрушительнаго дѣйствiя степнаго пожара. По сю сторону рѣки, кругомъ холма стоялъ рѣдкiй лѣсъ; масса сухихъ листьевъ спала съ деревьевъ, и вѣтеръ разносилъ ихъ кругомъ по землѣ. Тысячи другихъ листьевъ, отчасти уже увядшихъ, отчасти—увядающихъ, висѣли еще на вѣтвяхъ деревьевъ и кустарниковъ, и одежда лѣса блестѣла на солнцѣ желтыми, бѣлыми и красноватыми переливами.

Но наряду съ умиранiемъ и увяданiемъ пробивалась въ растенiяхъ новая жизнь: на обнаженныхъ сучьяхъ и вѣтвяхъ виднѣлись новыя, распускающiяся зеленыя почки; мѣстами можно было замѣтить и свѣжiе цвѣты: жизнь и смерть еще оспаривали другъ у друга пальму побѣды въ природѣ.

Гигантское дерево, увѣнчивавшее вершину холма, также не хотѣло окончательно сбрасывать съ себя зеленый нарядъ. Густой коверъ сухихъ листьевъ уже покрывалъ землю подъ его мощнымъ навѣсомъ, увядшiе листья висѣли также всюду и на его вѣтвяхъ, но въ тысячѣ мѣстъ пробивалась на немъ новая, молодая зелень, а вершина дерева все еще была густа и давала еще большую тѣнь.

Къ какой породѣ принадлежало это дерево, столь гордо поднимавшее къ небу свою вершину? Мощью и силою оно напоминало собою тысячелѣтнiй дубъ, этого сына сѣвера; по формѣ оно также было похоже на него, только ни одинъ дубъ не могъ сравняться съ этимъ деревомъ своими размѣрами. Могучiй стволъ поднимался кверху подобно башнѣ, и на разстоянiи пятнадцати метровъ отъ поверхности земли,

въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ начиналъ развѣтвляться, вѣтви его толщиною не уступали самымъ большимъ дубамъ. Бури и грозы были безсильны предъ этимъ великаномъ; только время могло бы оказать на него свое разрушительное дѣйствіе. Тысячу лѣтъ простоялъ уже этотъ гигантъ, и, быть можетъ, не одну тысячу лѣтъ предстояло ему прожить еще на землѣ. Смѣна лѣта и зимы мало вредила ему; близость рѣки давала ему возможность легко переносить засухи, и онъ цвѣлъ и зеленѣлъ, когда наступали ливни и грозы разражались надъ его головою.

Теперь была зима; солнце немилосердно палило, и масса птицъ укрывалась отъ зноя въ тѣнистыхъ вѣтвяхъ дерева. Подъ его тѣнью отдыхалъ теперь и нашъ путникъ, любовавшійся зимнимъ ландшафтомъ.

Гдѣ на земномъ шарѣ находится такая страна, въ которой намъ приходилось бы укрываться зимою въ тѣни деревьевъ отъ солнечнаго зноя? Такая страна лежитъ на далекомъ югѣ, вблизи экватора, и мѣстность, о которой идетъ рѣчь, расположена по берегу одной ихъ рѣкъ Судана, впадающей въ Газелью рѣку, неподалеку отъ Бѣлаго Нила. Гигантское дерево, подъ которымъ расположился путникъ, принадлежало къ породѣ обезьяньихъ деревьевъ.

Но молодой путникъ, который стоялъ опершись на дуло ружья и смотрѣлъ на бѣгущій ручей, былъ вовсе не сынъ юга. Бѣлокурые локоны, выбивавшіеся изъ подъ бѣлой соломенной шляпы, имѣвшей форму шлема, бѣлокурая борода, обрамлявшая его загорѣвшее лицо, голубые глаза съ длинными рѣсницами,— все это указывало на то, что молодой человѣкъ не былъ уроженцемъ Африки. Родиною его было побережье Сѣвернаго Нѣмецкаго моря; изъ этихъ отдаленныхъ странъ пришелъ онъ сюда, въ область Газельей рѣки. Здѣсь, куда проникали лишь черноволосые турки да греки, блондинъ пользовался общимъ уваженіемъ. Туземцы назвали его „Бѣлою Бородою“ и это названіе осталось за нимъ не смотря на то, что онъ былъ очень молодъ и не достигъ еще двадцатичетырехлѣтняго возраста.

Юноша „Бѣлая Борода“ былъ не одинъ: его сопровождали два товарища. Послѣдніе были типичными дѣтьми Эѳіопіи. Цвѣтъ кожи у одного изъ нихъ былъ темно-коричневый, у другого—мѣдно-красный. Первый былъ высокаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія, второй былъ настоящій карликъ: судя по росту, ему можно было дать не болѣе четырнадцати лѣтъ и только морщины на лицѣ указывали на его зрѣлый возрастъ. Голова краснокожаго имѣла круглую форму, между тѣмъ какъ голова коричневаго была продолговата и стиснута въ вискахъ.

Ни у того, ни у другого не было никакой одежды, если не считать одеждою большаго передника на бедрахъ. Въ платьѣ нуждаются европейцы, въ Африкѣ же оно совершенно не нужно. Въ коричневомъ съ перваго же взгляда можно было узнать негра изъ племени бари, наиболѣе трудолюбиваго и храбраго, занимающагося земледѣліемъ и скотоводствомъ и лучше другихъ негровъ умѣющаго оберегать свою шкуру. Карликъ, наоборотъ, принадлежалъ къ племени акка,—тѣмъ карликовымъ цыганамъ съ верхняго Нила, которые не имѣютъ постояннаго мѣстожительства и живутъ только охотою.

Акка равнодушно лежалъ, растянувшись на землѣ и повидимому, дремалъ. Негръ держалъ въ рукахъ винтовку и внимательно смотрѣлъ вверхъ на дерево. На деревѣ не было дичи, которая могла бы составить предметъ охоты, но въ вѣтвяхъ чирикали и порхали различныя птицы и одна изъ нихъ, пестрый попугай, повидимому, особенно понравилась чернокожему. Онъ приложилъ ружье къ плечу и сталъ цѣлиться, но рука его дрожала отъ возбужденія.

— Спокойнѣе, Лео, спокойнѣе, а то ты опять промахнешься,—обратился къ нему Бѣлая Борода.—Рука не должна дрожать!

Но совѣтъ его пропалъ по-пусту: раздался выстрѣлъ и, вслѣдъ за нимъ, напуганныя птицы поднялись со своихъ мѣстъ, а громкій смѣхъ вскочившаго въ это время съ земли акка, подтвердилъ предположеніе Бѣлой Бороды, что Лео и на этотъ разъ промахнулся.

— Лео, Лео,—началъ онъ,—должно быть, изъ тебя никогда не выйдетъ охотникъ. Оставь стрѣльбу! Я пошлю тебя къ Св. Кресту въ миссію: тамъ ты можешь хоть обрабатывать поле.

На Лео это замѣчаніе подѣйствовало, повидимому, не особенно пріятно. Онъ опустилъ ружье и пробормоталъ:

— Копьемъ я могу убить буйвола, а изъ этого ружья не могу застрѣлить даже попугая. Нѣтъ, тутъ есть какое-нибудь колдовство!

— Колдовство?—переспросилъ Бѣлая Борода, который разслышалъ только послѣднія слова негра,—тутъ нѣтъ никакого колдовства, сынъ мой. Дѣло просто въ томъ, что ты не умѣешь стрѣлять. А ну, Акка, попробуй-ка теперь ты. Я самъ заряжу тебѣ ружье.

Но тотъ, къ кому обращены были эти слова, только презрительно покачалъ головою.

— Что, или ты боишься?—спросилъ Бѣлая Борода.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ акка,—я пробовалъ стрѣлять изъ ружья еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что оно ненадежно. Вотъ съ этимъ мы умѣемъ обращаться лучше!—И съ этими словами онъ поднялъ съ земли лукъ и колчанъ со стрѣлами.

Бѣлая Борода засмѣялся.

— Изъ этого ружья я могу попасть въ самую маленькую птичку, акка!

— Попробуй,—заговорилъ негръ:—вонъ тамъ, на вѣткѣ куста, шагахъ въ двадцати отсюда, сидитъ маленькая сѣрая птичка. Попробуй-ка, Бѣлая Борода! Или, быть можетъ, ты ее не видишь?

Бѣлая Борода замѣтилъ птичку и уже прицѣлился было, но вдругъ почему-то опустилъ ружье.

— Ага! Ты не надѣешься на себя!—вскричалъ акка,—ну, смотри же, я тебѣ покажу! И съ этими словами онъ съ быстротою молніи натянулъ свой лукъ и положилъ на него стрѣлу.

— Стой, акка, стой! Не смѣй стрѣлять!— вскричалъ было

Бѣлая Борода, но было уже поздно: стрѣла, пущенная мѣткою рукою, уже попала въ цѣль, а стрѣлокъ, не слушая послѣднихъ словъ Бѣлой Бороды, съ радостнымъ крикомъ бросился по направленію къ кусту и скоро возвратился оттуда съ трофеемъ, высоко поднявъ передъ собою убитую сѣренькую птичку.

Подойдя къ своему господину, акка устремилъ на него взглядъ, исполненный чувства собственнаго достоинства: онъ гордился своимъ успѣхомъ и, навѣрное, ожидалъ отъ Бѣлой Бороды поощренія. Но встрѣтившись взоромъ съ послѣднимъ, онъ невольно отступилъ назадъ: въ глазахъ Бѣлой Бороды свѣтилось не удовольствіе, а гнѣвъ.

Негръ недоумѣвалъ; кажется, онъ не сдѣлалъ ничего дурного, а между тѣмъ господинъ сердится. За что же бѣлый толкнулъ его ногою и вырвалъ у него изъ рукъ его добычу? Стрѣлокъ не вѣрилъ своимъ ушамъ, когда Бѣлая Борода началъ говорить;

— Фи, акка! Ты не долженъ стрѣлять, я запрещаю тебѣ это. За этотъ свой выстрѣлъ ты заслужилъ бичъ!

Удивленіе негра еще болѣе возросло бы, если бы онъ увидѣлъ лицо своего господина, который въ это время отвернулся отъ него. Выраженіе гнѣва исчезло съ лица Бѣлой Бороды, когда онъ устремилъ свой взоръ на трупъ маленькой птички, которую держалъ въ рукѣ и на глазахъ его появились слезы.

— Бѣдный соловей!—прошепталъ онъ,—въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ увидѣлъ я тебя и долженъ былъ стать невольнымъ свидѣтелемъ преступленія, которое совершили надъ тобою!

Онъ опустился на выдавшійся корень гигантскаго дерева, погладилъ мертваго, навсегда замолкшаго пѣвца, и опершись головою на руку, глубоко задумался, не обращая вниманія на своихъ спутниковъ.

Его мысли были далеки отъ этого пустыннаго мѣста; предъ его глазами проносился другой, прелестный міръ. Въ окруженномъ высокими деревьями садикѣ цвѣли розы, на

ясномъ небосклонѣ всходилъ мѣсяцъ, освѣщая едва колеблемые вѣтромъ листья и плети дикаго винограда и бросая дрожащій серебристый свѣтъ на столъ бесѣдки.

Въ бесѣдкѣ сидѣлъ онъ самъ, Гейнцъ, молодой лѣсничій, и смотрѣлъ на домъ сосѣда, въ которомъ жила его двоюродная сестра, прелестная Роза. Онъ питалъ къ этой дѣвушкѣ тихое, искреннее чувство, и такъ какъ Роза всегда была ласкова къ нему, то онъ думалъ, что пользуется взаимностью, и надѣялся на ней жениться. Тогда, конечно, онъ не могъ объ этомъ думать, потому что еще находился въ ученьи, но черезъ годъ ему обѣщали опредѣленную должность и онъ могъ надѣяться, что, постепенно подвигаясь по службѣ, онъ будетъ въ состояніи обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Онъ намѣревался вернуться черезъ годъ, а пока предавался своему тихому счастью. Сердце его ликовало въ ту ночь, до слуха его доносились ликующіе звуки: то соловей распѣвалъ свои радостныя счастливыя пѣсни.

Все это происходило три съ половиной года тому назадъ. Годъ спустя онъ опять сидѣлъ въ той же бесѣдкѣ, но счастье его было разбито и онъ прощался съ родиной.

Прелестная Роза уже давно была помолвлена съ другимъ, съ другомъ Гейнца, и окна напротивъ были ярко освѣщены: Роза праздновала свою помолвку. Онъ былъ въ числѣ приглашенныхъ; никто не догадывался о его чувствѣ, но онъ бѣжалъ отъ веселаго общества въ обвитую виноградомъ бесѣдку. Сюда доносились до него звуки вальса и рѣзали ему сердце. Онъ не могъ слышать веселой музыки и успокоился только тогда, когда замолкли скрипка и рояль, и въ ближайшихъ кустахъ раздалось трогательное грустное пѣніе: то опять пѣлъ соловей, какъ будто желая излить свое собственное горе и облегчить страданіе юноши. И тутъ созрѣло въ немъ рѣшеніе, измѣнившее всю его жизнь: онъ рѣшилъ оставить родительскій домъ, зеленый боръ, дорогую возлюбленную.

Родители его умерли. Маленькимъ имѣньемъ давно управлялъ старшій братъ. Ничто уже не привязывало его къ ро-

динѣ и онъ рѣшилъ отправиться странствовать по бѣлу свѣту. Цѣлью своего путешествія онъ намѣтилъ далекій Суданъ, откуда беретъ начало Нилъ, ту чудесную страну, которая въ то время еще не была изслѣдована, но на знакомыхъ границахъ которой въ то время, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, уже начали селиться смѣлые охотники за львами и слонами. И такъ онъ отправился въ дальнее странствованіе. Но родина оставила послѣ себя неизгладимое впечатлѣніе и каждый разъ, когда онъ вспоминалъ ее, когда передъ нимъ воскресали картины радости или горя его юности, ихъ всегда сопровождало воспоминаніе о пѣніи соловья.

Оба негра стояли въ сторонѣ и украдкой смотрѣли на хозяина.

Лео не замедлилъ придумать объясненіе рѣзкой перемѣны настроенія Бѣлой Бороды. Лео былъ такъ называемымъ миссіонерскимъ негромъ, онъ получилъ нѣкоторое образованіе въ Святомъ Крестѣ при Нилѣ и былъ названъ при крещеніи своимъ воспреемникомъ, Бѣлой Бородой, Лео, въ честь суроваго царя пустыни. Лео слышалъ о голубѣ и о масличной вѣтви, видѣлъ также изображеніе голубя въ одной изъ книгъ и рѣшилъ, что голубь — священная птица бѣлыхъ, отсюда онъ вывелъ заключеніе, что бѣлые должны поклоняться и другимъ птицамъ. Онъ подумалъ про себя: невзрачная птица, убитая аккой, вѣроятно, священная, и нашъ хозяинъ огорченъ ея смертью; огорченъ, потому что за это послѣдуетъ наказаніе, его постигнетъ несчастье.

Акки, наоборотъ, культура ничуть не коснулась. Съ дѣтства онъ странствовалъ съ своимъ племенемъ по степямъ и лѣсамъ, все время занимаясь охотой и не отступая отъ обычаевъ дикарей. Онъ принадлежалъ къ тому карликовому племени Центральной Африки, издавна возбуждавшему любопытство европейцевъ, о которомъ сохранилось много сказочныхъ разсказовъ въ сказаніяхъ и пѣсняхъ. Кто не слыхалъ о пигмеяхъ, якобы борющихся съ журавлями?

И древніе ученые упоминаютъ объ этихъ загадочныхъ пигмеяхъ. Аристотель говоритъ:

„Журавли долетаютъ до озеръ, расположенныхъ сѣвернѣе Египта, изъ которыхъ беретъ начало Нилъ; тамъ живутъ пигмеи, причемъ это не басня, а истинная правда; и люди, и лошади здѣсь мелкой породы и живутъ въ пещерахъ.“

Теперь намъ извѣстно, что въ Африкѣ дѣйствительно есть карлики, достигающіе роста всего 1,20 до 1,40 метра. Обычаи ихъ суровы, потому что племена акка живутъ только охотой; они ловки на всѣ руки, мастера ставить силки и капканы, прекрасно стрѣляютъ изъ лука; нѣкоторые изъ нихъ людоѣды. Соотвѣтственно ихъ низкой степени развитія и характеръ ихъ—злобный, можно сказать дьявольскій, между прочимъ они находятъ удовольствіе въ мученіяхъ животныхъ. Карликъ, сопровождавшій Бѣлую Бороду, казалось, вполнѣ сохранилъ характеръ своего народа. Лицо его дышало какой-то дикостью. Два года тому назадъ онъ былъ взятъ рабомъ во время хищническаго набѣга, произведеннаго пришедшимъ въ эту страну торговцемъ слоновой костью, Гассаномъ. Акка былъ отличный охотникъ, и такъ какъ онъ былъ единственнымъ представителемъ своего племени, то его называли просто Аккой. Разъ онъ пытался бѣжать, но былъ пойманъ и жестоко наказанъ Гассаномъ. Съ тѣхъ поръ Аккѣ жилось очень тяжело, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Бѣлая Борода во время своихъ охотничьихъ скитаній забрелъ въ поселеніе Гассана и купилъ Акку у жестокаго торговца. Бѣлая Борода хотѣлъ его просто нанять, но торговецъ невольниками настаивалъ на продажѣ; Бѣлая Борода долженъ былъ согласиться, онъ обѣщалъ своему рабу отпустить его черезъ четверть года, если онъ будетъ ему хорошимъ вожатымъ.

Въ то время еще открыто производилась торговля рабами въ высоко цивилизованныхъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Еще не вспыхнула война за освобожденіе негровъ въ сѣверной Африкѣ. По этому неудивительно, что въ самомъ сердцѣ Африки дѣло работорговли обстояло еще хуже: тамъ даже враги рабства, какъ напр. Бѣлая Борода, были вынуждены покупать себѣ рабовъ, если хотѣли проник-

нуть внутрь страны. Съ тѣхъ поръ прошли десятки лѣтъ, и у Газельей рѣки, несмотря на частыя кровопролитныя войны съ ворами рабовъ, до сихъ поръ сохранились тѣ-же порядки.

Акка дѣйствительно честно служилъ своему хозяину, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ погрѣшностей, вообще свойственныхъ его племени. Прошло уже четверть года, а онъ добровольно оставался на службѣ у бѣлаго сверхъ условленнаго срока. Акка пользовался полной свободой, бродилъ по лѣсамъ и степямъ, но всегда возвращался къ стоянкѣ Бѣлой Бороды, къ искреннему удовольствію послѣдняго, радовавшагося, что ему удалось ласковымъ, человѣчнымъ обращеніемъ привязать къ себѣ негра. Онъ считалъ это до нѣкоторой степени побѣдой любви къ ближнему, такъ какъ акки вообще мстительны, а жестокое обращеніе бѣлаго торговца слоновой костью, Гассана, должно было еще болѣе укрѣпить въ немъ ненависть ко всѣмъ бѣлымъ.

Сегодня Акка въ первый разъ услышалъ отъ своего хозяина о побояхъ. И онъ по своему объяснилъ себѣ перемѣну въ настроеніи своего хозяина. Бѣлая Борода пользовался славою хорошаго стрѣлка. Но сегодня Акка его превзошелъ и это обидѣло бѣлаго. Вотъ причина его злобы, его угрозы! Побои за ловкій выстрѣлъ! Нѣтъ, это было слишкомъ, даже для негра!

Акка стоялъ мрачный. Всѣ бѣлые — подлецы, думалъ онъ.

Потомъ онъ поднялъ взглядъ, полный ненависти, на Бѣлую Бороду и проворчалъ сквозь зубы,—нѣтъ, и тебѣ не будетъ пощады!

Онъ сѣлъ на землю и, по мѣрѣ того, какъ утихала въ немъ злоба, искаженное лицо его принимало спокойное выраженіе. Рука его небрежно играла стрѣлами въ колчанѣ, съ губъ не сходила побѣдоносная улыбка, въ глазахъ горѣло самодовольство, подобное тому, какое испытываетъ хищный звѣрь, увѣренно выжидающій свою жертву.

Наконецъ, Бѣлая Борода очнулся. Солнце бросало уже

косые лучи; надо было отправляться. Онъ выронилъ изъ рукъ мертвое тѣло птички и быстро всталъ.

— Ну, Акка,—сказалъ онъ, — отправимся-ка теперь на буйвола, это—болѣе подходящая дичь для охотника. Въ это время онъ обыкновенно заграждаетъ дорогу къ серибѣ * Гассана. Онъ уложилъ уже шесть человѣкъ; посмотримъ, справится-ли онъ съ нами?

— Въ это время,—сказалъ Акка,—онъ обыкновенно пьетъ или купается въ озерѣ, но сегодня онъ пилъ вѣрно въ послѣднiй разъ и уже не загородитъ больше дороги въ серибу.

— Я тебя не понимаю,—отвѣтилъ Бѣлая Борода,—пойдемъ,—надо придти во-время, чтобы успѣть скрыться въ засаду. Вставай, Лео!

— Долго придется тебѣ его ждать,—сказалъ Акка съ плохо скрытой насмѣшкой.—Тебѣ его не уложить. Буйволъ уже убитъ и его уложилъ я!

— И ты молчалъ и велъ насъ сюда... заставилъ по напрасну пройти такой далекiй путь, Акка?—началъ разсерженный Бѣлая Борода.—Смотри у меня! я добръ, но я прогоню тебя, если ты будешь позволять себѣ подобныя шутки.

Акка наслаждался въ душѣ гнѣвомъ своего господина, но отвѣтилъ покорно.—буйволъ могъ умереть только сейчасъ, поэтому я не могъ тебѣ сказать объ этомъ раньше!

Бѣлая Борода остановился, пристально посмотрѣлъ на карлика и подумалъ про себя,—ужъ не рехнулся ли этотъ человѣкъ? Потомъ онъ прибавилъ вслухъ,—ты глупъ, Акка, и болтаешь, какъ дитя!

— Буйволъ могъ умереть только сейчасъ! Ты здѣсь и увѣряешь, что убилъ буйвола!—вмѣшался Лео,—Акка, ты дуракъ, ха, ха, ха!

Карликъ ехидно усмѣхнулся.

— Ты думаешь, что если акка малъ, то онъ и глупъ? Пойдемъ, глупый бари, я покажу тебѣ мертваго буйвола!

---

*) Поселенiе.

Съ этими словами онъ перекинулъ лукъ черезъ плечо и спустился съ холма.

Бѣлая Борода и Лео съ удивленіемъ переглянулись, но послѣ минутнаго размышленія бѣлый сказалъ:—Не можетъ быть, чтобы онъ лгалъ. Пойдемъ, Лео!

И они молча послѣдовали за бѣжавшимъ впереди аккой.

Мѣстность, по которой они теперь проходили, лежала нѣсколько въ сторонѣ отъ деревень и воздѣланныхъ полей туземцевъ. По степи протекала рѣка, о которой мы уже упоминали выше, берега ея густо заросли деревьями, мѣстами представлявшими дѣвственный лѣсъ, въ чащѣ котораго водилось немало звѣрей. Здѣсь раздавалось рычаніе львовъ, здѣсь водились леопарды и стада слоновъ, а въ болѣе глубокихъ мѣстахъ рѣки, тамъ, гдѣ она образовала озера, нерѣдко встрѣчались и бегемоты. Къ лѣсу и болоту сбѣгались временами и степные звѣри: быстрыя антилопы, зебры, жирафы, а также и буйволы, занимавшіе въ настоящее время нашихъ охотниковъ.

Отсюда хищные звѣри производили свои нападенія на окрестности. Львы опустошали стада туземцевъ, леопарды пробирались даже въ жилища и нерѣдко уносили негровъ. Это происходило изъ года въ годъ, и негры терпѣливо сносили это хищничество, даже не приписывая дикимъ звѣрямъ вину въ немъ.

По народному суевѣрью и здѣсь есть вѣдьмы, которыя злымъ глазомъ завораживаютъ враговъ, умѣютъ отравлять птицу, портить людей. Негры вѣрятъ, что есть люди, которые выходятъ ночью, чтобы убивать своихъ ближнихъ, мясо которыхъ они употребляютъ въ пищѣ и для разныхъ заклинаній.

У туземцевъ существуютъ и еще болѣе страшныя повѣрья. Говорятъ, что есть деревни, жители которыхъ ночью обращаются въ леопардовъ, убивающихъ и пожирающихъ людей, и имъ, а не дикимъ звѣрямъ, приписывается вина въ похищеніи жителей.

Здѣсь, какъ и у насъ въ старину, вѣрятъ въ оборотней

и не разъ замучивали на смерть невинныхъ людей, подозрѣваемыхъ въ томъ, что они обращаются въ леопардовъ. Но ни львы, ни леопарды не наводили такого ужаса, какъ одинъ только буйволъ, за послѣднія недѣли буквально заградившій дорогу къ серибѣ Гассана и уже убившій или тяжело ранившій шестерыхъ людей, мирно шедшихъ своей дорогой.

Это былъ несомнѣнно такъ называемый „пустынникъ“, одинъ изъ тѣхъ буйволовъ, которые изгоняются стадомъ и живутъ одиноко. Злые отъ природы, такіе „пустынники“ бросаются на людей безъ всякой причины и наводятъ вполнѣ основательный страхъ. На буйвола около серибы Гассана ужъ не разъ выходили туземные охотники, но безуспѣшно; они возвращались съ пустыми руками, отчасти даже довольные, что имъ не пришлось познакомиться съ рогами и копытами дикаго звѣря.

Бѣлая Борода, только недавно возвратившійся въ серибу послѣ довольно долгаго путешествія, подъ наплывомъ рыцарскихъ чувствъ, тотчасъ-же рѣшилъ избавить страну отъ этой напасти, хотя и зналъ, что этотъ видъ охоты одинъ изъ самыхъ опасныхъ въ свѣтѣ, гораздо болѣе опасный, чѣмъ, напр., львиная охота.

Но онъ вѣрилъ въ свою мѣткость и въ свою прекрасную винтовку. На содѣйствіе двухъ своихъ спутниковъ онъ не могъ надѣяться. Лео только что еще разъ доказалъ свою неумѣлость въ стрѣльбѣ, а Акка изъ своего лука не могъ убить буйвола.

И вдругъ карликъ утверждаетъ, что онъ убилъ буйвола! Дѣйствительно, онъ вчера и третьяго дня ходилъ одинъ на охоту, но вѣдь онъ утверждалъ, что буйволъ убитъ имъ сейчасъ!

Не иначе, какъ Акка вѣрилъ въ какое нибудь колдовство и примѣнилъ его. Онъ съ гордой увѣренностью подходилъ теперь къ мѣсту, гдѣ предполагалъ свою жертву; онъ приблизился къ водопою буйвола, который онъ тѣмъ временемъ успѣлъ высмотрѣть.

— Ну, колдуна ждетъ сильное разочарованіе,—подумалъ Бѣлая Борода, слѣдуя за нимъ съ ружьемъ на готовѣ и ожидая, что яростный пустынникъ, того и гляди, выскочитъ изъ какой-нибудь засады. По дорогѣ, гдѣ шелъ Акка, все чаще встрѣчались слѣды звѣря и, наконецъ, смѣшались съ слоновыми. Вся почва была изрыта тяжелыми копытами этихъ колоссовъ и буквально покрыта ямами; съ трудомъ только можно было шагомъ пробираться впередъ, слѣдя за каждымъ шагомъ, чтобы не ввалиться въ одну изъ ямъ. На своемъ пути слоны оборвали съ деревьевъ массу вѣтвей и даже сучьевъ въ руку толщиной и, объѣвши съ нихъ листья, покрыли этимъ хворостомъ кочковатую дорогу. Это еще болѣе затрудняло путь. Слонъ первый пролагаетъ путь въ дѣвственномъ лѣсу; онъ одинъ въ состояніи пройти чрезъ самыя густыя чащи тропическаго лѣса, но пути, пролагаемые имъ, неудобны для парадныхъ каретъ и для гуляющей публики. Однако ноги негровъ справляются и съ такими препятствіями, а Бѣлая Борода уже давно привыкъ странствовать и по такимъ дорогамъ.

Вдругъ Акка свернулъ съ широкой тропинки и направился въ чащу. Онъ какъ змѣя проскальзывалъ между деревьями и кустарниками, сворачивая то вправо, то влѣво; иногда онъ останавливался, поджидая своихъ спутниковъ

Наконецъ путники, обливаясь потомъ, вышли на поляну. Здѣсь находилась маленькая рѣчная бухта; деревья вокругъ кишѣли безчисленными птицами, стаи которыхъ покрывали и поверхность воды; онѣ укрылись въ этомъ тихомъ, прохладномъ уголкѣ лѣса отъ засухи и наполняли воздухъ своимъ крикомъ. Но охотники не обращали вниманія на это странное, имъ давно знакомое зрѣлище; глаза Бѣлой Бороды были устремлены на Акку, который вытягивался въ прибрежной травѣ, насколько только могъ, и указывалъ правой рукой на какой-то предметъ.

— Ну, что, убитъ?—посмѣивался Лео.

Акка не отвѣчалъ. Онъ стоялъ съ поднятой рукой, какъ изваяніе.

— Что, мертвъ?—повторилъ и Бѣлая Борода. Но и онъ не удостоился отвѣта. Чрезъ нѣсколько мгновеній онъ уже стоялъ около Акки и, смотря по направленію, указываемому правой рукой послѣдняго, онъ дѣйствительно увидѣлъ шагахъ въ двадцати лежавшаго на берегу буйвола.

Бѣлая Борода засмѣялся, потому что буйволъ не былъ мертвъ, онъ только что двигалъ головой.

— Да вѣдь онъ живъ, Акка,—прошепталъ онъ негру и взвелъ курокъ, чтобы не пропустить удобнаго момента для выстрѣла.

Тутъ акка опустилъ руку Акки и крѣпко схватила Бѣлую Бороду за руку.

— Онъ умираетъ!—прохрипѣлъ негръ.

Бѣлая Борода взглянулъ на карлика; глаза послѣдняго горѣли такимъ дикимъ, дьявольскимъ огнемъ, что даже смѣлаго охотника охватилъ ужасъ.

— О, онъ умираетъ, онъ долженъ умереть, въ его жилахъ течетъ ядъ!—продолжалъ негръ странно дрожащимъ голосомъ.—Такъ охотятся Акка, Бѣлая Борода!

Бѣлая Борода перевелъ взглядъ съ непріятнаго лица негра на буйвола и увидѣлъ, что послѣдній, дѣйствительно, бился уже въ предсмертныхъ судорогахъ, съ бѣлою пѣною у рта. Тутъ онъ сразу понялъ, какъ Акка убилъ звѣря. Онъ слышалъ уже не разъ о бѣдномъ охотничьемъ племени дерръ, которое пользуется для охоты ядовитыми змѣями. Съ этою цѣлью они окружаютъ какое-нибудь болото или озеро крѣпкимъ частоколомъ изъ терновника, оставляя для приходящаго на водопой звѣря только узкую тропинку, близъ которой привязываютъ ядовитую змѣю, такъ что звѣрь не можетъ миновать и непремѣнно подвергается ея укусамъ. Акка, вѣроятно, былъ знакомъ съ этимъ видомъ охоты и, навѣрно, поставилъ буйволу змѣиную ловушку.

Бѣлой Бородѣ было жаль издыхавшаго въ конвульсіяхъ звѣря; онъ быстро приложился и выстрѣлилъ. Въ то-же мгновеніе поверхность воды заволновалась отъ тысячи водя-

ныхъ птицъ, которыя поднялись тучей, почти совсѣмъ заслонившей солнечный свѣтъ.

Буйволъ лежалъ спокойно, изъ груди струилась кровь; смертная агонія кончилась.

— Бѣлая Борода — Нѣжное Сердце!—сказалъ Акка,—ну, что ты не далъ ему еще помучиться? Онъ убилъ и искалѣчилъ шестерыхъ негровъ, а я отомстилъ за нихъ только укушеніемъ змѣи!

Въ тонѣ его словъ звучала такая жестокость, что Бѣлая Борода въ ужасѣ отшатнулся. Въ глазахъ его выразилось отвращеніе къ негру.—Негодяй!—воскликнулъ онъ, — и ты смѣешь такъ охотиться, находясь у меня на службѣ! Ты самъ—не лучше змѣи!

— Ты правъ, Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце!—возразилъ съ злой усмѣшкой карликъ.—Ты называлъ меня Аккой, но ступай къ моему племени и спроси, какъ меня звали съ дѣтства: тебѣ отвѣтятъ „Красная Змѣя."

При этихъ словахъ онъ вскочилъ и пошелъ вдоль берега. Но вскорѣ онъ остановился и насмѣшливо закричалъ: —Что-же ты не идешь, Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, и не поучишься, какъ охотятся акки? Видишь, какъ хорошо прикрѣпленъ хвостъ змѣи къ палкѣ. Я ее подразню! Какъ она надуваетъ шею и грозится ядовитыми губами! Не подходи, я ее освобождаю.

— Такъ, мой товарищъ по охотѣ, — воскликнулъ онъ и высоко поднялъ змѣю, схвативъ ее у самой головы,—ты отливаешь краснымъ блескомъ на солнцѣ, какъ и я—Красная Змѣя. А теперь отправляйся въ свой домъ, пока опять понадобишься.

Съ этими словами, карликъ поднялъ съ земли продолговатый деревянный ящикъ, съ быстротой молніи сунулъ туда змѣю и также быстро захлопнулъ крышку.

Бѣлая Борода въ ярости стоялъ передъ карликомъ.

— На моей службѣ ты вздумалъ таскать съ собой ядовитыхъ змѣй? Сію же минуту прикончи эту гадину!

— Срокъ моей службы кончился, Бѣлая Борода — Нѣж-

ное Сердце!—закричалъ негръ, — щади маленькихъ птицъ и жалѣй буйволовъ, но знай, что есть лучшій охотникъ, чѣмъ ты, — это Красная Змѣя, который теперь возвратился къ своему племени!

И не дожидаясь отвѣта, карликъ скрылся въ чащѣ кустарника. Вѣтви сомкнулись за нимъ, и Бѣлая Борода съ Лео остались одни на берегу озеру, на которое опять стали уже слетаться спугнутыя птицы.

ГЛАВА II.

Съ глазу на глазъ.

Бѣлая Борода — Нѣжное Сердце. — Поставщикъ мяса.—„Милыя".— Рога буйволовъ въ травѣ.—Роковой выстрѣлъ.—Буйволъ.—Съ глазу на глазъ.—Зеленѣющія развалины.—Грабитель.—Черный торреро.— „Такъ охотятся бари!".

Между тѣмъ наступилъ поздній вечеръ и Бѣлая Борода поспѣшилъ оставить это непріятное мѣсто, чтобы до наступленія ночи добраться до серибы Гассана.

На неоднократныя просьбы Лео позволить ему захватить хоть лучшіе куски буйволоваго мяса, Бѣлая Борода отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Пусть даже мясо было совершенно безвредно, какъ увѣрялъ Лео, Бѣлой Бородѣ было бы противно ѣсть мясо звѣря, убитаго такимъ коварнымъ способомъ: онъ и подъ тропиками остался настоящимъ охотникомъ.—Полно Лео,—говорилъ онъ,—въ лѣсу еще много буйволовъ и навѣрно сегодня же намъ еще придется повстрѣчаться съ цѣлымъ стадомъ.

Оба отправились въ обратный путь по той же тропинкѣ, по которой провелъ ихъ „Красная Змѣя". Бѣлая Борода былъ весь погруженъ въ размышленія и не обращалъ вниманія на окружающее. Лео взялъ на себя обязанность вожатаго.

Карликъ назвалъ его „Нѣжное Сердце" и употребилъ это

названіе въ видѣ упрека. Ему уже не разъ приходилось слышать этотъ упрекъ въ чрезмѣрной добротѣ и на родинѣ, а еще чаще здѣсь, въ Африкѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сердился на него старшій королевскій лѣсничій за то, что онъ отпустилъ браконьера, пойманнаго съ поличнымъ, послѣ того, какъ послѣдній со слезами разсказалъ ему о своей нуждѣ и придумалъ исторію о больной женѣ и голодныхъ дѣтяхъ. Добрый Гейнцъ даже опорожнилъ свой кошелекъ, чтобы помочь этому ловкому мошеннику. Онъ умолчалъ о случившемся старшему лѣсничему и начальство узнало объ этомъ только благодаря самохвальству впослѣдствіи схваченнаго браконьера. Гейнцъ тогда едва не лишился мѣста.

Не лучше жилось ему и въ Африкѣ. Слуги, нанимаемые имъ, рабы, покупаемые въ силу необходимости, дезертировали, и Бѣлая Борода не преслѣдовалъ ихъ, махнувъ на нихъ рукой. До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ такъ, но продолжать въ томъ же направленіи было невозможно.

Онъ отправился въ Суданъ по порученію большого торговаго дома въ Каиро для закупки слоновой кости, а между дѣломъ занимался также охотой за дикими и рѣдкими животными для разныхъ музеевъ.

Дѣла по закупкѣ слоновой кости шли недурно; на охотѣ ему тоже везло, и онъ могъ бы извлечь порядочные барыши; если бы обращался съ своими подчиненными такъ же строго, какъ другіе торговцы. Но благодаря своей добротѣ онъ терпѣлъ убытки, такъ что послѣ разсчета съ хозяиномъ на его долю доставалось очень мало.

Гассанъ все-таки былъ правъ, когда говорилъ ему:

— Если вы сами не хотите ничего заработать, воля ваша; но не забывайте, что вы можете понести большіе убытки, что у васъ крадутъ товары, что пропадаетъ слоновая кость. Дѣла могутъ пойти такъ плохо, что вы явитесь къ своимъ довѣрителямъ съ пустыми руками, растративъ довѣренный вамъ капиталъ.

Дѣйствительно, Бѣлая Борода былъ плохой дѣлецъ, онъ

зналъ это и самъ; ему надо было исправиться, т. е. собственно сдѣлаться хуже, строже обращаться съ неграми, больше преслѣдовать собственную выгоду. Это было необходимо и онъ въ душѣ далъ себѣ слово дѣйствовать иначе.

Но пока его караванъ отправился съ слоновой костью въ Хартумъ, до возвращенія его съ новыми товарами онъ былъ свободенъ, могъ бродить по окрестностямъ и сколько угодно охотиться. Лео и Акка были единственные слуги, оставшіеся съ нимъ, а теперь убѣжалъ и „Красная Змѣя". Но Бѣлая Борода не жалѣлъ о карликѣ: послѣ происшествій послѣдняго дня, въ которыхъ Акка такъ ясно обнаружилъ свою жестокость, Бѣлая Борода и такъ не потерпѣлъ бы его при себѣ. „Красная Змѣя" былъ хорошій охотникъ, замѣнявшій своему хозяину лучшую охотничью собаку, но настоящій ловчій долженъ умѣть обойтись и одинъ.

Бѣлая Борода занимался охотой не только для развлеченія; въ благодарность за гостепріимный пріемъ, оказанный ему въ серибѣ Гассана, онъ взялъ на себя обязанность доставлять ему охотой необходимые мясные запасы. Онъ являлся до извѣстной степени фуражиромъ поселенія и зналъ, что и сегодня его ожидаетъ много голодныхъ желудковъ, потому что многочисленные рабы Гассана только тогда получали мясо, когда Бѣлая Борода доставлялъ его въ изобиліи. И Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце часто охотился, не жалѣя силъ, чтобы доставить этимъ бѣднягамъ, участь которыхъ была такъ жалка, хоть это физическое удовольствіе. Поэтому ему и сегодня не хотѣлось возвращаться съ пустыми руками; ему непремѣнно хотѣлось убить буйвола или хоть антилопу. Вспомнивъ объ этой своей обязанности, онъ забылъ про „Красную Змѣю" и взоромъ охотника сталъ озирать окрестности.

Онъ дошелъ какъ разъ до того мѣста, гдѣ слоновая тропа терялась въ лѣсу; предъ нимъ разстилалась мѣстность, похожая на паркъ,—такъ рѣдко на ней были расположены группы деревьевъ и кустовъ. По всѣмъ признакамъ здѣсь должны были водиться буйволы и антилопы.

По нѣсколько минутъ онъ пристально всматривался въ каждую группу деревьевъ и кустарниковъ: дичи нигдѣ не было. Но вотъ налѣво отъ него, въ отдаленіи показались, наконецъ, какія-то движущіяся черныя точки. Бѣлая Борода обрадовался было, но вглядѣвшись пристальнѣе, перенесъ свой разочарованный взглядъ по противоположному направленію: подъ деревьями налѣво бѣгали жирафы, „милыя созданія", какъ ихъ называютъ арабы. Но охотнику это не понравилось; эти красивыя созданія пугливы, скорѣе всѣхъ другихъ животныхъ чуютъ опасность и предупреждаютъ своимъ быстрымъ бѣгствомъ всѣхъ другихъ звѣрей о приближеніи охотника. Было бы напрасно искать дичи по тому направленію, гдѣ „милыя" вытягивали свои длинныя шеи къ кронамъ акацій и мимозъ, добывая себѣ ужинъ съ высоты.

Лицо Бѣлой Бороды выражало явное недовольство, потому что ни направо, ни по срединѣ поля зрѣнія нельзя было высмотрѣть никакого звѣря.

Онъ хотѣлъ было уже съ тяжелымъ сердцемъ отправиться въ обратный путь, но рѣшилъ еще разъ окинуть взоромъ окрестность, и тутъ только, въ томъ мѣстѣ, гдѣ паслись жирафы, въ разстояніи какихъ-нибудь ста шаговъ замѣтилъ среди сухой травы что-то знакомое. Это была пара темныхъ кривыхъ линій, то пропадавшихъ, то вновь поднимавшихся изъ травы. Вслѣдъ затѣмъ изъ травы выглянуло что-то темное: это была голова буйвола!

— Зачѣмъ намъ за золотомъ гоняться, оно само къ намъ привалится! — подумалъ Бѣлая Борода, смѣясь. Онъ далъ Лео знакъ остановиться и сталъ подкрадываться къ добычѣ. Вѣтеръ былъ благопріятный, бѣлому удалось осторожно пробраться впередъ шаговъ на двадцать, но онъ не могъ еще вполнѣ различить тѣла буйвола. Онъ видѣлъ только, какъ передвигались рога и по ихъ числу онъ рѣшилъ, что буйволовъ трое. Въ это время дня буйволъ не лежитъ спокойно, высоту высохшей травы тоже трудно было опредѣлить, но по движенію роговъ Бѣлая Борода заключилъ, что

буйволы, вѣроятно, стоятъ въ углубленіи. Можетъ быть, въ томъ мѣстѣ протекали подземные ключи, увлажнявшіе почву, благодаря которымъ трава на ней еще не совсѣмъ засохла и могла служить пастбищемъ животнымъ. Но ему непремѣнно нужно было различить тѣло одного изъ буйволовъ, чтобы вѣрно прицѣлиться. Онъ пытался подойти къ звѣрямъ въ обходъ, но нигдѣ не видно было просвѣта въ высокой травяной стѣнѣ. Наконецъ онъ приблизился настолько, что могъ сдѣлать вѣрный выстрѣлъ. Дальше онъ не рисковалъ итти, потому что здѣсь трава была ниже и уже не закрывала его; звѣри могли его замѣтить каждую минуту.

Надо было рѣшиться.

Онъ выбралъ самую большую пару роговъ, приблизительно опредѣлилъ положеніе лопатки стоящаго буйвола — и прицѣлился на обумъ. Въ воздухѣ взвилось бѣлое пороховое облако и долго раздавалось въ ближнемъ лѣсу разбуженное выстрѣломъ эхо.

Бѣлая Борода напряженно смотрѣлъ по направленію выстрѣла. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ тамъ, вмѣсто трехъ, цѣлую дюжину буйволовъ, словно выросшихъ изъ земли! Съ яростнымъ ревомъ они вдругъ ринулись впередъ, направляясь съ опущенными головами къ Бѣлой Бородѣ.

Моментъ былъ критическій. Въ низкой травѣ можно было ясно различить каждое движеніе разъяреннаго стада; Бѣлая Борода видѣлъ сверкающіе глаза своихъ взбѣшенныхъ противниковъ.

Нападеніе требуетъ отпора. Что было предпринять Бѣлой Бородѣ? Зарядить ружье? Напрасно! было поздно. Бѣжать? Но лѣсъ былъ слишкомъ далеко и чтобы укрыться въ немъ нужны были ноги газели.

Онъ стоялъ неподвижно, ожидая смерти, приближавшейся къ нему вмѣстѣ съ стукомъ копытъ... Еще нѣсколько секундъ—и она настигнетъ его... Онъ зналъ это, но во время своихъ скитаній по этимъ пустыннымъ мѣстамъ онъ не разъ

заглядывалъ въ глаза этому мрачному властелину смерти—и всегда безъ колебанія.

Безъ страха онъ ожидалъ ее и въ эту минуту.

Но тутъ случилось что-то необыкновенное: буйволы оторопѣли, остановились шагахъ въ десяти отъ Бѣлой Бороды и уставились на него своими сверкающими глазами. Началась странная борьба, борьба человѣческаго взгляда со взоромъ животнаго.

Бѣлая Борода пристально смотрѣлъ въ горящіе глаза стоящаго впереди буйвола и не двигался съ мѣста. Буйволъ тоже стоялъ, какъ вкопаный. Бѣлая Борода не моргнулъ бровью, хотя эти нѣсколько секундъ казались вѣчностью. Съ глазу на глазъ... такъ ему не приходилось стоять ни предъ однимъ противникомъ. До сихъ поръ онъ могъ прочесть въ глазахъ животнаго только бѣшенство, неукротимое бѣшенство. И вдругъ... или зрѣніе ему измѣняетъ?... Ужели въ самомъ дѣлѣ огненный взглядъ его противника потухаетъ? Еще секунда—и непріятель побѣжденъ: онъ опустилъ вѣки, повернулъ громадную голову и направился назадъ—онъ бѣжалъ, а за вожакомъ послѣдовало и все стадо.

Долго еще стоялъ Бѣлая Борода, напоминая собой мраморную статую античнаго борца. Взглядъ его неотступно слѣдилъ за убѣгающими буйволами, какъ бы преслѣдуя побѣжденнаго непріятеля и какъ бы желая окончательно уничтожить его. Но когда стадо совершенно исчезло въ лѣсу, онъ почувствовалъ упадокъ силъ; члены его какъ будто налились свинцомъ, ноги окоченѣли, руки тяжело повисли и судорожно обхватили разряженное ружье; онъ отчетливо слышалъ въ груди біеніе сердца, кровь медленно текла по жиламъ, глаза заволакивало, на лбу выступилъ холодный потъ.

Однако, онъ не упалъ и стоя очнулся отъ забытія.

Предъ нимъ стоялъ Лео. Не сонъ ли онъ видѣлъ? Бѣлая Борода снялъ шляпу и отеръ со лба капли холоднаго пота. Онъ передалъ Лео уже ненужное ружье и улыбнулся,

потому что только теперь ясно созналъ свое спасеніе: онъ былъ цѣлъ и невредимъ.

Съ радостнымъ чувствомъ онъ двинулся дальше; онъ самъ не сознавалъ, что въ немъ происходило, и не слышалъ, что ему говорилъ Лео.

Онъ узналъ это только впослѣдствіи, когда взглянулъ въ зеркало: онъ посѣдѣлъ въ тотъ ужасный моментъ, когда взглядомъ побѣждалъ буйвола.

Теперь онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ Бѣлой Бородой.

Подъ боабабомъ наши охотники опять сдѣлали маленькій привалъ. Бѣлая Борода сдѣлалъ изрядный глотокъ изъ фляжки и за простой трапезой опять оживился. Онъ весело шутилъ съ Лео и бранилъ негоднаго измѣнника—Акку, отрекомендовавшагося предъ уходомъ Красной Змѣей.

Но желаніе охотиться на буйволовъ у него на сегодня пропало. Онъ ни за что не согласился бы сейчасъ опять пойти на звѣря.

Онъ хотѣлъ возвратиться въ серибу Гассана и уже мечталъ о томъ, какъ пріятно будетъ уснуть послѣ полнаго приключеній дня, въ который ему пришлось возиться и съ злобнымъ карликомъ, и съ ядовитой змѣей, и съ цѣлой дюжиной буйволовъ.

Бѣлая Борода всталъ; Лео послѣдовалъ за нимъ, взялъ свое копье, прислоненное подъ деревомъ, ягдташъ и ружье. Бѣлая Борода несъ винтовку, которую онъ вновь зарядилъ и, осыпавъ ее при этомъ упреками за то, что она сегодня такъ позорно измѣнила ему.

Путь къ серибѣ былъ близкій. Вскорѣ путники достигли воздѣланныхъ полей, засѣянныхъ фасолью и индійскимъ просомъ. Около дороги кое-гдѣ возвышались исполинскія египетскія смоковицы; мѣстами пейзажъ оживлялся группами пальмъ и тѣнистыхъ тамариндовъ, попавшихъ сюда не случайно; не вѣтеръ и не птицы занесли сюда ихъ сѣмена. Бѣлая Борода зналъ, что значитъ присутствіе этихъ де-

ревьевъ: для него это были печальные признаки ужаснаго прошлаго, земныя руины когда-то цвѣтущихъ селеній.

На томъ мѣстѣ однообразной равнины, гдѣ теперь возвышались группы деревьевъ, много лѣтъ тому назадъ находились деревни туземцевъ; эти деревья были посажены хлѣбопашцами, отдыхавшими подъ ними послѣ тяжелаго, трудоваго дня. Вмѣстѣ съ деревьями росло благосостояніе прилежнаго племени.

Но вотъ двинулись съ сѣвера, вверхъ по Нилу, недобрые гости, арабскіе и турецкіе торговцы слоновой костью. Такъ они называли себя, но они торговали не одной бѣлой слоновой костью, а и чернымъ деревомъ, т. е. занимались ловлей и продажей невольниковъ. Эти разбойничьи орды нападали на мирныя селенія и похищали не только имущество, но и людей, уводя въ рабство мужчинъ и женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, пока не опустѣли наконецъ деревни и не исчезли съ лица земли хижины. Теперь на этомъ мѣстѣ, когда-то столь счастливомъ, остались одни зеленѣющія деревья безмолвными свидѣтелями того, что и здѣсь когда-то жили и страдали люди.

Еще какіе нибудь четверть часа, и они должны были подойти къ рощѣ, за которой уже виднѣлась сериба Гассана. Сегодня безъ всякой опасности можно было проходить этой дорогой, потому что хищникъ, такъ часто заграждавшій ее раньше, злой буйволъ, лежалъ убитый у озера въ лѣсу, оставленный на съѣденіе гіенамъ и коршунамъ.

И Красной Змѣѣ принадлежала честь освобожденія страны отъ этой кары, а не ему Бѣлой Бородѣ, Нѣжному Сердцу!

Но можно ли вѣрить змѣѣ? Не есть ли она мать лукавства и лжи? Чу! что это вдругъ хрустнуло налѣво въ кустахъ? Что выходитъ такъ на широкую поляну? Дѣйствительно, это онъ—кровожадный буйволъ; ноздри его раздуваются, глаза горятъ; онъ бѣшено бьетъ хвостомъ и взрываетъ копытами землю. Спокойный вечерній воздухъ дрожитъ отъ его яростнаго рева. Его не укратишь взглядомъ

онъ съ бѣшенствомъ бросается впередъ... Да, это дѣйствительно мнимо-умершее чудовище.

Но Бѣлая Борода уже приготовился: щелкнулъ курокъ,— и зычный ревъ быка слился съ отрывистымъ звукомъ выстрѣла. Послышался ударъ пули, но чудовище осталось неподвижно и секунду спустя бросилось впередъ.

Бѣлая Борода поспѣшилъ укрыться за толстымъ стволомъ дерева и снова зарядилъ винтовку.

Но гдѣ же Лео?

Онъ бросилъ ягдташъ и ружье и, вооруженный только крѣпкимъ копьемъ,—ожидалъ среди дороги разъяреннаго буйвола. Онъ не хотѣлъ отставать отъ своего хозяина, не сробѣвшаго предъ цѣлой дюжиной буйволовъ.

Стройный негръ былъ похожъ на торреро изъ мадридскаго цирка. Жаль только, что публикой ему служили однѣ обезьяны и попугаи на вершинахъ деревьевъ, и что на этой аренѣ нельзя было заслужить шумныхъ аплодисментовъ.

Лео подпустилъ звѣря на близкое разстояніе, потомъ неожиданно сдѣлалъ скачекъ въ сторону и нанесъ ему копьемъ сильный ударъ въ шею. Копье засѣло такъ крѣпко, что обратившійся въ бѣгство буйволъ увлекъ съ собой и борца, и оба повалились въ густой кустарникъ. Буйволъ пытался было вскочить, но раздался второй выстрѣлъ изъ винтовки Бѣлой Бороды; на этотъ разъ пуля попала въ сердце.

Лео давно вскочилъ и торжественно наступилъ ногой на шею побѣжденнаго наконецъ чудовища. Въ его глазахъ сіяла гордость и, когда Бѣлая Борода съ похвалой протянулъ ему руку, онъ сказалъ спокойно:—Теперь ты видишь, Бѣлая Борода, какъ охотятся бари!

ГЛАВА III.

Сериба Гассана.

Мнимый мусульманинъ.—Разбойничье гнѣздо.—Предводители.—Позорное предложеніе.—Лео въ плѣну.—Жилая комната и музей.—Четвероногіе сторожа.—Книги и картины.—Вспоминанія о „Хижинѣ дяди Тома“.—Соглашеніе.—Отправленіе.—Трутни и пчелы.

Восходящее солнце посылало на землю свои первые лучи и наступленіе утра уже давно разбудило дневныхъ птицъ; люди въ серибѣ Гассана тоже уже проснулись. У прозрачнаго ручья, протекавшаго посрединѣ поселенія, стояли колѣнопреклоненныя фигуры съ пестрыми тюрбанами на головахъ; обратившись лицомъ къ солнцу и высоко воздѣвши руки, они только что окончили свою утреннюю молитву и теперь собирались совершать омовеніе, точно слѣдуя предписанію корана.

Повыше, у того же ручья, вытекающаго изъ красныхъ гранитныхъ скалъ, предъ лучшимъ изъ домовъ также совершалъ молитву человѣкъ, окруженный покорными рабами; по всей вѣроятности, это хозяинъ поселенія.

Черные волосы его были покрыты тюрбаномъ: владѣлецъ серибы былъ мусульманинъ. Но кто всматривался въ черты его лица, тотчасъ же замѣчалъ, что этотъ человѣкъ не принадлежалъ ни къ арабскому, ни къ турецкому племени. Его можно было принять за переодѣтаго туркомъ француза.

Дома, по суданскому обычаю, отличались легкостью постройки. Стѣны были сплетены изъ бамбуковаго тростника, покрытаго глиной; на нихъ возвышались конусообразныя, сплетенныя изъ соломы, непромокаемыя крыши. Этихъ жилыхъ хижинъ насчитывалось до сотни и сравнительно съ ними число навѣсовъ для товаровъ было весьма незначительно: ихъ можно было перечесть по пальцамъ. Нубійцы и туземные негры изъ племени динка сидѣли тамъ и сямъ у хижинъ; черныя женщины и дѣвушки исполняли всякія ра-

боты, на открытомъ мѣстѣ играла толпа дѣтей. Все это поселеніе, мѣстами покрытое тѣнистыми деревьями, было окружено частоколомъ изъ крѣпкаго бамбука.

Расположенное на склонѣ маленькаго холма, поселеніе это возвышалось, какъ цидатель, надъ деревней динковъ, расположенной пониже.

Напрасно сталъ бы искать здѣсь наблюдатель слѣдовъ и признаковъ земледѣльческой дѣятельности; судя по малочисленности навѣсовъ для товаровъ, торговые обороты поселенія тоже не могли быть значительны. Это была своеобразная торговая станція, какія возможны только въ восточномъ Суданѣ, вѣрнѣе—гнѣздо разбойниковъ въ полномъ смыслѣ слова.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ по Нилу дѣйствительно поднимались мирные торговцы, чтобы вымѣнивать слоновую кость на сукно, мѣдную проволоку и бусы. Но къ концу пятидесятыхъ годовъ, къ которымъ относится нашъ разсказъ, эти времена давно миновали. Бусы потеряли уже въ глазахъ негровъ свою прежнюю цѣну, талеры не всегда были подъ рукой, а транспортъ сукна и проволоки былъ затруднителенъ. Однако страна по прежнему должна была доставлять слоновую кость, но за нее выплачивали своеобразной монетой: порохомъ и свинцомъ. Вѣрно ли вы поняли, читатель? Не подумайте, что негру давали въ обмѣнъ порохъ и свинецъ: его просто убивали и завладѣвали его слоновой костью. Какъ это дѣлалось и какъ это было возможно, объ этомъ мы сейчасъ узнаемъ.

Гассанъ, такъ звали человѣка въ красномъ тюрбанѣ, окончилъ свою молитву предъ лицемъ собравшагося народа; затѣмъ поднялся и приказалъ рабамъ позвать нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ.

Они пришли къ дому и сѣли въ кружокъ подъ тѣнистой смоковницей.

Познакомимся поближе съ этими господами.

Одного изъ нихъ звали Араби; на немъ былъ оборванный египетскій мундиръ. Можно было сказать съ увѣрен-

ностью, что этотъ молодецъ дезертировалъ изъ египетской арміи и пріютился здѣсь, чтобы безнаказанно продолжать свою буйную жизнь.

Противъ него сидѣлъ Ахметъ, настоящій арабъ.

Ему врядъ ли было болѣе двадцати лѣтъ, но распущенный образъ жизни исказилъ его черты, а широкій шрамъ на правой щекѣ еще болѣе безобразилъ его некрасивое лицо. Около него примостился турокъ Сади съ лукавыми глазами, горбатымъ носомъ и кривыми ногами. Борода его была съ просѣдью, ходилъ онъ сгорбившись. Въ Хартумѣ его искали уже нѣсколько лѣтъ, такъ какъ онъ внезапно исчезъ изъ города, вмѣстѣ съ довѣренной ему кассой. Трое остальныхъ были настоящіе пубійцы, грубые, обтрепанные.

Гассанъ сидѣлъ посреди собранія и, казалось, обсуждалъ съ своими сподвижниками важное дѣло.

Обсужденія въ совѣтѣ семи велись вполголоса и даже Бѣлая Борода не могъ разобрать ни одного слова изъ ихъ разговора. Онъ стоялъ въ концѣ ряда домовъ направо и кормилъ молодого страуса. Какое ему было дѣло до торговыхъ предпріятій торговца слоновой костью Гассана? Свою слоновую кость онъ отправилъ въ Хартумъ и собирался въ путешествіе не прежде возвращенія своего каравана. кут-

Тутъ Гассанъ подошелъ къ нему.

— Бѣлая Борода,—началъ онъ,—я отправляюсь съ своими людьми въ путь. Мы разыскали новый складъ слоновой кости. Путешествіе наше можетъ продлжиться двѣ-три недѣли. Прошу васъ принять на себя во время моего отсутствія управленіе серибой!

— Вы отправляетесь въ путешествіе, Гассанъ?—возразилъ удивленный Бѣлая Борода.—Да вѣдь у васъ почти нѣтъ запаса товаровъ, вѣдь вы тоже ждете свой караванъ!

— Бѣлая Борода,—сказалъ Гассанъ, улыбаясь:—вѣдь вы знаете мѣстныя условія. Ваша система не годится. Съ ней раззоришься.

Бѣлая Борода нахмурился.

— Вѣрно ли я васъ понялъ, Гассанъ? Неужели вы

хотите заняться тѣмъ, чѣмъ, къ позору своему, до сихъ поръ промышляли только нубійцы и турки?

— Я же мусульманинъ!—шутливо прервалъ его Гассанъ.

— Гассанъ,—сказалъ спокойно Бѣлая Борода:—вы никогда не хотѣли мнѣ сказать своего настоящаго имени, но что вы христіанинъ и европеецъ, этого вы не станете отрицать. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что побудило васъ скрываться здѣсь подъ чужимъ именемъ, но до сихъ поръ я думалъ, что это не можетъ быть что-нибудь дурное; до сихъ поръ я былъ убѣжденъ, что Гассанъ, несмотря на всю свою суровость по отношенію къ рабамъ, всетаки не лишенъ благородства и предоставитъ другимъ грабить беззащитныхъ!

— Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце, — мрачно возразилъ Гассанъ,—чего намъ считаться! Въ этой серибѣ и въ этой странѣ я одинъ неограниченный властелинъ. Гостепріимство, оказанное мною вамъ, кажется, сдѣлало васъ спѣсивымъ?

— Меня спѣсивымъ?—воскликнулъ Бѣлая Борода, отступая на шагъ назадъ: — какъ это понимать? Развѣ я былъ вамъ въ тягость?

— Выскажусь яснѣе,—продолжалъ Гассанъ, иронически улыбаясь.—Обыкновенно торговцы слоновой костью, приходя къ Газельей рѣкѣ, строятъ себѣ собственную серибу. Люди, посылающіе ихъ, даютъ имъ для этого нужныя средства. Конечно, гдѣ нибудь въ Каиро или Хартумѣ не трудно истратить эти средства. Бываешь сострадателенъ, а можетъ быть и легкомысленъ. Впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣло? Однимъ словомъ, тогда ужъ нужно мириться съ обстоятельствами. Вашъ планъ съэкономить деньги, назначенныя на серибу, понравился мнѣ благодаря той дерзости, съ которой вы сюда пришли... и потомъ, видите ли, я хотѣлъ быть снисходительнымъ. По правдѣ говоря, мнѣ было васъ жаль, поэтому я терпѣлъ васъ вблизи моей области и гостепріимно принялъ васъ въ своей серибѣ, вмѣсто того, чтобы показать вамъ настоящую дорогу. Для чего я это дѣлалъ?—Не ради вашихъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ, а просто потому, что вы хорошій стрѣлокъ, что мнѣ можетъ пригодиться такой

сорви-голова, какъ вы; я надѣялся, что мы будемъ компаньонами.

Бѣлая Борода стоялъ съ широко раскрытыми глазами и раскраснѣвшимся отъ гнѣва лицомъ.

— Гассанъ,—закричалъ онъ, — вы этимъ наносите мнѣ глубокое оскорбленіе!

— А теперь,—продолжалъ спокойно Гассанъ,—я требую за свои благодѣянія первую, правда, незначительную услугу. Я приказываю вамъ оставаться здѣсь, милостивый государь, и вы мнѣ отвѣчаете за серибу. Я не требую этой услуги даромъ. Вы будете пайщикомъ въ прибыли!

— Убирайтесь къ чорту!—закричалъ Бѣлая Борода.—Я здѣсь не останусь больше ни одного часу. Съ однимъ Лео я какъ нибудь доберусь до Святого Креста.

— Браво!—насмѣшливо воскликнулъ Гассанъ, — я это предвидѣлъ, вы—смѣлая голова и навѣрно отправились бы вдвоемъ, хотя и знаете, что динки на сѣверѣ поклялись грабить и убивать торговцевъ; но я уже принялъ надлежащія мѣры. Вашего храбраго Лео уже четверть часа тому назадъ заковали въ цѣпи: онъ будетъ моимъ заложникомъ. Онъ отправится со мной, и какъ только Бѣлая Борода попытается покинуть мою серибу, онъ будетъ обезглавленъ, не будь я Гассанъ!

Бѣлая Борода стоялъ пораженный; въ глазахъ его отражалась безсильная злоба. А Гассанъ съ дьявольской радостью продолжалъ:—не правда ли, я не ошибся; Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце не пожертвуетъ жизнью своего раба и будетъ сторожить мою серибу?

Коварный мусульманинъ ушелъ, улыбаясь, а Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце безмолвно возратился въ свой домъ. Онъ видѣлъ, что Гассанъ не шутитъ.

Въ единственной комнатѣ хижины, назначенной жилищемъ для Бѣлой Бороды, царилъ мягкій полусвѣтъ. Оконъ здѣсь не было, и солнечные лучи проникали только чрезъ дверь, чрезъ щели и трещины въ стѣнахъ. Здѣсь хорошо было мечтать на досугѣ, и Бѣлая Борода провелъ здѣсь

много пріятныхъ часовъ въ воспоминаніяхъ о прежнихъ приключеніяхъ или въ мечтахъ о будущемъ.

Какъ истый охотникъ, онъ красиво убралъ комнату: стѣны были украшены рогами буйволовъ и антилопъ, подъ столомъ была разостлана шкура жираффы, а предъ кроватью—шкура леопарда. На грубо сколоченномъ шкапу были разставлены чучела птицъ: на суку дерева громоздилась птица—носорогъ, pendant къ ней составляла карликовая цапля, а надъ обоими парилъ подъ потолкомъ громадный орелъ съ широко распростертыми крыльями. Позади стояли въ строгой симметріи спиртовыя банки съ змѣями и ящерицами, а между ними лежали створчатыя и спиральныя раковины.

Это былъ его „музей“, какъ онъ обыкновенно говорилъ. Музей былъ малъ, но изященъ, и содержаніе его стоило ему не малыхъ хлопотъ; ему приходилось даже держать для него сторожей. Сторожа эти теперь фыркали и бѣгали у его ногъ. Это были молодыя кошки, пойманныя имъ въ степи и съ трудомъ прирученныя. Они спасали съ грѣхомъ пополамъ музей отъ крысъ, водившихся здѣсь во множествѣ и портившихъ все, что только имъ попадалось.

Въ самомъ шкафу находились другіе трофеи, собранные на невинной охотѣ за насѣкомыми. Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце часто отправлялся въ лѣсъ, съ сѣткою для бабочекъ или коробкой для собиранія растеній. Онъ съ юныхъ лѣтъ любилъ природу, изучалъ жизнь животныхъ и растеній, и если у него теперь оказывалось иногда свободное время, то предавался изученію природы, которое здѣсь, въ тропическомъ лѣсу, было очень соблазнительно.

Въ шкафу находилось и нѣсколько книгъ, которыя Бѣлая Борода читалъ въ ненастные дни. Между ними была и Одиссея Гомера, и Бѣлая Борода улыбался, встрѣчая въ ней баснословныя свѣдѣнія объ Эѳіопіи; многія мѣста этой героической поэмы онъ зналъ наизусть. Онъ понималъ теперь лучше, чѣмъ на школьной скамьѣ, что такое скитанія, съ какими трудностями они сопряжены и какія даютъ ра-

дости. Онъ добровольно оставилъ родину, но и послѣ долгихъ странствій не разъ тосковалъ, подобно Одиссею, по милой родинѣ.

Въ одномъ изъ ящиковъ шкапа тщательно сохранялась въ портфелѣ маленькая акварель, изображавшая бѣлокурую голову дѣвушки. Это былъ далеко не шедевръ, но Бѣлая Борода, нарисовавшій ее въ свободные часы въ своемъ лѣсномъ домикѣ, хорошо зналъ модель этого портрета: онъ до сихъ поръ носилъ въ своемъ сердцѣ милый образъ прелестной Розы.

Въ томъ же портфелѣ лежалъ еще пейзажъ; онъ представлялъ ландшафтъ, который открывался съ холма его родной деревни: вокругъ — зеленые лѣса, перемежающіеся благоухающими лугами и пестрыми нивами, на подобіе ковровъ; вдали, тамъ и сямъ, сверкали зеркальныя озера; на поляхъ задумчиво стояли грушевыя деревья; по берегамъ ручья возвышались, какъ будто на стражѣ, темные ольхи. Красивая это была мѣстность... Въ полусвѣтѣ своей комнаты молодой Бѣлая Борода часто разсматривалъ эти двѣ картины, предаваясь своимъ мечтамъ и воспоминаніямъ. Неудивительно поэтому, что хижина эта ему стала дорога и мила, казалась ему второй родиной.

Не мало и тяжелыхъ минутъ пережилъ онъ здѣсь. „Горе бѣглецу, скитальцу по свѣту!“ говоритъ одна старинная нѣмецкая пѣсня и мотивъ этой пѣсни часто вспоминался ему, сжимая сердце невыносимой тоской. У него уже не было родины; здѣсь онъ былъ чужой, наемникъ, съ котораго требовали плату за то, что дали ему пріютъ. И какой ужасной услуги требовали отъ него! Ему приходилось стать сообщникомъ бандитовъ! Даже больше! Гассанъ, этотъ человѣкъ съ темнымъ прошлымъ, Гассанъ, на совѣсти котораго навѣрно тяготѣло какое нибудь преступленіе, считалъ его, имя котораго было незапятнано, негодяемъ, обманщикомъ!

На родинѣ, въ тарандтскомъ университетѣ, онъ тотчасъ потребовалъ бы удовлетворенія! Но здѣсь? Не вызывать же на дуэль атамана разбойниковъ?

И какими узами приковало его къ себѣ это чудовище, какія ему разставило сѣти! Бѣдный Лео, его вѣрный слуга, былъ лишенъ свободы и жизнь его въ опасности, если Бѣлая Борода насильно порветъ отношенія съ Гассаномъ.

Онъ когда-то со слезами на глазахъ читалъ „Хижину дяди Тома“, мечтая объ освобожденіи негровъ съ радостнымъ предчувствіемъ, что по ту сторону океана вспыхнетъ борьба за человѣческія права негра. Въ юношескомъ пылу онъ самъ готовъ былъ стать въ ряды освободителей. Теперь онъ былъ здѣсь, въ этой странѣ, гдѣ процвѣтала отвратительная охота на людей,—и былъ безсиленъ. Онъ искалъ выхода. Иногда ему приходила мысль, что по отношенію къ подлецу можно не сдержать слова, что можно обмануть Гассана лживыми обѣщаніями и послѣ его ухода бѣжать съ Лео. Небольшое имущество, принадлежавшее ему— въ этой хижинѣ; онъ бы охотно оставилъ, взявъ съ собой только картины, пороху и свинцу, сколько потребуется, чтобы добраться до ближайшей мешеры, (пристани) на Нилѣ. Хотя и предвидѣлась война съ динками, хотя всѣ владѣтели серибъ, мимо разбойничьихъ становъ мимо которыхъ ему пришлось бы проходить, и дѣйствовали за одно,—онъ все же не боялся: съ винтовкою въ рукахъ онъ съумѣлъ бы проложить себѣ путь или честно палъ бы въ открытомъ бою.

Но душа его не терпѣла лжи. Нарушить данное слово, стать лжецомъ, никогда!

Приходилось мириться съ необходимостью. Ему хотѣлось добиться только одного,—освобожденія бѣднаго, несчастнаго негра и избавленія его отъ путешествія съ разбойниками и отъ сопряженныхъ съ нимъ истязаній. Открыто и честно онъ хотѣлъ войти въ сдѣлку съ Гассаномъ, и онъ всталъ, чтобы отыскать гостепріимнаго хозяина.

На дворѣ серибы между тѣмъ все готовилось къ выступленію. Шестеро предводителей въ это время какъ разъ подводили къ Гассану свои отряды. Это былъ своеобразный парадъ. Предводителей мы уже знаемъ; солдатами же были ба-

зингеры, т. е. туземные рабы, которыхъ снабдили ружьями и кое какъ выдрессировали въ солдаты. Они шли на братьевъ, потому что имъ была обѣщана часть добычи. Къ тому же предполагось нападеніе на другія деревни, съ которыми туземцы серибы Гассана и такъ жили не въ ладахъ.

Каждый начальникъ предводительствовалъ десятью базингерами, такъ что все войско Гассанна состояло изъ шестидесяти семи человѣкъ; за ними слѣдовали еще носильщики провизіи и рабыни солдатъ, которыя должны были нести на обратномъ пути добычу.

Между ними стоялъ и Лео, нагруженный, какъ и другіе рабы, и охраняемый двумя женщинами: Гассанъ не шутилъ.

Въ сторонѣ стояло еще десять базингеровъ, которые должны были составить гарнизонъ серибы, подъ предводительствомъ Бѣлой Бороды.

Гассанъ развернулъ красный флагъ, и двое базингеровъ, у которыхъ были барабаны, начали отбивать дробь. Впередъ выступилъ Араби; дезертиръ былъ знаменосцемъ этой толпы.

Гассанъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ прихода Бѣлой Бороды, и уже хотѣлъ дать знакъ къ выступленію и сѣсть на подведеннаго осла, единственное вьючное животное въ серибѣ, когда Бѣлая Борода подошелъ къ нему и сказалъ:

— Гассанъ, я подчиняюсь необходимости!

Гассанъ улыбнулся.

— Я буду стеречь вашу серибу,—продолжалъ Бѣлая Борода:—Даю вамъ слово, что употреблю всѣ силы, чтобы поддержать порядокъ внутри паллисадовъ серибы, буду защищать ее отъ всякаго нападенія. Съ опасностью жизни я буду отстаивать ваше имущество и отбивать разбойниковъ, но только при условіи, что вы освободите Лео и оставите его здѣсь. Послѣ же вашего возвращенія я уйду: я никогда не былъ сообщникомъ нечестныхъ людей; въ подтвержденіе же того, что я не нарушу договора, могу только дать вамъ свое слово.

— Дорогой Бѣлая Борода,—отвѣтилъ Гассанъ,—большаго мнѣ и не нужно. Конечно, я могъ вас заставить исполнить

мою волю, но добровольное рѣшеніе мнѣ пріятнѣе. Я вѣрю вашему слову, его мнѣ вполнѣ достаточно. Я освобождаю Лео, клянусь Аллахомъ, и вы не будете раскаиваться!

Минуту спустя Лео стоялъ предъ своимъ господиномъ, съ благодарностью засматривая ему въ глаза, а еще черезъ двѣ минуты двинулся отрядъ съ развѣвающимся знаменемъ и съ барабаннымъ боемъ, съ главнокомандующимъ на ослѣ. По африканскому обычаю, они выступали гуськомъ, и прошло не мало времени, пока миновали улицу деревни и послѣдній изъ нихъ скрылся въ кустарникахъ лѣса.

Въ серибѣ же теперь производился смотръ Бѣлой Бородой. Онъ разставилъ въ рядъ десять базингеровъ и назначилъ имъ въ предводители Лео.

Негры, видимо, были недовольны этимъ, раздавался глухой ропотъ, но Бѣлая Борода не обратилъ на это вниманія и увелъ Лео, чтобы познакомить его съ новыми обязанностями.

Толпа жителей, собравшаяся около палисада и въ деревнѣ динковъ, чтобы посмотрѣть на выступленіе арміи Гассана, начала тѣмъ временемъ расходиться. Женщины пошли къ работамъ: кто мололъ зерно на тяжелыхъ жерновахъ, кто доилъ коровъ или гналъ стадо на пастбище. Мужчины стояли группами и вели оживленный разговоръ, потомъ старшіе изъ группъ собрались на открытомъ мѣстѣ, подъ большой смоковницей и начали о чемъ—то совѣщаться. Но все это не безпокоило жителей серибы; они предались пріятному бездѣйствію, курили и пили пиво, приготовляемое здѣсь изъ бананов.

Когда послѣ обѣда Бѣлая Борода ушелъ съ Лео на охоту, двое базингеровъ ушли изъ серибы и спустились, въ сопровожденія рабынь, въ деревню. Они ворвались въ нѣсколько домовъ, отняли свѣжесмолотую муку, поймали нѣсколько куръ, увели быка, насмѣялись надъ владѣльцами и вернулись въ серибу, чтобы устроить пиръ.

Это было для нихъ обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ. Для чего же и существовали эти негры внизу, въ

деревнѣ? Они должны были работать на торговцевъ слоновой костью, собирать съ пчелинымъ прилежаніемъ медъ, чтобы насытить этихъ трутней бѣдняки должны быть довольны и тѣмъ, что базингеры не отнимали у нихъ всего, не уводили въ рабство женъ и дѣтей, не лишали ихъ жизни. Съ Гассаномъ они, конечно, заключили договоръ, что онъ ихъ оставитъ въ покоѣ и будетъ защищать ихъ отъ нападенія другихъ враговъ, если правильно будутъ доставлять подать мукой, зерномъ, скотомъ и слоновой костью.

Все это они доставляли исправно, но если базингерамъ и ихъ предводителямъ хотѣлось попировать, они всетаки отправлялись въ деревню и брали, что имъ хотѣлось. И негръ это сносилъ. Онъ зналъ, что изъ хищническаго гнѣзда надъ его деревней онъ каждую минуту можетъ ожидать коршуна, что цитадель, расположенная надъ нимъ, съ ея восемьюдесятью огненными жерлами по первому мановенію можетъ устроить среди динковъ страшное кровопролитіе. А что Гассанъ не любилъ шутить, объ этомъ знали несчастные негры, знали очень хорошо.

По вечерамъ базингеры нерѣдко развлекались танцами; женщины и мужчины до глубокой ночи танцовали съ горящими факелами въ рукахъ, вокругъ большого барабана; обыкновенно лучшіе танцоры и танцорки деревни получали тогда приказъ явиться на праздникъ. Они могли напиться пива, свареннаго этими господами изъ ихъ бананов и забыть свое горе при звукахъ африканской музыки; это разрѣшалось трутнями серибы, пожинавшими то, чего не сѣяли.

Такова была жизнь въ серибѣ Гассана; такова она была во многихъ подобныхъ же и еще худшихъ серибахъ по Верхнему Нилу и по рѣкѣ Газелей, и притокъ торговцевъ слоновой костью все возрасталъ. Каиро и Хартумъ посылали сюда, на край знакомаго тогда свѣта, подонки своего населенія.

ГЛАВА IV.

Ворота смерти.

Горы и болота.—Африканскій рыцарь-хищникъ.—Пещеры динка.—Терновая засѣка.—Загадка карлика.—Берлога леопарда.—Дѣвственный лѣсъ въ миніатюрѣ.—Мужество Лео.— Первый взглядъ на пещеру духовъ.—Безъ пути.—Что выдала серна.—Назадъ!—Привидѣнія во снѣ.—Деревня переселяется.—Длинные гренадеры.—Двѣ крѣпости.—Дурныя вѣсти.—Послѣдній якорь спасенія.

Что заставило Бѣлую Бороду взять сегодня съ собой на охоту новаго предводителя базингеровъ, своего вѣрнаго Лео? Не лучше ли было бы оставить его въ серибѣ сторожить мышей, въ отстутствіи кошекъ? Развѣ какой нибудь другой негръ не могъ бы оказать ему тѣхъ же услугъ, не могъ бы вмѣсто Лео тащить ружья?

Едва-ли! Потому что въ сегодняшней экскурсіи ни одинъ изъ негровъ этой мѣстности не согласился бы его сопровождать. На разстояніи четверти мили отъ деревни динковъ возвышалась горная цѣпь, густо поросшая кустарникомъ и такая крутая, что взобраться не нее стоило большого труда, но за то съ гребня открывался прекрасный видъ. По ту сторону горъ протекала внизу широкая рѣка, впадающая въ рѣку Газелей; она нигдѣ не прерывалась водопадами или стремнинами и по ней легко неслись барки негровъ. Не многіе до сихъ поръ взбирались на эту горную цѣпь; спуститься же къ рѣкѣ не рѣшался никто, такъ какъ противоположный склонъ былъ еще круче и представлялъ обрывистыя скалы въ сто и болѣе футовъ; смѣльчакъ, который рѣшился бы спуститься по нимъ, могъ ожидать каждую минуту, что сорвется и убьется до смерти. Эти горы представляли естественную границу, отдѣлявшую окрестности серибы Гассана отъ протекавшей по сосѣдству рѣки.

Нельзя было проникнуть къ рѣкѣ и тамъ, гдѣ горы понижались, потому что въ этомъ мѣстѣ на разстояніи многихъ часовъ пути тянулись непроходимыя болота, которыя были

населены только обезьянами и водяной птицей. Человѣкъ и животныя безвозвратно утопали въ этой трясинѣ или должны были возвращаться отъ преслѣдованія комаровъ, цѣлыми тучами носившихся надъ болотомъ и дѣлавшихъ доступъ къ нему невозможнымъ. Былъ еще и другой невидимый врагъ, доставившій этому мѣсту очень дурную славу: надъ всѣмъ этимъ пространствомъ, на разстояніи многихъ миль, носилось какое то ядовитое дыханіе, и кто проводилъ на краю болота хоть одну только ночь, неизбѣжно становился жертвой самой сильной лихорадки.

Гассану сосѣдство недоступныхъ горъ и непроходимыхъ болотъ было на руку, потому что преграды принуждали и туземцевъ и торговцевъ, направлявшихся къ сѣверу или къ югу, проходить близко мимо его серибы, изъ чего онъ извлекалъ разнообразныя выгоды; онъ могъ, какъ рыцарь-хищникъ прежнихъ временъ, налагать дань на торговцевъ, вслѣдствіе чего и эта единственная дорога считалась опасной, такъ что въ то время, когда Бѣлая Борода пришелъ къ серибу, сюда рѣдко заглядывали караваны. Гассанъ, желавшій опять привлечь народъ, теперь обращался съ путешественниками кротко, даже привѣтливо, такъ что показался Бѣлой Бородѣ лучше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Къ этой то горѣ теперь направился молодой охотникъ. Ужь не хотѣлъ ли плѣнный Гассана взобраться на гору и рѣшиться на опасный спускъ, чтобы такимъ образомъ бѣжать къ Нилу? Онъ уже дважды взбирался на горы и дважды убѣждался, что спускъ къ рѣкѣ съ вершины гребня доступенъ только птицамъ. Бѣлая Борода и не взошелъ на горы, а направился къ ущелью, которое, повидимому, пересѣкало горы. Густой терновникъ заграждалъ путь къ котловинѣ; направо и налѣво громоздились крутыя, голыя скалы около ста футовъ вышиной; на краяхъ и выступахъ всюду зеленѣли вьющіяся растенія, которыя въ видѣ гирляндъ, то карабкались вверхъ, то свѣшивались внизъ. Ворота эти имѣли въ длину шаговъ двадцать, въ ширину—шаговъ десять. Къ нимъ не было проложено тропинки, и густой тер-

новникъ скрывалъ ихъ отъ человѣческаго взора. Можетъ быть, цѣлые десятки лѣтъ сюда не заходили динки, такъ какъ ущелье это пользовалось чуть ли не худшей еще славой, чѣмъ болото.

Говорили, что въ концѣ этихъ воротъ находятся громадныя пещеры, гдѣ могутъ помѣститься множество людей и цѣлыя стада рогатаго скота. Десятки лѣтъ тому назадъ, динки во время войны не разъ спасались со всѣмъ своимъ имуществомъ въ этомъ ущельи и въ этихъ пещерахъ, и побѣдоносно отбивали въ узкихъ воротахъ нападенія болѣе сильнаго непріятеля. Но однажды, когда они по обыкновенію укрылись въ этихъ пещерахъ, они нашли ихъ населенными злыми духами, наславшими большую смертность на людей и скотъ. Только нѣсколько человѣкъ вышли живыми изъ этихъ большихъ пещеръ.

Старики, знавшіе доступъ къ нимъ, теперь давно умерли, но страхъ предъ злыми духами сохранился въ народѣ, и самый отважный смѣльчакъ не рѣшился бы переступить черезъ „ворота смерти", какъ называли входъ въ ущельѣ.

Гассанъ, слышавшій объ этомъ, не любилъ утомительнаго путешествія по горамъ; разъ онъ какъ-то доѣхалъ на своемъ ослѣ до „воротъ смерти", но рѣшилъ, что не стоитъ труда пробираться чрезъ терновникъ,—и вернулся. Ему могло быть только пріятно, что динки оставили въ суевѣрномъ страхѣ эту естественную крѣпость и вынуждены теперь жить на открытомъ мѣстѣ, въ полѣ его ружейныхъ выстрѣловъ. Онъ вовсе не старался разъяснить дикарямъ это заблужденіе, а наоборотъ, поддерживалъ его разсказами о разныхъ вражескихъ силахъ, такъ что даже его египтяне и арабы твердо вѣрили, что за „воротами смерти" скрывается воплощенный дьяволъ, что въ „пещерахъ духовъ" живутъ оборотни, т. е. духи умершихъ, которыя ночью обращаются въ леопардовъ и отправляются въ ближайшія деревни убивать людей, чтобы насытиться ихъ кровью.

Такимъ образомъ ворота смерти и ущелье продолжали считаться заколдованнымъ мѣстомъ, и Бѣлая Борода былъ

первымъ, задумавшимъ разрушить эти чары. Тогда онъ не могъ еще привести въ исполненіе свой планъ, потому что одному не возможно было пробраться сквозь чащу терновника, а искать провожатаго было бы тщетнымъ трудомъ. Даже Лео и тотъ твердо придерживался этого негрскаго суевѣрія и ничто не могло заставить его пройти чрезъ ворота; Акка же, обыновенно способный на всякія отчаянныя продѣлки и часто буквально искавшій опасностей, убѣгалъ съ выраженіемъ ужаса, когда Бѣлая Борода предлагалъ ему отправиться въ пещеру духовъ.

Впрочемъ недавно карликъ, охмелѣвшій отъ излишне выпитаго пива изъ банановъ, пришелъ къ Бѣлой Бородѣ и сталъ хвастаться разными злодѣяніями, учиненными имъ и его единоплеменниками. Онъ указывалъ на дородныхъ женщинъ—негритянокъ, говоря, что ему надоѣла говядина, что ему хочется человѣческаго мяса и что онъ уйдетъ къ своему племени; потомъ насмѣшливо прибавилъ:

— А все таки я смѣлѣе тебя, Бѣлая Борода! Я прошелъ чрезъ ворота смерти, пробрался чрезъ ущелье, я разбросалъ черепа въ пещерѣ духовъ; на четвереplatforms я пробрался поперекъ горы къ рѣкѣ и обратно. Слышалъ духовъ, носящихся тамъ въ темнотѣ, одного даже поймалъ и съѣлъ совсѣмъ теплаго! Ха, ха, ха! Вотъ что можетъ сдѣлать Акка! Ха, ха, ха!

„Пьяный карликъ навѣрное болтаетъ глупости“!—подумалъ тогда Бѣлая Борода. Но впослѣдствіи, когда послѣ ухода, „Красной Змѣи“, когда онъ вспомнилъ, что негръ проболтался ему уже нѣсколько дней тому назадъ въ хмѣлю о своемъ намѣреніи, слова негра заставили его задуматься: въ болтовнѣ карлика могла быть и доля правды.

Быть можетъ, онъ дѣйствительно былъ въ пещерѣ; можетъ быть, она дѣйствительно вела къ рѣкѣ чрезъ горы. Если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то Бѣлая Борода теперь зналъ дорогу, по которой онъ могъ бѣжать отъ власти разбойничьяго атамана, не подвергаясь неминуемому преслѣдо-

ванію. Онъ предпочиталъ бороться съ цѣлыми племенами негровъ, чѣмъ оставаться въ обществѣ Гассана.

Надо было воспользоваться отсутствіемъ Гассана, чтобы изучить пещеру духовъ. Сегодня Лео долженъ былъ пойти съ нимъ, если бы даже его пришлось тащить насильно. Но Лео сегодня и безъ того былъ послушенъ, какъ никогда. Онъ пошелъ бы въ огонь и въ воду для своего господина, избавившаго его отъ ярма рабства; онъ изъявилъ согласіе переступить ворота смерти и свято обѣщалъ молчать о томъ, что увидитъ. Отъ него и нечего было опасаться измѣны, такъ какъ онъ ненавидѣлъ Гассана, ненавидѣлъ базингеровъ, заковавшихъ его въ цѣпи. О конечной цѣли развѣдокъ пещеръ Бѣлая Борода ему, конечно, не сообщилъ ничего. Планъ бѣгства оставался тайной.

Оба охотника стояли у мрачнаго входа въ ущелье. Терновникъ возвышался предъ ними на подобіе вала. Приходилось самому пролагать себѣ дорогу и Лео отвязалъ было уже свой широкій тесакъ, но Бѣлая Борода остановилъ негра.

Если „Красная Змѣя" дѣйствительно проникъ въ ущелье, то слѣдовательно къ нему долженъ быть гдѣ-нибудь доступъ, такъ какъ у карлика тоже не было крыльевъ.

Бѣлая Борода тщательно осмотрѣлъ терновникъ, но дороги нигдѣ не было; онъ раздвигалъ каждый кустъ, осматривалъ каждый сукъ, но прохода въ этой чащѣ никакъ нельзя было найти. Тогда онъ отошелъ и взглянулъ на ворота издали. Тутъ онъ замѣтилъ, что налѣво выступала скала, вблизи которой, внизу, растительность показалась ему менѣе густой. Онъ поспѣшилъ къ тому мѣсту и наклонился, чтобы изслѣдовать его. Дѣйствительно, здѣсь можно было раздвинуть болѣе тонкія вѣтви кустарника; онъ замѣтилъ темное углубленіе, настолько низкое, что оно могло служить потаеннымъ ходомъ развѣ только дикимъ звѣрямъ, и охотничій глазъ Бѣлой Бороды въ самомъ дѣлѣ различилъ на землѣ явственные слѣды леопарда. Дорогу къ воротамъ смерти приходилось искать по слѣдамъ дикаго звѣря. Но какъ можно было здѣсь пробраться человѣку, а тѣмъ болѣе такому

рослому какъ онъ? Ему вспомнились слова карлика: „Я пролѣзъ чрезъ ворота смерти“. Не попробовать ли сдѣлать то же самое? Или, можетъ быть, Красная Змѣя зналъ, что этотъ слѣдъ ведетъ къ берлогѣ леопарда и задумалъ приготовить бѣлому такую же ловушку, какъ бѣдному буйволу на берегу озера? Разсудокъ подсказывалъ Бѣлой Бородѣ, что слѣдуетъ отказаться отъ этой попытки, а трусость тихо нашептывала, чтобы онъ послалъ впередъ Лео, но отважность охотника взяла верхъ. Хоть бы встрѣтилось даже сто леопардовъ, вторично ужъ нельзя посѣдѣть!

Придя къ такому рѣшенію, Бѣлая Борода схватилъ ружье и поползъ въ отверстіе съ замираніемъ сердца, приказавъ Лео слѣдовать за собою. Послѣдній сперва не рѣшался было послѣдовать примѣру своего господина, но видя, что тотъ исчезъ въ углубленіи и не показывается назадъ, въ припадкѣ дикаго отчаянія упалъ плашмя на землю и какъ исполинская ящерица полѣзъ по его слѣдамъ.

У входа въ ущелье опять водворилась тишина. Высоко въ воздухѣ проносился коршунъ, прилетѣвшій изъ степи; онъ сталъ спускаться ниже и ниже и пронесся могучимъ полетомъ чрезъ ворота смерти въ пользующееся столь дурной славой ущелье!

Глубокая тьма окружила Бѣлую Бороду, когда онъ проползъ нѣсколько футовъ. Проходъ былъ такъ низокъ, что можно было подвигаться впередъ только на животѣ, однако уже черезъ нѣсколько шаговъ, Бѣлая Борода почувствовалъ, что проходъ расширяется, такъ что можно было ползти на колѣняхъ; справа, сквозь чащу терновника, падалъ на землю зеленоватый свѣтъ, скала въ этомъ мѣстѣ образовала сводъ, напоминающій желобъ. Когда Бѣлая Борода удалился шаговъ на десять отъ входа, зеленый свѣтъ пропалъ и ихъ опять охватила полная тьма.

Нащупывая скалы по обѣимъ сторонамъ, Бѣлая Борода убѣдился, что ходъ расширился настолько, что можно было уже встать на ноги. Онъ поднялся и пошелъ впередъ, какъ вдругъ наткнулся на препятствіе. Путь былъ прегражденъ

выступомъ скалы; ощупью онъ прошелъ вдоль него и, наконецъ, нашелъ отверстіе, которое однако было расположено такъ глубоко и было такъ мало, что опять пришлось идти на четверенькахъ. Но едва онъ просунулъ въ него голову, какъ увидѣлъ лучъ свѣта; еще шагъ—и онъ оказался на открытомъ мѣстѣ, подъ навѣсомъ выступающей скалы. Онъ могъ теперь стоять и расправить члены; его взглядъ отдыхалъ на зеленой стѣнѣ горъ, возвышавшихся передъ нимъ. Глубоко вздохнувъ, онъ сталъ пробираться чрезъ высокіе папоротники и, наконецъ, могъ уже окинуть взоромъ ущелье, средняя и нижняя часть котораго поросли высокимъ, густымъ лѣсомъ.

Гдѣ же находилась пещера духовъ? Какой дорогой направиться къ ней? Ущелье было больше, чѣмъ онъ предполагалъ; оно расширялось въ котловину около двухъ тысячъ шаговъ шириной и до трехъ тысячъ шаговъ длиной. Верхняя часть горы представляла обрывистыя скалы и была лишена почти всякой растительности, нижняя же представляла необыкновенный хаосъ кустовъ и деревьевъ, цѣлый дѣвственный лѣсъ въ миніатюрѣ.

Искать пещеры въ этомъ морѣ сучьевъ и вѣтвей—являлось поистинѣ гигантской задачей. Но идти по долинѣ наобумъ было бы безуміемъ. Нужно было осмотрѣться. И Бѣлая Борода сталъ присматриваться къ ближайшимъ скаламъ, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь доступное возвышеніе, съ котораго можно было-бы окинуть взоромъ мѣстность поверхъ деревьевъ. Вдругъ онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе къ рукѣ. Онъ вздрогнулъ, будто его схватилъ леопардъ, но потомъ громко разсмѣялся, увидѣвъ предъ собой Лео. Бѣлая Борода совсѣмъ забылъ о немъ, обрадованный удачею своего предпріятія.

Онъ былъ искренно радъ, что Лео, наконецъ, отдѣлался отъ своего суевѣрнаго страха и послѣдовалъ за нимъ и уже собирался было похвалить его, но вспомнилъ, что одной неосторожной шуткой можетъ опять напомнить негру о злыхъ духахъ. Между тѣмъ „пещеры духовъ“ еще не было видно, а

она то и являлась пробнымъ камнемъ для мужества Лео. Послѣднiй безъ разговоровъ послѣдовалъ его примѣру и пролѣзъ въ узкiя ворота и потому онъ рѣшилъ предоставить его и теперь самому себѣ. Къ чему были слова, когда факты лучше ихъ могли разсѣять страхъ? Если бы дѣло обстояло иначе, Бѣлая Борода тотчасъ же подѣлился бы съ Лео тѣмъ, что его занимало въ настоящую минуту, зная, что умъ—хорошо, а два—лучше; но теперь же приходилось молчать: Лео долженъ былъ увидѣть пещеру не предупрежденный. Вѣроятно, она не отличалась отъ тысячи другихъ, а обыкновенная картина природы ни въ какомъ случаѣ не могла устрашить такое дитя природы, какимъ былъ Лео. Руководимый этими соображенiями, Бѣлая Борода только привѣтливо кивнулъ своему слугѣ и, не теряя словъ, продолжалъ высматривать доступный выступъ. Наконецъ, ему удалось найти такое мѣсто. На покатомъ склонѣ, на высотѣ приблизительно ста футовъ, виднѣлся скалистый утесъ, съ котораго, вѣроятно, можно было какъ съ сторожевой башни обозрѣть всю горную долину.

Добраться до него не представляло большихъ трудностей, потому что склонъ былъ покрытъ деревьями и пальмами, за которыя можно было держиться при восхожденiи. Однако Бѣлая Борода и Лео обливались потомъ, когда достигли края скалы, откуда дѣйствительно могли насладиться открытымъ видомъ на всю котловину.

Входъ въ ущелье не представлялъ самой низкой его части, поверхность продолжала постепенно понижаться на разстоянiи около ста футовъ, гдѣ находилось маленькое озеро, питаемое горными ключами и ручьями. Многiе изъ послѣднихъ образовали довольно значительные водопады, которые въ сухое время года принимали видъ узенькихъ серебристыхъ лентъ, во время же продолжительныхъ дождей должны были свергаться съ шумомъ и громомъ, судя по воздѣйствiю ихъ на боковыя стѣны ущелья, которыя и направо и налѣво повсюду были изрыты глубокими бороздами. Все подножье долины густо поросло лѣсомъ; предъ глазами

разстилался зеленый коверъ, достигавшій до средней части горы.

Противъ скалистаго выступа, на которомъ стояли Бѣлая Борода и Лео, въ самомъ концѣ овальнаго ущелья, возвышались двѣ горныя вершины, соединенныя болѣе низкимъ горнымъ хребтомъ. Въ этомъ хребтѣ, на высотѣ приблизительно трехсотъ футовъ отъ уровня озера, зіялъ широкій темный проходъ, футовъ въ тридцать длиною и футовъ въ двадцать шириною. Вѣроятно, то былъ входъ въ пещеру духовъ.

Предъ нимъ, на подобіе балкона, тянулось узкое плато, поросшее сухой травой и нѣсколькими низкорослыми кустарниками. По обѣимъ сторонамъ возвышались исполинскія деревья, какъ бы сторожа входъ.

Пещера духовъ казалась издали величественною, но чего либо грознаго, страшнаго въ ея видѣ не было. Даже Лео, повидимому, не испытывалъ страха предъ ней: онъ безмолвно и спокойно указывалъ рукой по направленію пещеры, какъ бы желая выразить этимъ, что тамъ—цѣль ихъ путешествія.

Бѣлая Борода былъ занятъ мыслью, какъ лучше проникнуть къ пещерѣ духовъ.

Внизу, по долинѣ, подойти было не особенно удобно. Чрезъ кустарникъ въ крайнемъ случаѣ можно было бы проложить дорогу, съ топоромъ въ рукѣ, но еще большія препятствія, чѣмъ дѣвственный тропическій лѣсъ, представляли изрытыя русла ручьевъ. По нимъ вообще былъ бы въ состояніи пройти только самый привычный горецъ, да и то ему едва-ли удалось бы преодолѣть всѣ эти трудности въ одинъ день. Еще больше потребовалось бы времени, чтобы проложить себѣ дорогу въ хаосѣ самихъ скалъ.

Туземцы, посѣщавшіе эту пещеру много лѣтъ тому назадъ, навѣрно проложили къ ней дорогу, перекинули чрезъ пѣнящіеся потоки мосты; но время уничтожило все: насѣкомыя источили мягкое дерево, а дорога поросла густымъ лѣсомъ.

Однако Красная Змѣя перелѣзъ чрезъ это ущелье!—

Бѣлая Борода невольно взглянулъ наверхъ. — Но и тамъ были непреодолимыя препятствія, — круто спускающіеся гребни и зубцы горъ, густая чаща кустарниковъ и деревьевъ. За исключеніемъ птицъ, отъ времени до времени подымавшихся съ озера, животный міръ, казалось, совершенно отсутствовалъ въ этой горной котловинѣ. Большіе четвероногіе, также вѣроятно, считали непреодолимыми препятствія, представляемыя здѣсь горной природой, и потому избѣгали долину. Радость, вначалѣ наполнившая сердце Бѣлой Бороды, смѣнилась теперь тяжелымъ чувствомъ разочарованія; пещера духовъ, которую онъ видѣлъ предъ собой, всетаки была для него недоступна: горные духи какъ бы охраняли входъ подъ ея мрачные своды.

Прошло съ полчаса, а Бѣлая Борода все еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію.

Вдругъ лицо его оживилось и въ глазахъ сверкнулъ огонь.

Налѣво, высоко на скалѣ, двигалась маленькая коричневая точка, глазъ охотника тотчасъ узналъ въ ней горную антилопу, разновидность африканской дикой козы. Быстрое животное рысцой направлялось къ пещерѣ духовъ, мелькая какъ тѣнь вдоль крутыхъ скалъ; оно появлялось то выше, то ниже, но все приближалось къ пещерѣ; потомъ исчезло въ густой чащѣ деревьевъ предъ пещерой, но двѣ минуты спустя вновь появилось уже на маленькой площадкѣ предъ ней. Изъ груди Бѣлой Бороды вырвался крикъ восторга.

Дорога была найдена; надо было соперничать съ сернами, чтобы миновать это ущелье.

Вѣроятно, антилопа услышала возгласъ охотника, потому что отпрянула вдругъ по противуположному направленію; все выше и выше пробиралась она между скалъ и гребней и, наконецъ, исчезла изъ вида.

Съ лихорадочнымъ вниманіемъ разсматривалъ Бѣлая Борода извилины тропинки, по которой антилопа пришла къ пещерѣ. Онъ ясно различалъ тропинку, но не зналъ

еще главнаго. какъ пробраться къ ней изъ долины. Можно было отчетливо различить, что въ средней части горы, налѣво тропинка развѣтвлялась: одна вѣтвь направлялась къ гребню горы, другая спускалась глубоко въ долину, но не достигая дна ея, опять поднималась къ выступамъ скалъ надъ самой головой Бѣлой Бороды. Совсѣмъ внизу тропинка по всей вѣроятности была доступна. Это мѣсто находилось въ ста шагахъ отъ Бѣлой Бороды и здѣсь дѣйствительно можно было пробраться на тропинку. Здѣсь возвышалось высокое дерево, бросавшее своими вѣтвями тѣнь на скатъ горы; по этому дереву можно было безопасно спуститься на дорогу, ведшую къ загадочной пещерѣ. Сердце Бѣлой Бороды сильно билось отъ радостнаго возбужденія. Но на сегодня надо было остановиться: уже наступалъ вечеръ, а къ ночи Бѣлая Борода долженъ былъ быть въ серибѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобы у базингеровъ явилось какое нибудь подозрѣніе. Было и другое обстоятельство, побуждавшее возвратиться пораньше. Охотники, какъ извѣстно, проникли въ ущелье по слѣдамъ леопардовъ, и уже приближался часъ, когда эти хищники оставляютъ свои логовища; встрѣча же съ этими кровожадными животными въ узкомъ проходѣ была равносильна вѣрной смерти.

Итакъ, назадъ-на сегодня! Завтра можно было въ четверть часа пройти весь путь, на изслѣдованіе котораго сегодня потребовались цѣлые часы, а тамъ въ какой нибудь часъ можно было навѣрное добраться и до пещеры.

Охотники быстро пролѣзли назадъ чрезъ ворота смерти и знакомой дорогой поспѣшили къ серибѣ Гассана.

Бѣлая Борода плохо спалъ ту ночь. Его то и дѣло будили сны, поражавшіе его своей явственностью. То онъ видѣлъ себя борющимся въ узкомъ проходѣ воротъ смерти съ леопардомъ: онъ чувствовалъ, какъ хищное животное хватаетъ его за бедро,—и онъ просыпался съ глубокимъ вздохомъ. То онъ находился съ Лео въ пещерѣ духовъ, у нихъ въ рукахъ были факелы, красный свѣтъ которыхъ отражался на влажныхъ стѣнахъ грота, обливалъ волшебнымъ

свѣтомъ свѣшивающіеся съ потолка иглы, кружева и фестоны; въ этомъ свѣтѣ предъ нимъ выростали изящныя колонны, каѳедры, алтари изъ бѣловатаго камня, даже цѣлые церкви и соборы, у ногъ его протекалъ ручей, вдали виднѣлось маленькое озеро, тоже залитое краснымъ свѣтомъ. Бѣлая Борода подошелъ къ озеру. Въ немъ кишѣла масса саламандръ величиною съ нашу ящерицу. Онѣ вышли на берегъ и окружили Бѣлую Бороду. Сначала онѣ казались стаей бѣлыхъ мышей, но потомъ начали внезапно рости, достигая величины крысъ, кошекъ; потомъ ужъ онѣ бѣгали вокругъ него въ видѣ бѣлыхъ леопардовъ, наконецъ, обратились въ стаю разъяренныхъ бѣлыхъ бегемотовъ, бросавшихся на него съ разинутой пастью. Вдругъ дрогнула земля и пещера надъ нимъ обрушилась. Сердце замерло, онъ едва дышалъ. Тутъ Бѣлая Борода проснулся и широко открылъ глаза. Было уже свѣтло и стѣны легкаго бамбуковаго домика дѣйствительно дрожали отъ чьихъ-то тяжелыхъ нетерпѣливыхъ ударовъ въ дверь.

Что могло случиться?

Какой-то базингеръ дико кричалъ: „Бѣлая Борода, Бѣлая Борода!“

Послѣдній быстро подскочилъ къ двери и вскорѣ понялъ причину этой ранней тревоги.

Одного взгляда на деревню динковъ было достаточно, чтобы понять положеніе дѣлъ. Тамъ внизу кипѣло возстаніе, охватившее не только людей и животныхъ, но, кажется, даже дома, — деревня переселялась. Впереди шли дѣти, гнавшія предъ собою козъ и куръ, посрединѣ — женщины, нагруженныя всякой утварью, погоняя рогатый скотъ, позади слѣдовали мущины, неся на своихъ плечахъ стѣны и конусообразныя соломенныя крыши домовъ.

Пчелы покидали гнѣздо, раззоряемые трутнями.

Базингеры, ихъ рабыни и весь народъ въ серибѣ былъ въ ярости; базингеры стояли у палисада и палили въ проходившую внизу пеструю толпу. Но это не особенно безпо-

коило динковъ, потому что базингеры плохо цѣлили да и заржавленныя ружья ихъ были не изъ дальнобойнихъ.

Новый начальникъ—Лео потерялъ голову и тоже стрѣлялъ, увлеченный усердіемъ своихъ солдатъ.

Только одинъ Бѣлая Борода радовался отъ души переселенію этихъ бѣдныхъ людей, напоминавшихъ израильтянъ при переходѣ чрезъ Красное море; они спасались отъ власти Гассана—и онъ ихъ не удерживалъ. Онъ обязался Гассану защищать серибу; но что происходило тамъ внизу,—его не касалось.

Негры перехитрили Гассана; они знали, что гарнизонъ слабъ и что бросаться на цѣлую деревню съ десяткомъ ружей было бы безсмысленно. Уходъ динковъ, пожалуй, даже свидѣтельствовалъ о ихъ добродушіи: вѣдь, они могли бы осадить серибу или пустить на ея крыши краснаго пѣтуха. Вѣроятно, они и поступили бы такъ, если бы въ ней не находился Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце.

Пальба базингеровъ вскорѣ прекратилась: они поняли, что своими выстрѣлами они, такъ сказать, только салютуютъ переселенію динковъ, и теперь изливали свою злость бранью и проклятіями.

Однако, динки ушли недалеко; они поселились: на холмѣ, возвышавшемся по ту сторону ручья, въ какихъ нибудь тысячи шагахъ отъ серибы. Тамъ стѣны вновь были поставлены, крыши накрыты, были устроены загороди для скота и уже въ тотъ же день надъ селеніемъ стали подыматься легкія облачка дыма.

Динки кромѣ того оказались честными: они прислали депутатовъ и торжественно объявили, что не нарушатъ заключеннаго договора и попрежнему будутъ платить условленный оброкъ.

Такимъ образомъ все было въ порядкѣ, по мнѣнію Бѣлой Бороды. Но базингеры были недовольны, такъ какъ теперь приходилось прекратить хищническіе набѣги, о которыхъ не упоминалось въ договорѣ. Теперь было уже не

удобно отправляться въ деревню и пригонять оттуда быковъ.

Что касается динковъ, то они, повидимому, разъ на-всегда хотѣли избавиться отъ этихъ посѣщеній: на слѣдующее утро можно было видѣть, какъ они воздвигали такой же палиссадъ, какой окружалъ серибу.

Положеніе дѣлъ измѣнялось: теперь другъ противъ друга возвышались уже двѣ крѣпости. Обнесеніе изгородью — было чѣмъ-то невиданнымъ; потому что обыкновенно динки не строятся такъ тѣсно. Ихъ деревни, если вообще можно такъ назвать ихъ поселенія, состоятъ изъ одного ряда далеко отстоящихъ другъ отъ друга дворовъ, Каждой семьѣ нужно много мѣста для веденія хозяйства, такъ какъ динки занимаются преимущественно скотоводствомъ, содержатъ большія стада рогатаго скота, козъ и овецъ; хлѣба же они сѣютъ ровно столько, чтобы только хватило для собственнаго пропитанія.

Не слѣдовало относиться слишкомъ пренебрежительно и къ ихъ воинскимъ способностямъ. Они были выносливы, какъ большинство негрскихъ племенъ и многое спускали европейцамъ, но въ общемъ это былъ храбрый и мужественный народъ. Рабовъ, пойманныхъ въ этой мѣстности, охотно покупали ради ихъ стройной, крѣпкой фигуры, а въ негрскихъ полкахъ египетской арміи динки издавна составляли главное ядро вродѣ „длинныхъ гренадеровъ" Фридриха Великаго.

Торговцы слоновой костью неохотно посѣщали землю динковъ, такъ какъ часто встрѣчали сильнѣйшій отпоръ. Гассанъ былъ однимъ изъ нѣсколькихъ, сумѣвшихъ здѣсь утвердиться, но теперь, повидимому, динки хотѣли отказать въ повиновеніи и ему.

Ихъ „крѣпость" напротивъ серибы ясно указывала на эту перемѣну вещей.

Эти событія были непріятны Бѣлой Бородѣ только въ томъ отношеніи, что мѣшали ему продолжать изслѣдованіе пещеры духовъ. Положеніе его становилось все затруднительнѣе. Онъ зналъ, что Гассанъ никогда не проститъ ему

переселенія динковъ, никогда не согласится съ тѣмъ, что гарнизонъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы воспрепятствовать намѣренію туземцевъ. Бѣлая Борода предчувствовалъ, что его ожидаютъ большія опасности, и во всѣхъ его планахъ пещера всегда фигурировала въ качествѣ якоря спасенія; въ непродолжительномъ времени этотъ якорь спасенія сдѣлался дѣйствительно единственной соломинкой для утопающаго.

Неподалеку отъ впаденія Газельей рѣки находилась ближайшая мешера, т. е. пристань для нильскихъ барокъ, откуда караваны изъ Хартума предпринимали свои походы въ Суданъ.

Изъ этой мешеры пріѣхалъ въ то время арабскій торговецъ слоновой костью, направлявшійся дальше къ югу, въ страну Бонго. Онъ привезъ очень неутѣшительныя вѣсти.

Всѣ серибы, расположенныя по дорогѣ къ мешерѣ, опустѣли. Предприниматели оставили страну, потому что всѣ дороги были не безопасны отъ нападенія динковъ послѣдніе грабили и убивали отдѣльныхъ лицъ и собирались даже произвести нападеніе на серибы.

Вмѣстѣ съ караваномъ арабскаго купца изъ мешеры выступилъ еще другой, но послѣдній подвергся въ лѣсу нападенію динковъ и былъ ими уничтоженъ.

Купецъ разсказывалъ, что самъ видѣлъ поле битвы и насчиталъ до ста ужасно обезображенныхъ труповъ. Ему самому пришлось на каждомъ шагу отражать нападенія и онъ лишился половины своихъ лошадей и большей части своихъ товаровъ. Онъ удивлялся, что въ серибѣ Гассана еще все спокойно, и былъ очень озабоченъ судьбою послѣдняго, когда узналъ, что тотъ отправился „по торговымъ дѣламъ“ на югъ.

— Я тоже направляюсь въ ту страну,—говорилъ онъ,— мнѣ необходимо встрѣтить Гассана и передать ему важныя письма.

Торговецъ привезъ письмо и Бѣлой Бородѣ; знакомый миссіонеръ съ Бѣлаго Нила сообщалъ ему о банкротствѣ

пославшаго его торговаго дома въ Каиро и совѣтовалъ немедленно отправиться съ своими людьми въ обратный путь, такъ какъ о снаряженіи новаго каравана, котораго онъ, вѣроятно, дожидается, нечего и думать.

Возвратиться немедленно съ остаткомъ людей, состоящимъ изъ Лео! Вѣдь это была насмѣшка! Пришлось бы совершить утомительные переходы до мешеры съ однимъ слугой, отбиваться одному отъ возмутившихся, ищущихъ мести динковъ! Праздныя, ребяческія фантазіи! Если бы даже его не убили динки, если бы онъ даже сталъ обходить ихъ деревни, онъ всетаки погибъ бы отъ лишеній. А потомъ, имѣлъ ли онъ право вести Лео на вѣрную смерть или на рабство?

Итакъ, ему приходилось оставаться, приходилось и впредь быть предоставленнымъ гостепріимству Гассана! Онъ не могъ представить себѣ ничего болѣе мучительнаго.

Былъ только одинъ исходъ — попробовать двинуться по рѣкѣ, проникающій по ту сторону горъ и, вѣроятно, впадающей въ Нилъ, такъ какъ эта дорога была всетаки менѣе опасна. Племена, живущія по берегамъ, были менѣе воинственны, а потомъ онъ тамъ рано или поздно долженъ былъ непремѣнно встрѣтить арабскія барки, которыя навѣрно не откажутъ взять съ собой бѣлаго бѣглеца. Въ концѣ концовъ для поѣздки по рѣкѣ было достаточно плота, а его онъ съ помощью Лео съумѣлъ бы сдѣлать.

— Пещера, пещера! — неотступно вертѣлось у него на умѣ, и въ слѣдующій же послѣ полученія рокового извѣстія день онъ снова отправился съ Лео въ путь къ воротамъ смерти.

ГЛАВА V.

Пещера духовъ.

Счастливое предзнаменованіе на пути.—Мимо пропастей.—Ужасный стражъ пещеры. — Чары пропадаютъ. — Жители пещеры. — „Духи“ Акки.—Могилы.—По слѣдамъ „Красной Змѣи.—Вѣчная ночь.—Въ лабиринтѣ. — Заблудились. — Халали, халало. — Блуждающіе огни.— Странная нить Аріадны.—Подземныя воды.—Взглядъ на „новый міръ“.—Возвращеніе.—Тайна пещеры духовъ.—Привидѣніе.—Полуобезьяна, получеловѣкъ.—Отпоръ.—Въ бѣгствѣ.

Еще съ ночи отправились въ путь неразлучные охотники; солнце еще только золотило вершины горъ, когда Бѣлая Борода стоялъ подъ деревомъ, съ вѣтвей котораго онъ хотѣлъ перебраться на тропинку. Нужно было много труда для того, чтобы взобраться на исполинское дерево, но путники помогали другъ другу и вскорѣ вступили на скалистую почву.

Они захватили все необходимое для туриста въ горахъ. Съ ними была длинная веревка, два копья Лео замѣняли альпійскія палки, а Бѣлая Борода, умудренный сновидѣніями, не забылъ и огнива. Не хватало только факеловъ, но ихъ можно было приготовить дорогою изъ сухого хворосту передъ пещерой.

Едва ступивъ на узкую тропинку, Бѣлая Борода вскрикнулъ отъ радости и удивленія; онъ нагнулся и поднялъ съ дороги стрѣлу, которую тотчасъ же узналъ: это была одна изъ стрѣлъ, употребляемыхъ акками, какія носилъ съ собой и „Красная Змѣя“. Слѣдовательно, карликъ шелъ дѣйствительно той же дорогой, и дорога вела, несомнѣнно, къ пещерѣ духовъ. Они шли впередъ мимо бездонныхъ пропастей. Къ ихъ удивленію, тропинка расширилась; теперь можно было идти рядомъ двоимъ, но за то присутствіе здѣсь лишайниковъ, покрывавшихъ почву, требовало удвоенной осторожности: стоило только немного поскользнуться, —

и взбирающійся по тропинкѣ неминуемо упалъ бы въ пропасть.

Бѣлая Борода шелъ впереди, оба подвигались по склону, безмолвные, какъ тѣни; лишь время отъ времени раздавался лязгъ копій о камни. Наконецъ, спустя полчаса, они достигли рощи, находившейся сбоку отъ входа въ пещеру; еще нѣсколько шаговъ между кустарниковъ—и смѣлые путники стояли на плато предъ пещерой духовъ.

По дорогѣ къ пещерѣ Бѣлая Борода ни разу не взглянулъ на нее, онъ не отводилъ глазъ отъ тропинки и не смотрѣлъ ни внизъ, ни вверхъ, чтобы избѣжать головокруженія. Тѣмъ болѣе поразили его исполинскіе размѣры углубленія, представлявшаго входъ въ нѣдра горъ.

Ползучія растенія живописно покрывали стѣны и своды входа, какъ будто распредѣленныя художественной рукой. Бѣлая Борода заглянулъ въ темную зіявшую пещеру, но старанія его различить что нибудь въ этой темнотѣ были тщетны, Онъ уже хотѣлъ войти, какъ вдругъ воздухъ огласился крикомъ ужаса, и Лео упалъ на колѣни, закрывъ глаза лѣвой рукой, а правой указывалъ на что-то у входа.

Взглядъ Бѣлой Бороды невольно послѣдовалъ этому указанію и также невольно поблѣднѣлъ и задрожалъ.

На выступѣ скалы сидѣлъ человѣческій скелетъ; темныя впадины глазъ насмѣшливо смотрѣли на Бѣлую Бороду, черепъ и грудная клѣтка были прислонены къ стѣнѣ; на груди лежалъ длинный жезлъ съ пестрыми перьями; на землѣ были раскиданы кости ногъ и рукъ.

— Привидѣній нѣтъ! — прошепталъ Бѣлая Борода и медленно направился къ скелету, стараясь сохранить присутствіе духа.

Онъ стоялъ совсѣмъ близко къ этому воплощенію смерти; ему стоило протянуть руку, чтобѣ прикоснуться къ нему— и онъ хотѣлъ его коснуться, хотѣлъ его опрокинуть, чтобы разсѣять послѣдній страхъ, закравшійся въ его сердце. Въ этотъ моментъ онъ дѣйствительно боролся съ страшнымъ привидѣніемъ.

Онъ медленно поднялъ правую руку. Тутъ новый приступъ ужаса охватилъ его; онъ самъ держалъ въ рукѣ двойникъ того украшеннаго перьями жезла, который покоился на голой грудной клѣткѣ привидѣнія.

На минуту онъ замеръ; ему казалось, что онъ смотритъ въ зеркало, и что оттуда глядятъ но него, вмѣсто собственнаго лица, мертвая маска. Наконецъ, мысли его прояснились и онъ вспомнилъ, что самъ держитъ въ рукѣ такую же стрѣлу акковъ, какая лежала и на грудной клѣткѣ скелета; онъ догадался, что карликъ, вѣрно, былъ и здѣсь, что послѣдній дѣйствительво раскидалъ черепа мертвыхъ и поставилъ у входа пещеры этого грознаго стража. Негры украшаютъ черепами дома и деревья, слѣдовательно и этотъ поступокъ злобнаго карлика находилъ себѣ простое объясненіе.

Успокоенный этою мыслью, Бѣлая Борода слегка прикоснулся стрѣлой къ черепу, отъ чего послѣдній покатился на землю, потомъ тронулъ грудную клѣтку—и она при паденіи разсыпалась на массу кусковъ.

Бѣлая Борода облегченно вздохнулъ; чары были разрушены и онъ могъ войти въ пещеру.

Но старанія его успокоить и Лео были безуспѣшны: негръ продолжалъ безмолвно сидѣть съ поджатыми ногами на площадкѣ предъ пещерой, и, обратившись къ послѣдней спиной, видимо, предпочиталъ смотрѣть на ясное небо.

Онъ послѣдовалъ за своимъ господиномъ по слѣдамъ леопарда, но войти въ пещеру духовъ, нельзя было принудить его ни уговорами, ни силой.

Но онъ не остался безъ дѣла; Бѣлая Борода хотѣлъ развести у входа въ пещеру огонь, чтобы зажечь полѣнья, которыми онъ намѣревался освѣщать себѣ путь внутрь пещеры. Въ это время года не было недостатка въ сухой листвѣ и въ хворостѣ, и костеръ былъ вскорѣ готовъ; затрещалъ огонь, и надъ площадкой въ первый разъ послѣ десятковъ лѣтъ опять поднялось облако дыма. Лео долженъ

былъ поддерживать огонь, очень довольный тѣмъ, что его не заставили дѣлать визита духамъ.

Бѣлая Борода захватилъ смолистаго хворосту и отправился внутрь грота. Уже у входа онъ замѣтилъ подъ ногами какую-то мягкую массу; это могло быть гуано, — но птицъ не было видно. Однако, едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ съ своимъ мерцающимъ свѣтильникомъ, какъ духи пещеры ожили и начали безпокойно летать взадъ и впередъ, но то были не птицы, а летучія мыши.

„Красная Змѣя" опять былъ правъ; онъ, вѣроятно, слышалъ полетъ духовъ и было очень возможно, что поймалъ и съѣлъ одного изъ нихъ! Чего не переваритъ желудокъ негра!

Бѣлая Борода подвигался впередъ, не обращая никакого вниманія на стѣны скалъ и освѣщая главнымъ образомъ дно пещеры, гдѣ онъ уже у входа замѣтилъ въ мягкомъ гуано человѣческіе слѣды, безъ сомнѣнія отъ ногъ карлика. Этотъ слѣдъ долженъ былъ указать ему дорогу къ рѣкѣ, если только можно было вѣрить словамъ акки. Вначалѣ слѣды были очень запутаны, потому что въ этомъ мѣстѣ карликъ, вѣроятно, бѣгалъ взадъ и впередъ, но дальше отдѣлялось два ряда слѣдовъ, указывающихъ на прямой и обратный пути негра.

Бѣлая Борода пошелъ по этому слѣду и, пройдя всего нѣсколько шаговъ, вошелъ въ боковую пещеру, входъ въ которую былъ однако загроможденъ. Онъ посвѣтилъ и увидѣлъ множество костей и скелетовъ, торчащихъ изъ гуано. Вѣроятно, динки хоронили здѣсь десятки лѣтъ тому назадъ, во время постигшей ихъ большой смертности, своихъ покойниковъ. Изъ этой пещеры карликъ и досталъ части скелета, поставленнаго имъ у входа.

Неужели дорога къ рѣкѣ вела черезъ эти массовыя могилы? Если это было такъ, то только „Красная Змѣя" могъ взять на себя роль путеводителя въ этихъ пещерахъ. Бѣлую Бороду удерживалъ какой-то трепетъ. Онъ возвратился назадъ, чтобы запастись новымъ горючимъ и освѣтитель-

нымъ матеріаломъ, и затѣмъ продолжалъ идти по слѣдамъ. Почти по срединѣ пещеры слѣды снова раздваивались. По одному изъ этихъ слѣдовъ Бѣлая Борода проникъ въ высокій узкій проходъ; изъ углубленій скалъ направо и налѣво съ пискомъ вылетали стаи летучихъ мышей; онѣ кружились вокругъ его головы, ударялись въ его тѣло, налетали ему на лицо... одна упала на горящую головню,—огонь погасъ и его охватилъ глубокій мракъ.

Онъ остановился; слышался только пискъ и летаніе ночныхъ животныхъ; время отъ времени онъ чувствовалъ ударъ ихъ крыльевъ.

Онъ думалъ было возвратиться за огнемъ, но это было бы напрасно потраченнымъ временемъ, потому что летучія мыши все равно опять потушили бы его. Онъ рѣшилъ идти ощупью вдоль лѣвой стѣны скалъ. Минутъ пять спустя онъ не могъ уже достать рукой противоположной стѣны, и боялся отойти отъ той, вдоль который шелъ; итакъ онъ совершенно, не зналъ, насколько расширялся здѣсь проходъ.

Вдругъ стѣна кончилась; онъ дошелъ до остраго выступа и не зналъ, расширяется ли пещера, образуя въ этомъ мѣстѣ сводъ, или отъ нея отдѣляется боковой ходъ. Бѣлая Борода протянулъ руку, повернулся кругомъ—кругомъ было пустое пространство, скалы отсутствовали. Онъ сдѣлалъ осторожно шагъ впередъ, и опять началъ ощупывать... напрасно!

Можно себѣ представить, какое напряженіе было у него на лицѣ, и во всемъ положеніи подавшейся впередъ фигуры! Но никто этого не видѣлъ: вѣчная ночь покрывала все. Еще шагъ... Слава Богу, онъ наткнулся на препятствіе, нащупалъ опять твердую скалу и остановился, какъ вкопанный.

Куда вела эта стѣна? Могъ ли онъ идти вдоль нея? И куда идти, направо или налѣво? Найдетъ ли онъ опять скалу, вдоль которой пришелъ сюда?

Можетъ быть, здѣсь было много всякихъ ходовъ, цѣлый лабиринтъ и пещеръ, корридоровъ и галлерей?

Можетъ быть, изъ этого лабиринта ему уже не суждено было выйти на Божій свѣтъ?

Въ его воображеніи стали рисоваться мученія голода и жажды заблудившагося, вокругъ него носились привидѣнія его сна, саламандры и бегемоты.

Боже! что съ нимъ происходитъ! Стоитъ только закружиться головѣ, стоитъ только сдѣлать хоть одно неосторожное движеніе, и онъ потеряетъ направленіе, въ которомъ можно дойти до стѣны, а она одна можетъ его вывести на свѣтъ изъ этого царства мрака! Одинъ поворотъ—и скала, отъ которой зависятъ его жизнь, его надежды, исчезнетъ въ пустотѣ...

Холодный потъ выступилъ у него на лбу... онъ рѣшилъ вернуться и сдѣлалъ шагъ... Опять онъ тщетно протягиваетъ руку въ пустое пространство, опять судорожно подвигается впередъ всѣмъ тѣломъ, стараясь найти опору...

Еще шагъ... теперь должна быть стѣна... Рука жадно ищетъ холодную скалу... напрасно, напрасно! И мужчина, полный силъ, стоитъ въ оцѣпенѣніи и чувствуетъ, какъ при всемъ мужествѣ въ лицѣ его не остается ни кровинки.

— Напрасно! напрасно! Скала исчезла! — восклицаетъ внутри его невидимый голосъ, и онъ остановился недвижимый, въ нѣмомъ отчаніи. Вдругъ—какая насмѣшка судьбы!—въ лицо ему ударилась сова. Какъ онъ завидовалъ теперь этому животному, столь увѣренному здѣсь въ своихъ движеніяхъ и находящему свое гнѣздо и среди глубокой ночи! Онъ завидовалъ его инстинкту, въ данномъ случаѣ болѣе цѣнному, чѣмъ даже гордый человѣческій умъ!

О, если бы руки могли вырости, вытянуться въ длину до исполинскихъ размѣровъ!

Смѣлый охотникъ, мастеръ на всякія хитрости—онъ не отказался бы теперь отъ волшебства или чуда. Но въ немъ все же сказался охотникъ, онъ вспомнилъ, что не одинъ, что съ нимъ ружье, его вѣрный спутникъ; оно должно было ему помочь въ борьбѣ со тьмой.

И какъ это могъ онъ только такъ легко потерять го-

лову? Вѣдь ружье удлиняетъ его руку вдвое. А вотъ и стѣна, совсѣмъ близко! Стволъ касается твердой скалы.

„Халоли, халоло!“—раздается въ подземномъ царствѣ дикій, безумный отъ радости крикъ охотника, будя многократное эхо и вспугивая безпокойно перелетающихъ съ мѣста на мѣсто и издающихъ странный крикъ летучихъ мышей. Самъ же онъ падаетъ на землю, чтобы отдохнуть отъ пережитой борьбы.

Опять въ немъ просыпается страсть къ приключеніямъ, духъ предпріимчивости. Опасность раздражаетъ его, и онъ уже обдумываетъ планъ, какъ найти проходъ къ рѣкѣ. Слова карлика: „Я пролѣзъ сквозь гору“, снова приходятъ ему на умъ. И онъ начинаетъ размышлять о томъ, какъ удалось карлику оріентироваться въ этихъ темныхъ переходахъ. Акка могъ надѣяться только на остроту органовъ внѣшнихъ чувствъ; Бѣлая Борода тоже сталъ напрягать ихъ, въ надеждѣ, что они откроютъ ему какую нибудь тайну подземнаго міра.

Онъ прислушался: время отъ времени среди общей тишины раздавался только пискъ летучей мыши; онъ оглядѣлся кругомъ,—всюду непроницаемый мракъ. Вдругъ ему показалось, будто его лица коснулось легкое дуновеніе воздуха. Онъ всталъ, но тогда это ощущеніе совершенно исчезло, присѣлъ—и опять почувствовалъ что-то похожее на потокъ воздуха. Тогда онъ легъ на землю: чувство усилилось, на него пахнуло свѣжестью.

Съ любопытствомъ посмотрѣлъ онъ по тому направленію и ему показалось, что онъ видитъ слабый свѣтъ. Быть можетъ, тамъ, подъ сводами, разлагался какой нибудь организмъ, бросая свой обманчивый фосфорическій свѣтъ.

Онъ отвелъ глаза, взглянулъ опять—тоже явленіе! Нѣсколько разъ повторялъ онъ этотъ опытъ съ тѣмъ же результатомъ, и имъ овладѣло непреодолимое желаніе пойти къ тому мѣсту, откуда падалъ свѣтъ. Однако его удерживалъ страхъ, что онъ не найдетъ дороги назадъ. Но какъ же прошелъ по этому проходу Акка?

При слабомъ мерцающемъ свѣтѣ горящей сухой вѣтки и при томъ на быстромъ ходу Бѣлая Борода до сихъ поръ обращалъ мало вниманія на слѣды. Теперь же ему вспомнилось, что тамъ, гдѣ проходъ суживался, они принимали странный характеръ. Мягкая почва мѣстами была взрыта и сложена маленькими кучами. Это, очевидно, было дѣломъ „Красной Змѣи", и эти кучи служили ему нитью Аріадны, помогая ему оріентироваться въ лабиринтѣ скалъ. Развѣ Бѣлая Борода не могъ сдѣлать того же самаго? Онъ могъ примѣнить даже лучшія средства, у него было ружье, были пороховница, сумка для пуль, на немъ были шляпа, сюртукъ, брюки, рубашка, сапоги и носки. Какое обиліе предметовъ, чтобы отмѣтить запутанные ходы лабиринта для нахожденія обратнаго пути къ стѣнѣ! Итакъ впередъ, навстрѣчу мерцающему свѣту, но впередъ на четверенькахъ! Соломенную шляпу онъ оставилъ сейчасъ же; ею онъ отмѣтилъ исходный пунктъ своего мрачнаго странствія.

Роковой поперечный ходъ, по которому раньше проходилъ Бѣлая Борода, былъ отмѣченъ ружьемъ, потомъ онъ двинулся впередъ, вдоль стѣны. Но, передвигаясь на четверенькахъ, онъ ужъ раза три натыкался на какія-то возвышенія, въ которыхъ утопала его рука; это были безъ сомнѣнія отмѣтки карлика. Дорога опять пересѣкалась узкимъ проходомъ,—не долго думая, онъ положилъ около него пороховницу, потомъ слѣдовало новое развѣтвленіе, около котораго была оставлена сумка съ пулями. Мерцаніе свѣта усиливалось. Неужели это было только воображеніе или обманъ чувствъ? Четвертый боковой ходъ! Бѣлая Борода вскочилъ, снялъ сюртукъ и оставилъ его. Другихъ боковыхъ ходовъ уже не встрѣчалось, свѣтъ становился все сильнѣе; это былъ настоящій дневной свѣтъ, хотя и чрезвычайно слабый. Его отдѣляло отъ этого свѣта всего нѣсколько шаговъ; и онъ хотѣлъ подняться на ноги, чтобы поспѣшить на встрѣчу ему, но вскрикнулъ отъ боли и отшатнулся назадъ: пещера здѣсь опять понижалась и онъ сильно ушибся. Пришлось проползти и эти нѣсколько шаговъ, пещера въ этомъ

мѣстѣ заворачивала, образуя крутой подъемъ: наверхъ тянулся свѣтлый ходъ, оканчивавшійся настоящемъ окномъ, чрезъ которое Бѣлая Борода опять увидѣлъ синее небо. Здѣсь пещера была выше; справа доносился какой-то глухой шумъ; Бѣлая Борода подошелъ и увидѣлъ темную пропасть, на днѣ которой шумѣла вода, это былъ притокъ маленькаго озера въ горной котловинѣ предъ пещерой. Надо было осторожно миновать эту новую опасность лабиринта, чтобы, наконецъ, выбраться на Божій свѣтъ.

Наконецъ-то Бѣлая Борода могъ поднять голову и заглянуть черезъ каменный барьеръ этой громадной разсѣлины! Ему хотѣлось посмотрѣть вдаль, увидѣть рѣку, но сильный свѣтъ ослѣплялъ его, и лишь спустя нѣкоторое время, когда его глаза снова привыкли къ свѣту, онъ увидѣлъ у своихъ ногъ величественную рѣку, цѣль его стремленій.

И здѣсь мѣстность была пустынна. По ту сторону рѣки на горизонтѣ тянулись болота, по эту сторону — покрытые лучами склоны горъ; но спускъ съ горы въ этомъ мѣстѣ не представлялъ никакихъ трудностей. По обширнымъ лугамъ тамъ и сямъ были разбросаны группы довольно высокихъ деревьевъ.

Бѣлая Борода ликовалъ, какъ будто открылъ новый міръ, и весело отправился въ обратный путь къ Лео.

Теперь онъ уже находилъ дорогу съ меньшимъ трудомъ, постепенно опять наматывая нить Аріадны, т. е. послѣдовательно надѣвая сюртукъ, шляпу, ощупью собирая въ темнотѣ свои охотничьи принадлежности.

Вполнѣ одѣтый онъ вышелъ къ Лео, который очень обрадовался, увидя своего господина цѣлымъ и невредимымъ, но еще больше былъ радъ, когда, послѣ короткаго отдыха, они двинулись въ обратный путь.

На слѣдующее утро опять можно было видѣть обоихъ охотниковъ идущими по знакомой дорогой къ пещерѣ духовъ.

На этотъ разъ Бѣлая Борода захватилъ съ собой факелъ,

длинныхъ веревокъ, двѣ винтовки и довольно значительный запасъ пороху и свинцу. Веревки предполагалось связать, чтобы онѣ могли служить путеводной нитью въ лабиринтѣ, начиная съ того мѣста, гдѣ Бѣлая Борода вчера оставилъ свою шляпу. Онъ хотѣлъ укрѣпить ее на колышкахъ и такимъ образомъ разъ навсегда отмѣтить дорогу мимо боковыхъ ходовъ пещеры до того мѣста, гдѣ проходъ направлялся вверхъ къ окну, мимо глубокой пропасти, въ которой шумѣли подземныя воды.

Винтовки и запасъ огнестрѣльнаго матеріала рѣшено было сложить въ опредѣленномъ мѣстѣ пещеры въ качествѣ перваго вклада въ маленькій складъ, который долженъ былъ, въ случаѣ нужды, дать охотнику возможность перебиться нѣкоторое время въ этомъ пустынномъ мѣстѣ.

Впослѣдствіи предполагалось обогатить его топорами, ножами, гвоздями и веревками для постройки плота. Всѣ эти важные предметы нужно было доставить въ пещеру духовъ постепенно, чтобы не выдать базингерамъ своей тайны.

Къ сожалѣнію, Бѣлая Борода не былъ единственнымъ хранителемъ этой тайны. Лео онъ могъ вполнѣ довѣрять, но кромѣ послѣдняго о пещерѣ духовъ зналъ еще одинъ человѣкъ—и зналъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ Бѣлая Борода,—это былъ карликъ.

Ушелъ ли онъ дѣйствительно къ своему племени, или шатался въ этой мѣстности, пользуясь неограниченной свободой, къ которой такъ привыкъ? Быть можетъ, онъ скрывался какъ разъ въ пещерѣд уховъ. Если такъ, то злодѣй являлся препятствіемъ для исполненія плановъ Бѣлой Бороды; тогда приходилось дѣйствительно имѣть дѣло съ злымъ духомъ, и стоило бы не мало труда побѣдить или спугнуть этого духа.

Эти печальныя мысли омрачили радость Бѣлой Бороды при окрытіи прохода къ рѣкѣ.

Но ни страхъ, ни предчувствія не могли удержать его отъ исполненія разъ намѣченнаго плана.

Оба охотника опять приблизились къ пещерѣ. Бѣлая Борода осмотрѣлъ окрестность.

Все оставалось въ прежнемъ видѣ. Кости скелета лежали разбросанныя, какъ онъ ихъ оставилъ вчера, пепелъ огня, поддерживаемаго вчера Лео, былъ не тронутъ. Не видно было также свѣжихъ слѣдовъ карлика, и Бѣлая Борода съ облегченіемъ вздохнулъ. Опять былъ разведенъ огонь, и на этотъ разъ Бѣлая Борода вошелъ въ пещеру, снабженный факеломъ.

Вскорѣ былъ найденъ узкій ходъ и охотникъ, съ факеломъ въ рукѣ, пошелъ по нему; сегодня ужъ онъ не осматривалъ исключительно почву, но старался также опредѣлить формацію стѣнъ и сводовъ, насколько это было возможно при мерцающемъ свѣтѣ факела. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ факелъ, въ правой—заряженное ружье.

Излишняя осторожность! Злой духъ пещеры не показывался.

Вдругъ онъ почувствовалъ уколъ въ икру лѣвой ноги. Его что-то укусило—и онъ въ страхѣ отскочилъ. Опустивъ факелъ, онъ явственно увидѣлъ при его мрачномъ свѣтѣ извивавшуюся змѣю. Кровь застыла у него въ жилахъ.. въ тотъ же моментъ въ проходѣ раздался дьявольскій смѣхъ.

— Хи, хи, хи! Ху, ху, ху! Хи, хи, хи!

Бѣлая Борода уронилъ факелъ и побѣжалъ къ выходу пещеры, какъ будто его преслѣдовали фуріи.

— Хи, хи, хи! Ху, ху, ху! Хи, хи, хи!—преслѣдовалъ его адскій крикъ, спугивая летучихъ мышей, съ крикомъ перелетающихъ съ мѣста на мѣсто.

Въ нѣсколько скачковъ онъ добѣжалъ наконецъ до широкаго отверстія въ скалѣ.

— Хи, хи, хи!—раздавалось все ближе. Судорожно схвативъ ружье, Бѣлая Борода обернулся и увидѣлъ въ глубинѣ пещеры привидѣніе съ факеломъ въ рукѣ, похожее не то на дьявола, не то на обезьяну или человѣка; оно издавало безсвязные звуки, а въ лѣвой рукѣ поднимало лукъ.

Но Бѣлая Борода уже приложилъ ружье и прицѣлился

въ грудь привидѣнія... Раздался выстрѣлъ, который съ такой силой прогремѣлъ и пророкоталъ подъ сводами пещеры, что, казалось, будто она обрушивается.

Тутъ факелъ упалъ на землю и изъ глубины раздался долгій, отчаянный крикъ убитаго на смерть существа.

Бѣлая Борода поспѣшилъ прочь, на дорогу, по которой уже спасался Лео. Быстро миновали они крутыя пропасти; злые духи пещеры какъ будто преслѣдовали смѣльчаковъ. Лишь достигнувъ входа въ ворота смерти, Бѣлая Борода остановился и вспомнилъ, что надо обратить вниманіе на укушеніе ядовитой змѣи.

Онъ сѣлъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ двѣ близко расположенныя другъ отъ друга красныя точки указывали на укушеніе змѣи, сдѣлалъ охотничьимъ ножемъ широкій надрѣзъ для того, чтобы изъ раны пошла кровь, затѣмъ шнуркомъ пороховницы крѣпко перевязалъ потомъ голень пониже колѣна. Но въ душѣ его что-то шептало: „поздно, поздно!“ Ядъ уже давно долженъ былъ войти въ кругъ кровообращенія. Оставалась только слабая надежда на то, что укушеніе было сдѣлано сквозь толстую бумажную ткань его панталонъ, а это уменьшало опасность.

Онъ вспомнилъ теперь о буйволѣ, конвульсіи котораго ему пришлось наблюдать около озера, и ему припомнились слова „Красной Змѣи“:

— Онъ умираетъ, Бѣлая Борода; онъ долженъ умереть!

Страшное привидѣніе пещеры былъ никто другой, какъ проклятый карликъ; его укусила та же змѣя, которая убила буйвола. Бѣлая Борода чувствовалъ слабость и не могъ идти.

Вѣрный Лео взвалилъ его себѣ на спину и понесъ отъ „воротъ смерти“ къ серибѣ Гассана.

Хранить дальше молчаніе—Лео уже не могъ. Ужасное сообщеніе переходило изъ устъ въ уста и росло до ужасающихъ размѣровъ: говорили, что черти прогнали бѣлаго изъ пещеры и что входъ къ „воротамъ смерти“ охраняется исполинскими змѣями и оборотнями—леопардами.

ГЛАВА VI.

Взаимныя отношенія разбойниковъ.

Мусульманинъ въ качествѣ врача.—Умирающій въ пещерѣ духовъ.—Возвращеніе побѣдителей. — Праздничный пиръ. — Таинственное письмо. — Экспедиція. — Загадочное поведеніе Гассана.—Взаимныя отношенія разбойниковъ.

Прошло двѣ недѣли послѣ ужаснаго дня, проведеннаго въ пещерѣ.

Въ серибѣ Гассана, у дверей своего дома, сидѣлъ на складномъ стулѣ Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце. Онъ постарѣлъ за этотъ короткій промежутокъ времени; лицо утратило юношескую свѣжесть, и блѣдный цвѣтъ похудѣвшаго лица гармонировалъ теперь съ преждевременно посѣдѣвшими волосами.

Бѣлая Борода много выстрадалъ и остался въ живыхъ только благодаря какому-то чуду. Все таки змѣиный ядъ вызвалъ серьезное заболѣваніе; цѣлую недѣлю онъ лежалъ въ жару и бредилъ въ безпамятствѣ.

Вѣрный Лео ухаживалъ за нимъ и не оставлялъ ни на минуту; явился и врачъ. Одинъ изъ солдатъ всталъ около кровати больного, началъ бормотать заклинанія и положилъ ему на грудь какой-то амулетъ. Но волшебное средство не оказало никакого дѣйствія; мусульманинъ оставилъ хижину и больше не возвращался. Больной былъ христіанинъ: какъ могло помочь ему изреченіе корана, написанное на амулетѣ? Только вѣрные послѣдователи пророка, люди, присягающіе знамени съ полумѣсяцемъ, могли ожидать помощи отъ такихъ чудодѣйственныхъ средствъ.

— Христіанинъ умретъ!—сказалъ мусульманинъ, но онъ ошибся.

Крѣпкая натура Бѣлой Бороды справилась и съ змѣинымъ ядомъ, и онъ сталъ постепенно приходить въ себя;

нарывы, покрывавшіе его тѣло, начали заживать—и на этотъ разъ онъ былъ спасенъ.

Бѣлая Борода сталъ припоминать недавно пережитыя опасности. Онъ вновь видѣлъ себя въ пещерѣ духовъ, видѣлъ въ отдаленіи темную фигуру съ горящимъ факеломъ, слышалъ крикъ, непосредственно послѣдовавшій за выстрѣломъ. Онъ зналъ, въ кого попалъ этотъ выстрѣлъ—это могъ быть только карликъ, Красная Змѣя.

Бѣдный Акка! Убитъ онъ или еще живъ?

Быть можетъ, онъ еще живъ и лежитъ въ пещерѣ духовъ, около могилъ динковъ, одинъ, искалѣченный, не будучи въ состояніи поднять лукъ, чтобы добыть себѣ пищи, или пойти къ далекому ручью, чтобы утолить мучительную жажду! Самъ онъ лежалъ въ своей постели, около него сидѣлъ его слуга и другъ Лео и подавалъ ему освѣжающее питье и спѣлые фрукты. А Акка? Быть можетъ, онъ сидѣлъ теперь умирающій около скелета, котораго самъ же поставилъ для украшенія своего жилища, обширной темной пещеры? Быть можетъ, онъ жадно глядитъ на ясную поверхность маленькаго озера, расположеннаго въ котловинѣ, и испытываетъ мученія Тантала, не будучи въ силахъ спуститься въ долину, чтобы освѣжить запекшіяся губы живительной влагой? Быть можетъ, онъ теперь глядитъ на узкую тропинку, по которой бѣжитъ вдоль скалы серна, и смѣлый, ловкій охотникъ не въ состояніи погнаться за дичью, достать себѣ пропитаніе?

И Бѣлая Борода отказался отъ чаши, которую поднесъ ему Лео, и спросилъ съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства:

— Лео, сколько времени я уже боленъ?

— Недѣлю,—отвѣтилъ негръ. Бѣлая Борода упалъ на подушки. Недѣлю! Въ недѣлю бѣдный Акка навѣрное умеръ отъ жажды!

Онъ хотѣлъ вскочить и поспѣшить къ пещерѣ, чтобы помочь, если это еще было возможно, или чтобы по крайней мѣрѣ убѣдиться, что человѣкъ, въ котораго онъ стрѣ-

лялъ, уже не мучится и не страдаетъ. Но у него не хватило силъ; не хватало ихъ и теперь, хотя онъ и сидѣлъ передъ домомъ. И все это время онъ страшно страдалъ вдвойнѣ: его тѣло боролось съ послѣдствіями отравленія, а душа мучилась угрызеніями совѣсти по поводу судьбы „Красной Змѣи". Онъ давно забылъ, что карликъ поставилъ ему змѣиную ловушку, что онъ самъ только защищался. Бѣлая Борода—Нѣжное Серце не могъ ненавидить даже врага.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ теперь возвращенія Гассана; онъ хотѣлъ разсказать ему все и попросить его сходить въ пещеру духовъ и сжалиться надъ страдающемъ; если онъ еще живъ. Лео и базингеровъ, конечно, нельзя было бы убѣдить пойти къ „воротамъ смерти" и навѣстить черта, изгнавшаго изъ пещеры бѣлаго человѣка.

Сегодня, наконецъ, явился посолъ, объявившій, что побѣдоносный Гассанъ возвратится чрезъ нѣсколько часовъ и приведетъ въ серибу рабовъ и скотъ, привезетъ слоновую кость. Базенгеры и ихъ жены ликовали и съ нетерпѣніемъ смотрѣли на поворотъ дальней тропинки, ожидая, что вотъ-вотъ покажется красное знамя съ полумѣсяцемъ пророка; съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ по этому направленію и Бѣлая Борода, въ своемъ простодушіи смотрѣвшій на разбойничьяго атамана Гассана, какъ на спасителя въ нуждѣ.

Вдругъ въ лѣсу раздался бой барабановъ и на дорогѣ появились темныя фигуры. Вотъ мелькнулъ и кроваво-красный флагъ, и вечерніе лучи солнца заблестѣли на ружейныхъ стволахъ отряда. Это былъ только авангардъ; за нимъ развертывается все шествіе, во всей своей полнотѣ. Вотъ, выступаютъ носильщики, нагруженные слоновой костью, вотъ стада скота. Глазъ уже насчитываетъ ихъ цѣлыя сотни, и все новыя и новыя сотни выступаютъ изъ лѣса; потомъ слѣдуютъ толпы людей: они идутъ длинными рядами съ рабскимъ ярмомъ на шеѣ... Шествіе замыкается заднимъ концемъ, приближающемся въ густомъ облакѣ пыли; опять, солнце играетъ на стволахъ ружей.

Въ серибѣ—дикая радость; на поляхъ внизу—замѣша-

тельство. Динки бѣгутъ и, какъ спугнутые зайцы, спѣшатъ укрыться въ своей новой крѣпости. Они хорошо знаютъ, что гнѣвный взглядъ Гассана прикованъ теперь къ ихъ деревнѣ, и видятъ, что Гассанъ сильнѣе, чѣмъ они думали, потому что привелъ съ собой тысячи головъ рогатаго скота, триста рабовъ,—и привезъ сотни слоновыхъ клыковъ. Съ горстью людей ему удалось побѣдить могущественныя, богатыя племена. Мрачно смотрятъ туземцы на длинное шествіе, повидимому, возвѣщавшее имъ печальную будущность.

Насмѣшливо взглядываетъ Гассанъ на новую деревню туземцевъ; онъ сумѣетъ разгромить эту крѣпость, отбить охоту къ непокорности и возмущеніямъ.

Бѣлая Борода также глядитъ на толпу въ долинѣ. Его нетерпѣніе давно прошло; онъ стоитъ съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и опущенными глазами. Какими надеждами онъ убаюкивалъ себя! Чтобы Гассанъ помогъ карлику въ пещерѣ, Гассанъ, который за послѣднія три недѣли навѣрно спалилъ десятки деревень, убилъ сотни невинныхъ людей и сотни же увелъ въ рабство! Гассанъ, наложившій рабскіе путы даже на него и склонный, кажется, сдѣлать его орудіемъ своихъ низкихъ стремленій! И этому человѣку довѣрить тайну пещеры духовъ? Никогда! Конечно, въ виду того, что Лео разболталъ о случившемся, придется разсказать о посѣщеніи ущелья; но о значеніи пещеры, о проходѣ къ рѣкѣ, къ счастью, не зналъ даже Лео.

Бѣлую Бороду Гассанъ привѣтствовалъ очень ласково. Онъ самъ подыскивалъ извинительныя причины, въ силу которыхъ нельзя было воспрепятствовать перенесенію деревни динковъ. Вообще Гассанъ очень измѣнился, онъ не производилъ впечатлѣнія побѣдителя, не принималъ участія въ шумномъ ликованіи своихъ предводителей и солдатъ и, казалось, былъ погруженъ въ размышленія о совершенно другихъ, сюда не относящихся предметахъ, а главное, былъ отмѣнно вѣжливъ по отношенію къ Бѣлой Бородѣ.

При наступленіи ночи устроили праздничный пиръ и пригласили для танцевъ динковъ; Бѣлая Борода также присут-

ствовалъ на этомъ праздникѣ, но рано ушелъ подъ предлогомъ слабаго здоровья.

Направляясь къ своей хижинѣ, онъ прошелъ мимо Араби и Ахмета, которые сидѣли у дверей одного дома и попивали пиво изъ банановъ. Бѣлая Борода обратилъ вниманіе на то, что они говорили такъ тихо; онъ остановился и прислушался.

— Развѣ ты не видѣлъ какъ онъ поблѣднѣлъ, читая письмо изъ Хартума? Онъ сталъ съ тѣхъ поръ другимъ человѣкомъ!—говорилъ Араби.

— Что же письмо? — возразилъ Ахметъ, — онъ давалъ намъ читать его во время похода.

— Что же письмо? — иронизировалъ Араби, — говорятъ, что пріѣдутъ соотечественники Гассана, важные господа, пользующіеся покровительствомъ хедива. Обыкновенно радуешься, когда въ этихъ лѣсахъ встрѣчаешь земляковъ. Почему же Гассанъ сталъ такой мрачный? Знаешь, Ахметъ, тутъ кроется тайна, и было бы недурно узнать ее. Какъ собственно зовутъ этого Гассана? Какъ его звали, когда онъ еще былъ христіаниномъ, еще не принималъ магометанства? Сади знаетъ, онъ разъ заикнулся объ этомъ; Сади — грамотей и...

Араби поднялъ глаза и увидалъ вдали Бѣлую Бороду. Онъ вдругъ замолчалъ и нѣкоторое время спустя громко прибавилъ:

— Мнѣ тоже надоѣла эта проклятая жизнь! Я хотѣлъ торговать слоновой костью, а не грабить и ловить рабовъ. Но не выдавай меня, другъ Ахметъ.

Бѣлая Борода увидѣлъ, что его замѣтили и ушелъ. Араби между тѣмъ обратился съ насмѣшкой къ Ахмету:

— Бѣлой Бородѣ я теперь задалъ задачу. Если онъ даже и слышалъ что-нибудь, то ни за что не выдастъ меня, честнаго человѣка, не желающаго охотиться за невольниками. Однако, наше отсутствіе могутъ замѣтить. Пойдемъ слушать пѣніе и смотрѣть танцы!

Оба предводителя войска Гассана встали и смѣшались съ праздничной толпой.

Отъ дверей своего дома Бѣлая Борода посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Дѣйствительно, Араби ему задалъ задачу. Но вѣсть была ему пріятна.

Ожидались соотечественники Гассана, хорошіе, важные люди, находившіеся подъ покровительствомъ хедива, повелителя Египта. Это, навѣрное, были изслѣдователи, розыскивавшіе верховья Нила. Приближалась африканская экспедиція съ научной цѣлью; она, навѣрное, будетъ въ состояніи освободить его отъ плѣна у Гассана. Бѣлая Борода воспрялъ духомъ: явился лучъ надежды, освѣтившій его мрачную будущность.

Загадочное поведеніе Гассана, странная рѣчь Араби были ему менѣе интересны. Онъ уснулъ съ легкимъ сердцемъ, хотя на дворѣ еще звучали барабаны, стонали гитары и мелькали при свѣтѣ факеловъ фигуры черныхъ танцоровъ.

Гассанъ стоялъ предъ танцующими, все время глядя въ одну точку.

Араби указалъ на него Ахмету и проговорилъ:

— Взгляни только на Гассана! Клянусь Аллахомъ и бородой пророка, онъ не видитъ того, что у него предъ глазами, и не слышитъ ничего изъ окружающаго; его мысли во Франціи.

Наконецъ пляска кончилась. Гассанъ ушелъ къ себѣ, негры тоже разошлись; только Сади, Араби и Ахметъ еще сидѣли въ отдаленномъ углу серибы и оживленно разговаривали.

— Кто онъ такой?—шепталъ какъ разъ Сади: — Кандидатъ на висѣлицу, какъ и всѣ мы! Что онъ сдѣлалъ? Онъ способенъ на все. Что я знаю? Я знаю только то, что бумаги его фальшивыя. А кто ихъ поддѣлалъ — это васъ не касается.

— И мы повинуемся такому негодяю!—вскричалъ Араби.—Вотъ что я вамъ скажу: представьте себѣ, что Гассанъ пойдетъ какъ-нибудь на охоту и не возвратится болѣе. Его

найдутъ; онъ могъ быть убитъ динками. Что же будетъ съ серибой? Мы завладѣемъ ею и будемъ хозяйствовать вмѣстѣ. Ты, Сади,—грамотный; ты можешь вести счеты и переписку съ Хартумомъ.

— Ты сошелъ съума, Араби,—замѣтилъ Сади,—все это откроется, придутъ владѣльцы другихъ серибъ, поймаютъ и повѣсятъ насъ. Заботься прежде всего о своей выгодѣ, грабь, сколько можешь, загребай, что только попадется, обманывай своего хозяина, и ты самъ будешь въ состоянiи основать себѣ серибу. Скоро ты узнаешь, какъ наживаютъ себѣ состоянiе. Я слѣжу за рыжимъ предводителемъ тамъ напротивъ — онъ указалъ при этомъ на деревню динковъ, — если моя уловка удастся, мнѣ достанется львиная добыча. А что касается французовъ и страха Гассана,—это ты оставь! Мы здѣсь—хозяева страны и не дадимъ себя арестовать. Еслибы они вздумали тебя увести, мы помогли бы тебѣ. Гассану мы тоже поможемъ. У насъ здѣсь свои законы, основанные на чувствѣ, о возмущенiи не можетъ быть и рѣчи. Ты много выпилъ, поэтому я молчу. А все-таки знай, что Гассанъ стрѣляетъ лучше, чѣмъ ты думаешь, хотя никогда и не ходитъ на охоту.

Сади поднялся и поплелся къ своему дому; Ахметъ послѣдовалъ его примѣру. Араби же ворчалъ:

— Упрямыя головы! не поддаются обученiю!

Бѣлая Борода сидѣлъ въ это время на своей кровати и говорилъ про себя:

— Боже мой, какъ тяжела мысль, что я убилъ человѣка, что я—убiйца. А между тѣмъ я вѣдь только защищался въ открытомъ бою. Послѣ я не могъ ему помочь, такъ какъ самъ былъ боленъ,—а теперь поздно. Я могъ бы каждому сознаться въ этомъ поступкѣ, но только не Гассану, потому что онъ, въ своей подлости, станетъ считать меня своимъ сообщникомъ. Бѣдный Акка, живъ-ли ты или умеръ? У меня теперь не хватитъ мужества войти въ пещеру духовъ, гдѣ я пролилъ человѣческую кровь!

ГЛАВА VII.

Первое мая.

Подъ знаменемъ съ крестомъ.—Прощаніе.—Весна идетъ. — Сериба Сансуси. — Сокровища, зарытыя въ пещерѣ духовъ. — Фальшивый паспортъ.—Артуръ Понсаръ. — Глава племени — лиса. — Полномочіе.—На пыткѣ.—Слоновая кость въ трясинѣ. — Вознагражденіе. — Осада крѣпости.—Пораженіе побѣдителей.

Сухое время года кончилось; полили дожди и весна вступила въ свои права.

Природа просыпалась къ новой жизни; къ новой же жизни воскресъ и молодой Бѣлая Борода. Первое мая застаетъ его стоящимъ на обширномъ дворѣ серибы съ гордо поднятой головой, какъ въ былое время. Легкой походкой обходитъ онъ караванъ; взглядъ его — довольный, лицо опять дышетъ свѣжестью. Но эта свѣжесть лица не обманчивая; она не вызвана радостнымъ возбужденіемъ, а есть слѣдствіе полнаго возстановленія силъ: Бѣлая Борода совершенно поправился и отправляется на новыя приключенія.

Онъ подходитъ къ Гассану, стоящему предъ своимъ домомъ, и жметъ руку бѣлому мусульманину, прощаясь съ нимъ; Гассанъ благосклонно улыбается и говоритъ повидимому искренно.

— Будьте счастливы!

Бѣлая Борода благодаритъ и даетъ знакъ къ выступленію. Лео развертываетъ знамя, раздается бой барабановъ, сериба салютируетъ изъ всѣхъ ружей. Знамя Бѣлой Бороды красное какъ у всѣхъ хартумскихъ купцовъ, но на немъ, вмѣсто полумѣсяца,—бѣлый крестъ.

Въ первый разъ развѣвается такое знамя впереди каравана въ Суданѣ.

Разумѣется, посѣдѣвшіе и испытанные солдаты Гассана, его предводители, магометанскіе базингеры никогда не послѣдовали бы за нимъ; караванъ Бѣлой Бороды состоитъ

изъ другихъ элементовъ. Знаменосца мы уже знаемъ. Лео былъ окрещенъ въ Святомъ Крестѣ. Хотя среди солдатъ и видно нѣсколько тюрбановъ, слѣдующихъ за нимъ, но это туземные негры, мало или скорѣе ничего не знающіе о коранѣ, въ глубинѣ души оставшіеся полными язычниками. Десять рабовъ, стерегущихъ стадо, также язычники. Язычницы — негритянки, несутъ разныя земледѣльческія орудія и домашнюю утварь; за матерями слѣдуютъ негры-подростки—такіе же язычники.

Всѣ они охотно идутъ за знаменемъ съ крестомъ, потому что ихъ ведетъ Бѣлая Борода, котораго воодушевляетъ мысль, что эта толпа превратится современемъ въ христіанскую колонію.

— Маршъ! — громко командуетъ онъ, и шествіе трогается и выходитъ изъ воротъ серибы на открытое поле.

Утро прекрасное и у всѣхъ на душѣ весело. Весна въ природѣ; весна, повидимому, и въ сердцахъ людей. Степь, въ сухое время года представляющая пустынную равнину, теперь кажется покрытой тончайшимъ свѣжимъ дерномъ, такъ какъ трава еще не выросла, и весна испещряетъ этотъ широкій коверъ цвѣтами, какъ и въ нашихъ странахъ. У насъ въ это время въ садахъ гордо возвышаются тюльпаны и гіацинты, здѣсь же въ открытой степи выростаютъ разнообразнѣйшія луковичныя растенія, которыя или разсѣяны въ сочной зелени, или собраны цѣлыми клумбами, капли росы блестятъ и искрятся на изумрудной зелени, на напоминающихъ сапфиры и рубины цвѣтахъ, облитыхъ утренними лучами солнца. Такова степь—но лѣсъ еще прекраснѣе. Обиліе красокъ положительно опьяняетъ васъ и лѣсъ кажется цвѣтникомъ, фруктовымъ садомъ, потому что его украшаетъ не одна листва вѣтвей: на всѣхъ деревьяхъ и кустарникахъ, высоко на вершинахъ и внизу на вѣткахъ, качаются рѣдкой величины и разнообразнѣйшей окраски цвѣты. Чрезъ узкія дорожки, отъ дерева къ дереву, перекинуты ліаны, исполинскія ползучія растенія, то свѣшивающіяся гирляндами, то образующія настоящія тріумфальныя ворота, какъ

будто лѣсъ собрался встрѣтить цѣлую толпу побѣдителей.

Барабанъ давно замолкъ. На мягкой почвѣ едва слышны шаги пѣшеходовъ и стукъ отъ копытъ скота. Вдругъ раздается пѣніе, его начинаютъ нѣсколько голосовъ, но потомъ подхватываетъ весь хоръ и въ лѣсу разливается однообразный напѣвъ динковъ. Даже онъ радуетъ сердце,—ликованіе весны только тогда полно, когда природа оживляется веселыми звуками человѣческаго голоса. Что же это значитъ? почему Бѣлая Борода устраиваетъ неграмъ майскій праздникъ? Кто такіе люди его каравана и куда ведетъ онъ ихъ подъ знаменемъ съ крестомъ?

Какія перемѣны произошли за послѣднее время?

Разъ Гассанъ сказалъ Бѣлой Бородѣ,—вы вѣрно сторожили мою серибу; теперь моя очередь подумать объ исполненіи даннаго слова. Я знаю вашъ взглядъ на то, какъ мы ведемъ торговлю слоновой костью, и не стану настаивать на томъ, чтобы вы сдѣлались моимъ компаніономъ, хотя вы и не можете обойтись безъ меня. Я раньше васъ узналъ о банкротствѣ вашего торговаго дома въ Каирѣ. Конечно, я могъ бы отправить васъ назадъ въ Хартумъ съ однимъ изъ послѣдующихъ моихъ каравановъ,—мои караваны сумѣютъ проложить себѣ дорогу и въ странѣ динковъ; но я хочу вамъ сдѣлать другое предложеніе, которое вы, навѣрное, примете. Весьма вѣроятно, что такой хорошій охотникъ, какъ вы, могъ бы получить большіе барыши отъ охоты на слоновъ. Не хотите ли попробовать счастія? Я помогу вамъ осуществить этотъ планъ и устрою вамъ серибу въ той лѣсной области, въ которой вы обыкновенно охотились. Людей у меня теперь вдоволь. Вы будете неограниченнымъ господиномъ этой серибы и можете управлять ею по своимъ убѣжденіямъ. Я требую только, чтобы вы обязались остаться втеченіе трехъ лѣтъ и отпускать мнѣ всю слоновую кость. Если вы не согласитесь, то пришлось бы назначить управляющимъ этой серибы Араби или Сади. Но я думаю, что вы не откажетесь отъ моего предложенія и устроите эту

станцію, которую мы назовемъ Сансуси. Вамъ можно будетъ жить въ ней дѣйствительно безъ заботъ; рабы, которыхъ я вамъ дамъ, будутъ обрабатывать поля, и я обязуюсь выплатить вамъ десять процентовъ съ доставленной слоновой кости, такъ что по прошествіи трехъ лѣтъ вы свободно можете поѣхать въ Каиръ. Кромѣ того я даю слово никогда не требовать вашего участія въ нашихъ военныхъ походахъ. Видите ли, юный другъ, когда я пріѣхалъ сюда, я былъ здѣсь единственнымъ европейцемъ и невольно долженъ былъ сойтись съ людьми, вродѣ Араби и Сади, но я не могу довѣрять этимъ разбойникамъ. Я былъ бы радъ удержать около себя честнаго человѣка, и если вы сумѣете добиться чего нибудь добромъ, то вамъ удастся, можетъ быть обратить и Гассана, о которомъ вы, навѣрное, думаете хуже, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ!

Бѣлая Борода согласился на предложеніе Гассана. Если бы послѣдній сказалъ ему обо всемъ этомъ нѣсколькими днями раньше, то онъ не сдѣлалъ бы того, что считалъ несправедливостью, тяжелымъ проступкомъ.

Въ намѣреніи скрыть тайну о пещерѣ духовъ, онъ не сказалъ Гассану, что обязанъ открытіемъ дороги къ пещерѣ духовъ разсказу карлика и что онъ его, вѣроятно, убилъ. Упоминаніе о „Красной Змѣѣ“ тотчасъ должно было возбудить въ Гассанѣ подозрѣніе, что Бѣлая Борода отыскиваніемъ пещеры преслѣдуетъ особыя цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ самъ, и занятый планомъ бѣгства, не хотѣлъ выдавать ничего, стоявшаго съ этимъ бѣгствомъ въ какой нибудь связи. Впослѣдствіи онъ не разъ собирался разсказать Гассану обо всемъ. Но такъ какъ тотъ никогда не упоминалъ о приключеніи въ пещерѣ духовъ, то Бѣлая Борода какъ то не находилъ повода дополнить свои прежнія сообщенія.

Теперь онъ находился въ странномъ положеніи. Его открытый характеръ не выносилъ лжи, но необходимость заставила его солгать. Съ одной стороны, ему хотѣлось открыто и прямо признаться во всемъ, а съ другой стороны,

его удерживалъ стыдъ—и такъ онъ не могъ загладить своей вины. Онъ откладывалъ объясненіе со дня на день, пока наконецъ уѣхалъ изъ серибы Гассана. Теперь онъ отправлялся въ Сансуси, которое еще нужно было основать, но онъ ѣхалъ туда далеко не безъ заботъ, такъ какъ умолчаніе о встрѣчѣ съ несчастнымъ карликомъ могло поставить его въ неловкое положеніе. Но надежда, что онъ облегчитъ участь своихъ рабовъ въ новой серибѣ, что ему удастся склонить и Гассана къ болѣе мягкому обращенію, приводила его въ радостное настроеніе и убаюкивала совѣсть.

Тайна пещеры духовъ занимала однако не одного Бѣлую Бороду. Араби, Сади и Ахметъ не разъ разговаривали о случившемся. По ихъ мнѣнію, слова Бѣлой Бороды представляли сплошную ложь. Не иначе, какъ Бѣлая Борода вѣдается съ нечистыми силами и нашелъ въ пещерѣ зарытый кладъ. Они охотно добрались бы и сами до этихъ сокровищъ, но, какъ настоящіе арабы и турки, конечно, побаивались злыхъ духовъ и чертей, охранявшихъ этотъ кладъ.

Гассанъ слушалъ всѣ росказни о пещерѣ духовъ, но дѣлалъ видъ, будто онъ равнодушенъ ко всему этому происшествію. Онъ съ перваго же раза замѣтилъ по лицу и по неувѣренному голосу Бѣлой Бороды, что въ пещерѣ есть что-то такое, о чемъ послѣдній ему умалчиваетъ. Хитраго Гассана трудно было обмануть; однако онъ разрѣшилъ эту загадку по своему. Пещера въ прежнія времена служила убѣжищемъ динкамъ. Что бы они могли хранить тамъ, кромѣ скота? Ничего, кромѣ слоновой кости, единственнаго, что вообще зарываетъ и прячетъ негръ. Вѣроятно, Бѣлая Борода нашелъ ее въ большомъ количествѣ. Что онъ не захотѣлъ дѣлиться съ нимъ этой находкой, было очень понятно, по крайней мѣрѣ, для Гассана. Стоимость слоновой кости, по мнѣнію владѣтеля серибы, должна была быть громадной, если даже честный, откровенный Бѣлая Борода прибѣгъ изъ-за этого ко лжи. Эта слоновая кость въ пещерѣ духовъ занимала теперь Гассана больше, чѣмъ дѣла собственной серибы.

Но и онъ боялся проникнуть чрезъ „ворота смерти". Блѣдное лицо Бѣлой Бороды, ужасные разсказы Лео всетаки указывали на то, что это ущелье не даромъ пользовалось такой дурной славой. Каковы были эти опасности: были ли это пропасти, коршуны, леопарды или что либо другое, Гассанъ не зналъ. Онъ зналъ только, что это можетъ быть все что угодно, —только не люди и не духи.

Пока Бѣлая Борода не могъ еще взять этой слоновой кости; кладъ еще находился во власти Гассана и послѣдній рѣшилъ не выпускать его изъ своихъ рукъ, наоборотъ, онъ даже съумѣлъ окружить пещеру еще большей таинственностью.

Какъ заблестѣли глаза молодого охотника, когда, Гассанъ сообщилъ ему, что въ ближайшемъ будущемъ чрезъ Суданъ проѣдетъ французская ученая экспедиція, которая посѣтитъ и серибу! И какъ скоро потухъ этотъ блескъ, когда Гассанъ равнодушно прибавилъ, что слова „въ ближайшемъ будущемъ" надо понимать въ африканскомъ смыслѣ, потому что раньше двухъ лѣтъ эти господа едва-ли доберутся до Бѣлаго Нила, такъ какъ ѣдутъ съ Краснаго моря, чрезъ Абиссинію. Этимъ прибавленіемъ Гассанъ убилъ въ душѣ Бѣлой Бороды цѣлый рядъ надеждъ. Самъ же онъ зналъ, что экспедиція прибудетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но ему хотѣлось разрушить надежды Бѣлой Бороды, чтобы сдѣлать его болѣе податливымъ. Добивался онъ этого благодѣяніями и основаніе Сансуси было однимъ изъ этихъ благодѣяній.

Въ то 1-е мая, о которомъ мы говорили выше, Гассанъ долго стоялъ въ задумчивости у дверей своего дома, не смотря на то, что караванъ Бѣлой Бороды уже давно скрылся изъ глазъ; наконецъ къ нему, подошелъ Сади.

Предводитель обратился къ своему господину съ пустымъ вопросомъ, а между тѣмъ Гассанъ вздрогнулъ, какъ будто испугался звука человѣческаго голоса, затѣмъ грубо отвѣтилъ и пошелъ къ себѣ.

Комната серибы Гассана отличалась большою роскошью

и была убрана въ чисто турецкомъ вкусѣ. Въ ней совсѣмъ не было европейской мебели, но за то она изобиловала коврами и одѣялами, покрывавшими грубо сдѣланные изъ лѣсного дерева стулья, столы и шкапы.

Гассанъ подошелъ къ одному изъ шкаповъ и вынулъ изъ него тяжелую желѣзную шкатулку, которую поставилъ на столъ и, вынувъ изъ кармана ключъ, отперъ.

Въ этой шкатулкѣ лежали не драгоцѣнности, а безпорядочная куча бумагъ, изъ которой Гассанъ выбралъ черный кожаный портфель; онъ быстро открылъ его и вынулъ изъ него какой-то документъ.

— Это вполнѣ правильный паспортъ,—бормоталъ онъ.— Здѣсь ясно написано, что родители мои жили въ Каирѣ, что я тамъ родился, а по смерти родителей пріѣхалъ въ Хартумъ, гдѣ принялъ магометанство Вѣдь меня зовутъ собственно Емилемъ Менье. Все это подробно указано въ паспортѣ, выданномъ по всѣмъ правиламъ въ Каирѣ. Съ этимъ паспортомъ я могу спокойно возвратиться во Францію, чтобы зажить тамъ, какъ я когда-то желалъ. Мнѣ всего тридцать пять лѣтъ. Уже прошло десять лѣтъ со времени той ночи на Ивана-Купала; африканское солнце за это время сдѣлало меня совсѣмъ смуглымъ. Кто меня узнаетъ?

Гассанъ подошелъ къ зеркалу и долго смотрѣлъ на свое лицо. Сначала въ глазахъ его выразилось удовольствіе, потомъ въ нихъ стала замѣтна досада; онъ отвернулся отъ зеркала и усталый опустился на стулъ около стола.

— Человѣкъ не измѣняется!—сказалъ онъ про себя.—Все тѣ-же черты, все тоже—лицо! Да, лицо—это самый ужасный паспортъ. который никогда не обманетъ, который всегда насъ выдастъ. Но къ чему мнѣ возвращаться въ мрачныя Вогезы? Развѣ я не могу поѣхать въ Парижъ и затеряться въ этомъ многолюдномъ городѣ? Чужой среди чужихъ, кто меня узнаетъ тамъ?

— Парижъ!—говорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.—Я хотѣлъ въ немъ скрыться десять лѣтъ тому назадъ и въ первую же недѣлю встрѣтилъ кого же? Чей взглядъ про-

низалъ меня? — Артура Понсара. И я бѣжалъ отъ него, бѣжалъ до Газельей Рѣки, на конецъ свѣта. Здѣсь я успокоился, здѣсь я послѣ долгой борьбы могъ заглушить голосъ совѣсти; здѣсь не преслѣдовало правосудіе и возмездіе. Я забылъ эту ночь на Ивана-Купала, забылъ все, рѣшительно все—а теперь мнѣ опять напоминаютъ. И кто же? Все тотъ же Артуръ Понсаръ. Неужели это онъ, преслѣдующій меня злой духъ, приближается теперь, во главѣ экспедиціи, къ моему убѣжищу въ странѣ динковъ? Влечетъ ли его сюда жажда знанія или, можетъ быть, онъ напалъ на вѣрный слѣдъ и ищетъ только меня, а не истоки Нила?

— Э, да что можетъ онъ мнѣ сдѣлать въ моей серибѣ? Я стрѣляю по прежнему мѣтко... Нѣтъ, я не могу съ нимъ встрѣчаться, не могу смотрѣть ему въ глаза, сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ!..

— Однако онъ еще далеко отсюда, ему еще предстоитъ миновать страны, населенныя воинственными племенами, ему надо перебираться чрезъ шумные потоки, взбираться на высокія горы, проходить болота, въ которыхъ свирѣпствуютъ лихорадки... а онъ всегда былъ такъ блѣденъ, такъ слабъ! Чего же я боюсь и думаю о привидѣніяхъ? Поживемъ—увидимъ, а пока рано терять голову, Гассанъ! А то надъ тобой восторжествуютъ даже базингеры и динки!

Онъ вскочилъ, бросилъ паспортъ въ шкатулку, заперъ ее и поставилъ на прежнее мѣсто, потомъ схватилъ тяжелый бичъ изъ ремней, вырѣзанныхъ изъ кожи бегемотовъ, и вышелъ на дворъ серибы.

Здѣсь его уже ждали. Явился глава племени динковъ съ оброкомъ. Гассанъ требовалъ, чтобы уплата производилась аккуратно, каждое первое число.

Вождя динковъ въ серибѣ звали „Лисой". Это прозвище впервые было дано ему Гассаномъ и оно привилось, хотя только немногіе изъ предводителей и изъ базингеровъ понимали его значеніе. Названіе было дано очень мѣтко, и негръ былъ обязанъ имъ своей шевелюрѣ, кожа же его была

черная, какъ и у всѣхъ динковъ. Предводитель негровъ былъ, такъ сказать, человѣкъ съ лоскомъ, считался франтомъ и особенное вниманіе обращалъ на свою прическу. Втеченіе многихъ лѣтъ онъ гладилъ свои курчавые волосы шпилькой для волосъ, замѣняющей здѣсь гребень, пока они, наконецъ, перестали виться, кромѣ того, онъ смачивалъ и. ъ какой-то ѣдкой жидкостью, отъ которой они приняли совершенно рыжій цвѣтъ. Голова его имѣла очень странный видъ: длинные волосы торчали на подобіе огненныхъ языковъ, во всѣ стороны. Какому нибудь европейскому художнику онъ могъ бы послужить моделью для черта, потому что, не говоря уже о прическѣ, лобъ его былъ татуированъ десятью полосками, а два нижніе зуба были выломлены. Въ ушныя раковины, вмѣсто серегъ, были продѣты палочки, обитыя желѣзомъ, руки были украшены кольцами изъ слоновой кости, два коровьихъ и три козьихъ хвоста, повязанные вокругъ туловища, довершали его костюмъ.

Нѣсколько рабовъ, одѣтыхъ съ меньшимъ великолѣпіемъ и причесанныхъ съ меньшимъ вкусомъ, сопровождали своего повелителя; они несли оброкъ: зерновой хлѣбъ и слоновую кость.

Сади, Араби, Ахметъ давно были тутъ и хищническимъ взоромъ смотрѣли на зерно и два слоновыхъ клыка. Жадные глаза Сади разгорѣлись, и какъ только онъ замѣтилъ Гассана, онъ подбѣжалъ къ нему со словами:

— Господинъ! эти собаки-язычники принесли слоновой кости, хорошіе клыки; откуда они ихъ взяли? Уже три мѣсяца въ окрестностяхъ не убивали слона. Собаки зарыли свою слоновую кость, чтобы скрыть ее отъ насъ. И они лгали раньше, что у нихъ нѣтъ. Теперь они уличены и должны сказать, гдѣ яма. Было бы хорошо сразу опорожнить все гнѣздо!

Гассанъ оторопѣлъ. Въ словахъ Сади была доля правды; и въ немъ возникла мысль, что динки, не смотря на постоянное отреканіе, всетаки сохраняютъ свою слоновую кость въ пещерѣ духовъ, къ которой навѣрное знаютъ бо-

лѣе удобный ходъ. Но Гассанъ не хотѣлъ, чтобы Араби, Сади и Ахметъ узнали эту тайну, потому что не желалъ дѣлить находку со всѣми. Какъ хозяинъ серибы, онъ могъ требовать себѣ главную часть, но всетаки было въ обычаѣ дѣлить награбленное или найденное добро между собой по извѣстнымъ правиламъ, обусловленнымъ установившимися между ними отношеніями. Поэтому Гассанъ сказалъ иронически:

— Такъ попробуй-ка узнать отъ негра, гдѣ онъ зарылъ свою слоновую кость, Сади!—и ушелъ изъ серибы къ расположеннымъ по сосѣдству ея загородямъ для скота. Со времени послѣдняго хищническаго похода у него насчитывалось до тысячи головъ и потому приходилось отъ времени до времени наблюдать, чтобы въ мурахахъ *) все было въ порядкѣ.

Но сегодня его привела сюда еще и другая причина: онъ хотѣлъ остаться одинъ, собраться съ мыслями.

Сади проводилъ его взглядомъ и ехидно засмѣялся.

Гассанъ позволилъ ему вынудить у негра признаніе и онъ собирался возможно полнѣе воспользоваться этимъ уполномочіемъ.

Какъ кошка, метнулся онъ къ кучкѣ людей, окружившихъ вождя динковъ, и отозвалъ своихъ соучастниковъ Араби и Ахмета.

Они также были въ восторгѣ отъ „полномочія“ и бросились всѣ трое на предводителя негровъ, вынуждая у него признаніе угрозами и проклятіями.

Лиса дрожалъ отъ страха, видя предъ собой ихъ возбужденныя лица и слыша ихъ вопросы, но твердо объявилъ, что у него и его племени уже нѣтъ больше слоновой кости, что онъ отдалъ послѣдніе клыки.

Тутъ Сади пришелъ въ ярость.

— Бейте его! — закричалъ онъ, и съ помощью Араби и

---

*) Загородь для скота.

Ахмета бросилъ „Лису“ на землю и велѣлъ базингерамъ колотить несчастнаго бичами и палками.

— Бейте до крови! — кричалъ все болѣе свирѣпѣвшій атаманъ, и базингеры повиновались и еще сильнѣе полосовали спину своей жертвы.

— Остановитесь!—вскричалъ Араби,—такъ нельзя, Сади, будь же благоразуменъ. Они еще убьютъ его, а мертвый—нѣмъ. Заставь его говорить, пока онъ еще живъ.

Но „Лиса“ и теперь запирался, хотя отъ боли чуть не лишился чувствъ. Его грубо подняли,—но несчастный въ изнеможеніи тотчасъ же опять упалъ и лежалъ на землѣ безъ чувствъ, — повидимому, не слыша, что говорили его палачи.

Послѣдніе собрались вокругъ него тѣснымъ кругомъ. Въ своемъ возбужденіи они и не замѣтили, что рабы, пришедшіе съ Лисой, убѣжали изъ серибы въ селеніе динковъ.

— Онъ и вправду оглохъ,—сказалъ Араби,—пусть придетъ въ себя!

— Побоями вы ничего не добьетесь!—закричалъ Ахметъ.

— Я знаю лучшее средство, привяжите его къ тому дереву, — приказалъ онъ одному изъ базингеровъ,—я покажу вамъ, какъ надо справляться съ ними.

Динка и нельзя было не привязать: онъ едва стоялъ на ногахъ.

— Твоя прическа испортилась, — издѣвался надъ нимъ Ахметъ, взъерошивая его рыжіе примятые волосы и, обращаясь къ Араби, онъ замѣтилъ.

— Не правда ли, хорошая мишень? Вотъ бы вашимъ египетскимъ солдатамъ!

При этомъ онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ, всталъ предъ динкомъ, поднесъ стволъ къ его глазамъ и сказалъ:

— Лиса, слушай хорошенько, что я буду тебѣ говорить. Я, Сади и Араби будемъ въ тебя стрѣлять, мы искалѣчимъ тебѣ всѣ члены, если ты не скажешь, гдѣ вы сохраняете слоновую кость. Ты молчишь?—Ну, Сади, ты—старшій, начинай!

Но Сади отказался.

— Ты молодъ и глупъ, Ахметъ, — возразилъ онъ — я не хочу застрѣлить его: тогда онъ и вовсе будетъ нѣмъ. Вѣдь ты — не Бѣлая Борода, ты прицѣлишься въ руку, а попадешь въ сердце. Не свинецъ развяжетъ ему языкъ, а огонь! Эй, люди, несите горячія головни! — И онъ самъ побѣжалъ къ тому мѣсту въ серибѣ, гдѣ всегда поддерживался огонь.

Какъ фуріи, поспѣшили теперь Сади и нѣсколько базингеровъ къ привязанному, который въ виду грозящей пытки палъ духомъ. Онъ умолялъ оставить его въ живыхъ и сознался, что на краю большого болота, примыкающаго къ хребту горъ, на мѣстѣ, отмѣченномъ группой канделяръ-сфорбій, зарыта слоновая кость.

Среди базингеровъ раздался дикій крикъ радости.

— Какъ далеко отсюда? — крикнулъ Сади.

— Вчетверо дальше, чѣмъ до воротъ смерти! — отвѣтилъ Лиса слабымъ голосомъ.

— Онъ долженъ проводить насъ туда, онъ долженъ намъ показать кладъ! — раздавались смѣшанные голоса.

Динка отвязали, и изъ воротъ серибы вскорѣ повалила съ пѣснями и крикомъ необузданная толпа по направленію, указанному Лисой.

Почти всѣ базингеры послѣдовали за своими предводителями, большинство безъ ружей, вооруженные только топорами и кирками. Въ серибѣ осталось всего человѣкъ тридцать, и послѣ цены варварскаго истязанія въ ней теперь воцарилась глубокая тишина.

Въ деревнѣ же динковъ, напротивъ, было очень шумно. Вѣсть, принесенная убѣжавшими изъ сарибы рабами, была встрѣчена жалобами и плачемъ. Жалобы и стоны еще выросли, когда съ высоты увидѣли разъяренную толпу, двигавшуюся по долинѣ, въ сопровожденіи вождя негровъ. Негры плакали о своей слоновой кости, единственномъ имуществѣ, которое имъ удалось уберечь отъ трутней, жившихъ напротивъ. Но они вскорѣ успокоились, когда увидѣли направленіе, по которому теперь шли базин-

геры: дорога эта всетаки не вела къ настоящему складу. Среди негровъ на нѣкоторое время наступила тишина, прерываемая только иногда радостными криками. Но потомъ деревня оживилась и послѣ обѣда въ воротахъ серибы появилась толпа вооруженныхъ негровъ, человѣкъ до ста, которыя быстро направилась къ долинѣ по той же тропинкѣ, по которой прошелъ Сади съ своими помощниками. Со стороны серибы не принималось никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать выступленію динковъ: базингеры безъ своихъ предводителей потеряли голову.

Вновь возстановилась тишина и въ долинѣ, и на обоихъ холмахъ, но изъ-за палисадовъ обѣихъ крѣпостей постоянно появлялись головы, смотрѣвшія или на долину, или на непріятельское укрѣпленіе напротивъ. Солнце уже заходило на небѣ, когда Гассанъ возвращался усталымъ шагомъ домой по этой безлюдной мѣстности. Лицо его было искажено; ему не удалось побороть своихъ предчувствій.— День былъ мучителенъ — какова-то будетъ ночь? — думалъ онъ. Раньше совѣсть его была покойна; отчего же теперь она мучитъ его неотступно? Въ этомъ былъ виноватъ не одинъ Понсаръ; нѣтъ, уже съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Бѣлая Борода, въ душѣ Гассана началась борьба. Въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ онъ вновь увидалъ хорошаго благороднаго человѣка, на которомъ не тяготѣло никакой вины или проступка, который могъ каждому прямо посмотрѣть въ глаза. Въ первый разъ приходилось Гассану наблюдать изо дня въ день счастье, доставляемое человѣку чистой совѣстью, счастье, которое онъ уже такъ давно утратилъ. Сначала ему не вѣрилось, чтобы честный человѣкъ могъ зайти сюда, гдѣ поселились одни поддонки общества, и считалъ Бѣлую Бороду простымъ притворщикомъ. Теперь онъ думалъ иначе: онъ уже не сомнѣвался въ его безусловной честности. Только таинственность относительно пещеры духовъ бросала нѣкоторую тѣнь на этого благороднаго человѣка. Дѣйствительно ли тамъ зарыта слоновая кость? Гассанъ не хотѣлъ больше довольствоваться одними пред-

положеніями; ему необходимо было окончательно убѣдиться въ полной безупречности Бѣлой Бороды.

Владѣтель серибы не можетъ по цѣлымъ днямъ предаваться своимъ размышленіямъ, не можетъ предоставлять самой себѣ шайку разбойниковъ: съ ней вѣчныя непріятности. Вонъ ужъ опять бѣжитъ ему на встрѣчу одинъ изъ базингеровъ! Опять пристанетъ съ какимъ нибудь глупѣйшимъ извѣстіемъ!

Гассанъ замедляетъ шагъ, негръ стоитъ передъ нимъ. Онъ говоритъ порывисто, Гассанъ съ трудомъ можетъ разобрать его, мысли Гассана путаются... Вдругъ, какъ молнія осѣняетъ его сознаніе, что положеніе—очень опасное.

Прошло всего нѣсколько часовъ, а между тѣмъ все измѣнилось. Въ самомъ дѣлѣ, не только имущество его, но уваженіе къ нему и его могущество, даже жизнь была поставлена на карту! И рѣшеніе его участи зависѣло отъ исхода сраженія, происходившаго около болота! И онъ не могъ даже бѣжать туда на помощь!

Гассанъ поспѣшно взбѣжалъ на холмъ, чтобы взглянуть на толпу оставшихся въ серибѣ солдатъ. Человѣкъ тридцать! Къ нему возвратилось мужество: онъ раньше одерживалъ побѣды и съ меньшимъ числомъ людей.

Солнце заходило на далекомъ западѣ. Въ долинѣ было тихо: не видно было ни посла, возвѣщающаго объ исходѣ битвы, не слышно было ни малѣйшаго шума. Минута проходила за минутой... онѣ казались часами, а кругомъ—все та же мертвая тишина, иногда только прерываемая ревомъ быковъ въ деревнѣ динковъ. Но вдругъ вдали послышались какіе-то звуки... Что это, шумъ сраженія или крикъ обратившихся въ бѣгство?—Нѣтъ, это псы лаютъ при наступленіи ночи.

Но Гассанъ теперь успокоился; въ головѣ его созрѣлъ твердый планъ и онъ собирался какъ разъ привести его въ исполненіе. Гассана не легко побѣдить! Горе динкамъ!

Онъ выбралъ изъ оставшихся солдатъ лучшихъ двадцать человѣкъ и съ этимъ небольшимъ отрядомъ тихо вышелъ

изъ серибы, чтобы взять приступомъ деревню динковъ. Предпріятіе это было очень рискованное и днемъ его ожидало бы позорное пораженіе, но теперь ему благопріятствовала ночь: приступъ обращался въ нападеніе.

Динки, ослабленные вслѣдствіе отсутствія своего предводителя и выступленія храбрѣйшихъ воиновъ, всѣ забились въ деревню, какъ стадо овецъ; никто не рѣшался выйти за частоколъ, они не поставили даже передовой стражи и ничуть не подозрѣвали нападенія Гассана, такъ какъ знали, что его силы ослаблены. У главныхъ воротъ, выходившихъ къ серибѣ, стояла на стражѣ толпа мущинъ, съ того же мѣста открывался самый красивый видъ на долину, откуда должны были вернуться воины, отправившіеся затѣмъ, чтобы освободить взятаго въ плѣнъ и изувѣченнаго вождя.

Но Гассанъ осадилъ крѣпость не съ съ той, готовой дать отпоръ нападенію стороны; пользуясь темнотою, онъ обогнулъ холмъ, и базингеры успѣли вырубить брешь въ палисадѣ, прежде чѣмъ динки замѣтили появленіе непріятеля.

Горсть храбрецовъ бросилась ему на встрѣчу, но вскорѣ динки были отбиты ружейными выстрѣлами, и нѣсколько минутъ спустя шайка Гассана уже подходила къ ближайшимъ домамъ деревни, а вскорѣ затѣмъ надъ этими домами взвилось яркое пламя, перебрасываемое легкимъ вѣтромъ съ одной соломенной крыши на другую. Пожаръ охватилъ всю деревню и красное зарево освѣтило картину безпорядочнаго бѣгства спасавшихся динковъ; оно озаряло также толпу чернокожихъ, выступавшихъ въ это время изъ лѣса и быстро направлявшихся къ серибѣ, а также и тѣмъ, кто бѣжалъ впереди негровъ, кого они преслѣдовали. Впечатлѣніе, произведенное видомъ горящей деревни на тѣхъ и другихъ, было весьма различно: въ толпѣ обратившихся въ бѣгство онъ вызвалъ крики радости,—въ толпѣ же побѣдителей, въ отчаяніи остановившихся у опушки лѣса, слышались стоны.

Пламя подымалось все выше и выше, на воздухъ взлетали цѣлые снопы соломы, которые разсыпались въ высотѣ, на подобіе ракетъ, образуя собою цѣлый огненный дождь.

Все дальше озаряла горящая деревня долину, по которой безпорядочно и безцѣльно бѣжали люди, въ отчаяніи ломавшіе руки, блеющія козы, ревущій рогатый скотъ...

Ужасную картину представляла сериба Гассана въ эту полную нѣги ночь перваго мая.

ГЛАВА VIII.

Зюлейка.

Холмъ въ Сансуси.—Крокодилы.—Великодушный спаситель.—Дама въ панцырѣ.—Волшебница. Преимущества зайца.—Позорная игра.—Битва около болота.—Наказаніе Сади.—Послѣдствія пожара въ деревнѣ.

Предполагалось основать Сансуси на возвышеніи близь рѣки, упоминаемой въ началѣ нашего разсказа. Мѣсто это было не вполнѣ первобытное. Въ былыя времена здѣсь находилась деревня туземцевъ, а на плоскогорьи и теперь еще возвышались деревья, тѣнью и плодами которыхъ когда-то пользовались негры. Теперь эти деревья одичали, но при тщательномъ уходѣ можно было добиться улучшенія плодовъ. Поля заросли травой, и о правильной обработкѣ ихъ до окончанія сухого времени года нечего было и думать. Даже паровой плугъ оказался бы безсильнымъ предъ этой тропической растительностью; вспахать же это заброшенное поле было совсѣмъ невозможно. Приходилось выждать, пока выростетъ и вновь завянетъ трава, чтобы потомъ съ помощью огня сдѣлать эту почву удобной къ обработкѣ. Пока же предполагалось развести въ Сансуси огороды, и Бѣлая Борода надѣялся, что овощей съ этихъ огородовъ и убиваемой дичи будетъ достаточно для прокормленія новой колоніи.

Уже къ вечеру 1-го мая переселенцы подъ знаменемъ съ крестомъ прибыли на мѣсто назначенія.

На холмѣ устроили привалъ. Картина привала на зеленомъ дернѣ, подъ тропическими деревьями была очень живо-

писна; вскорѣ надъ мѣстомъ привала поднялись отъ разведенныхъ костровъ веселыя облачка дыма.

Сегодня предполагалось отдохнуть послѣ пути, а завтра приступать къ постройкѣ серибы.

У подножія холма была суматоха; тамъ гнали на водопой пригнанный скотъ. Работу эту производили женщины; Бѣлая Борода спустился къ берегу, чтобы ободрить добрымъ словомъ и эту часть своего каравана, а, можетъ быть, и для того, чтобы возстановить порядокъ, такъ какъ внизу было очень шумно.

На берегу рѣки, уже разлившейся послѣ первыхъ дождей и вообще довольно глубокой нѣсколько мужчинъ издали наблюдали за водопоемъ рогатаго скота и внезапно замѣтили двухъ крокодиловъ. Они тотчасъ бросились на нихъ съ своими копьями, такъ какъ динки ѣдятъ мясо этихъ животныхъ; но исполинскія ящерицы почувствовали опасность и скрылись въ водѣ.

Бѣлая Борода подошелъ къ берегу какъ разъ въ то время, когда крокодилы исчезли въ волнахъ, спустившись по покатому берегу, возвышавшемуся надъ уровнемъ футовъ на пятьдесятъ. Вдругъ съ того же мѣста въ воду упало что-то тяжелое... Въ то же мгновеніе сверху раздался душураздирающій крикъ.

Бѣлая Борода взглянулъ наверхъ. Тамъ стояла, ломая руки, негритянка и жалобно повторяла: „Мое дитя, мое дитя!“

Бѣлая Борода узналъ въ ней старшую надзирательницу надъ невольницами и догадался, что въ воду упалъ ея трехлѣтній сынъ.

Происшествіе было замѣчено не однимъ Бѣлой Бородой. Мужчины, охотившіеся на крокодиловъ, также видѣли случившееся, но ни одинъ изъ нихъ не двинулся, чтобы спасти ребенка, никто не рѣшался броситься въ рѣку, изобиловавшую крокодилами: на сушѣ можно безопасно охотиться на этихъ животныхъ, но въ водѣ человѣкъ беззащитенъ противъ ихъ нападенія.

— Спасите, спасите мое дитя!—опять раздался крикъ матери. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ дитя упало въ воду, вдругъ вынырнула головка негра. Въ то-же мгновенiе Бѣлая Борода бросился въ воду и сильными движенiями поплылъ къ бившемуся въ водѣ малюткѣ.

Раздались крики удивленiя. Мать безпокойно слѣдила за движенiями Бѣлой Бороды, измѣряла глазами разстоянiе, отдѣлявшее его отъ ея ребенка; послѣднее становилось все меньше и меньше. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Но секунды могутъ казаться часами, если приходится переживать ихъ въ смертельномъ напряженiи.

Вдругъ дитя вмѣстѣ съ Бѣлой Бородой скрылись подъ водой.

Зрители стояли въ нѣмомъ молчанiи.

Что это значило? Утонуло ли дитя или его потащилъ на дно крокодилъ? и какъ было понимать исчезновенiе Бѣлой Бороды? Можно ли было надѣяться, что онъ уйдетъ отъ крокодиловъ, если наткнется въ глубинѣ на этихъ чудовищъ.

Всѣ сознавали опасность, которой подвергъ себя хозяинъ серибы и не могли понять такого самоотверженiя. Неужели негритенокъ стоилъ такой жертвы?

Мать мучилась и за дитя, и за его великодушнаго спасителя, но твердо надѣялась на благополучный исходъ дѣла и, дѣйствительно, не обманулась.

Волны раздвинулись и изъ серебристой пѣны показалась сначала сѣдая голова Бѣлой Бороды, а потомъ его лѣвая рука, на которой покоился мальчикъ-негръ; сильными движенiями правой руки спаситель разсѣкалъ волны и увѣренно подвигался къ берегу, привѣтствуемый криками ликующей толпы.

Съ быстротой газели сбѣжала молодая негритянка къ берегу, вырвала дитя изъ рукъ Бѣлой Бороды и крѣпко прижала его къ своей груди. Дитя вскрикнуло отъ боли, потому что объятiя матери не отличались нѣжностью.

До своего похищенiя негритянка была женою одного

вождя и продолжала носить костюмъ знатной дамы. Но она была одѣта не въ шелкъ и золото: нижняя одежда была изъ кожи, а украшенія были желѣзныя. Руки были перехвачены желѣзными браслетами; такіе же шины и браслеты украшали ноги; на шеѣ вмѣсто украшеній она носила желѣзныя цѣпи; серьги были изъ того-же металла. Удивителенъ вкусъ этихъ дѣтей природы, удивительны ихъ здоровье и сила! Въ этомъ желѣзномъ панцырѣ, вѣсящемъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ фунтовъ, рабыня только что прошла далекій путь — и въ ней не было замѣтно и слѣда утомленія!

Косъ, ни своихъ, ни фальшивыхъ у нея не было. Голова ея была гладко острижена и тѣмъ не менѣе она слыла красавицей въ странѣ, такъ что Араби, похитившій ее, далъ ей поэтическое имя Зюлейка.

Бѣлая Борода и Зюлейка были давнишніе друзья. Дружба ихъ была заключена при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Однажды Зюлейка, по обыкновенію, молола зерно въ серибѣ Гассана; цѣпочки и кольца на ея рукахъ при этомъ тихо бряцали. Бѣлая Борода смотрѣлъ на проворную работницу и замѣтилъ, что по ея щекамъ катятся слезы. Онъ спросилъ ее о причинѣ страданій и узналъ ея грустную исторію. Производился дѣлежъ невольниковъ и ея мальчика отдали одному изъ предводителей; ее же самое хотѣли отправить въ Хартумъ. Но она оплакивала не свою судьбу, которая вообще не легка для африканскихъ женщинъ и переносится ими съ нѣмой покорностью,—она плакала о ребенкѣ, котораго хотѣли разлучить съ ней.

Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце пошелъ къ Гассану и сталъ настойчиво просить за Зюлейку. Хозяинъ серибы улыбнулся и сказалъ:

— Мать и дитя принадлежатъ вамъ; возьмите обоихъ въ Сансуси и назначьте Зюлейку старшей надъ невольницами.

Бѣлая Борода видѣлъ въ Зюлейкѣ образованную негритянку. Она знала музыку и недурно играла на флейтѣ; особенно по вечерамъ въ станѣ часто можно было слышать ея музыку.

Зюлейка умѣла отвѣчать ему на многіе вопросы, которыми обыкновенно динки мало интересовались. Она разсказывала ему о духахъ, населяющихъ міръ, объ „адьокахъ“, добрыхъ духахъ, пребывающахъ у Бога, и о злыхъ „дьокахъ“, живущихъ на землѣ.

Къ ней за совѣтами приходили больные; поговаривали, что Зюлейка—тистъ, волшебница, которой покорны даже вѣтеръ и дождь.

Теперь Зюлейка была вѣрнѣйшей рабой Бѣлой Бороды; съ тѣхъ поръ, какъ онъ спасъ ея утопавшаго ребенка, ея уваженіе и благодарность къ бѣлому человѣку еще возрасли. Она навѣрно сочла бы его за адьока, еслибы не была такъ увѣрена въ томъ, что адьоки всегда остаются на небѣ, у Бога, и никогда не спускаются на землю.

Приходилось считать его просто хорошимъ человѣкомъ, которому она была безконечно обязана. Какая достойная награда для Бѣлой Бороды! Счастливъ на землѣ тотъ, кто по справедливости заслуживаетъ себѣ такое мнѣніе у своихъ собратьевъ! Для такого человѣка бываешь готовъ сдѣлать все. Что касается Зюлейки, то за Бѣлую Бороду она готова была пожертвовать жизнію.

Водопой скота былъ оконченъ, и негры собрались въ станѣ ужинать, употребляя при этомъ, подобно героямъ Гомера, вилки о пяти зубьяхъ. Они были довольны трапезой, состоявшей изъ зайцевъ, убитыхъ дорогой; послѣдніе считаются у динковъ очень лакомымъ блюдомъ.

Когда Бѣлая Борода передалъ перваго убитаго зайца одному изъ динковъ, послѣдній щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— Знаешь, что дѣлаетъ динка, если убиваетъ въ степи зайца? Онъ разводитъ огонь, жаритъ зайца, съѣдаетъ его одинъ, потомъ идетъ домой и никому не говоритъ о находкѣ!

Когда смерклось, въ неграхъ проснулась страсть къ развлеченіямъ. Танцевать имъ не хотѣлось; тогда они раздѣлились на двѣ партіи, расположившіяся другъ противъ

друга,—и началась игра: обѣ партіи дразнили и бранили другъ друга и та, которая громче кричала, считалась побѣдительницей. Игра, видимо, очень интересовала ихъ и продолжалась до тѣхъ поръ, пока звѣзды на небѣ не показали полуночи.

Такъ прошла ночь 1-го мая на мѣстѣ будущей серибы Сансуси.

Бѣлая Борода спокойно уснулъ; онъ не подозрѣвалъ, какое роковое значеніе имѣло 1-ое мая для всего предпріятія Гассана.

* * *

Въ ту же ночь Гассанъ узналъ всѣ подробности сраженія около болота.

Динки напали на Сади и его сообщниковъ не изъ-за слоновой кости; послѣднюю собственно не стоило и отрывать, такъ какъ она была испорчена крысами: большинство клыковъ было изгрызано и перевозъ этой обезцѣненной кости въ серибу, а тѣмъ болѣе въ Хартумъ не представлялъ никакихъ выгодъ. „Лиса“ проводилъ Сади не къ тому складу гдѣ дѣйствительно хранилась хорошая слоновая кость.

Нападеніе динковъ являлось местью за безчисленныя угнетенія, которыя приходилось терпѣть туземцамъ отъ базингеровъ. Въ войскѣ Гассана было убито пять человѣкъ и оно должно было отступить. Сади, виновникъ всего несчастія, получилъ тяжелую рану въ голову и лежалъ въ серибѣ безъ чувствъ. Лиса же, вождь динковъ, былъ освобожденъ своими единоплеменниками.

Гассанъ предвидѣлъ такой исходъ битвы. Если бы онъ не предпринялъ ничего въ своей серибѣ, то негры потеряли бы уваженіе къ нему. Динки стали бы хвалиться тѣмъ, что имъ въ первый разъ удалось безнаказанно прогнать базингеровъ. Теперь же, когда Гассанъ сжегъ ихъ деревню, побѣжденными являлись динки.

Сгорѣли не только дома динковъ, но и хлѣбные склады, такъ что несчастнымъ нечѣмъ было жить, потому что, по странному обычаю этого народа, скотъ рѣжутъ здѣсь только

при крайней необходимости. Динка содержитъ большія стада, но онъ чуть не поклоняется своему скоту; онъ никогда не рѣжетъ его, какъ это кажется невѣроятнымъ съ перваго раза. Съѣдаютъ только тѣхъ животныхъ, которыя умираютъ естественною смертью или вслѣдствіе какого-нибудь несчастія, причемъ самому владѣльцу собственно ничего не достается: поѣдаютъ животное друзья и знакомые хозяина; самъ же онъ надѣваетъ трауръ—повязываетъ себѣ на шею веревку.

Уже на слѣдующій день Гассанъ рѣшилъ воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ динковъ. Его амбары ломились отъ хлѣба, полученнаго въ видѣ оброка, и этимъ запасомъ онъ могъ поддержать динковъ нѣкоторое время, быть можетъ, даже до новой жатвы.

Онъ послалъ въ лѣсъ, къ вождю динковъ, пословъ и велѣлъ сказать Лисѣ, что будетъ давать ему и его людямъ хлѣбъ въ обмѣнъ на скотъ и слоновую кость, что онъ спасетъ ихъ такимъ образомъ отъ голодной смерти, если только они обѣщаютъ покориться и построятъ свою деревню на прежнемъ мѣстѣ, пониже серибы. Въ противномъ случаѣ онъ грозилъ динкамъ новымъ нападеніемъ и грабежомъ ихъ мураховъ, разсѣянныхъ въ степи.

Побѣжденные въ силу необходимости повиновались и приступили къ постройкѣ деревни въ тотъ же самый день, въ который Бѣлой Бородой было заложено и Сансуси.

И здѣсь, и тамъ работа подвигалась быстро. Африканскіе дома не строятся для цѣлыхъ поколѣній; даже если они не дѣлаются жертвой огня, человѣку впродолженіе своей жизни приходится неоднократно строить ихъ вновь и мѣнять надъ ними крыши. Дома здѣсь портятся безчисленными насѣкомыми, которыя до того истачиваютъ дерево, что черезъ какіе-нибудь три года постройка уже не годится и должна замѣняться новой. Гассанъ тоже собирался лѣтомъ перестроить свою серибу.

Но настроеніе строющихъ въ Сансуси и въ серибѣ Гассана было весьма различно: здѣсь работы шли весело,—тамъ велись съ затаенной злобой.

Сади умеръ въ тотъ же день отъ полученной раны; проклятія динковъ провожали его до могилы; несчастные поклялись отомстить и остальнымъ арабамъ, а также и базингерамъ.

ГЛАВА IX.

Шимпанзе.

Домоправительница въ Сансуси.—Поставщикъ змѣй.—Образованные слуги.—Небесный канатъ и голубая птичка.—Непрошенные гости.—Длинноухій африканецъ.—Охота съ гончими по вершинамъ деревьевъ.—Единоборство съ шимпанзе.—Мастерской выстрѣлъ.—Въ „людской“.

Пѣтухъ давно пропѣлъ, а въ Сансуси люди еще спали. Подъ экваторомъ и лѣтняя ночь—продолжительна.

Солнце восходитъ только около шести часовъ и приблизительно въ то-же время заходитъ. Негръ не ложится до поздней ночи и потому не любитъ вставать рано.

Поютъ вторые пѣтухи; забрежжило утро. Бѣлая Борода выходитъ изъ своего дома. Прежде всего онъ зоветъ Зюлейку, чтобы она сварила ему кофе; она—его домоправительница и обнаруживаетъ много ловкости и понятливости.

Онъ доволенъ ею, а она—тѣмъ, что можетъ ему служить. Сегодня Зюлейка должна приготовить двѣ порціи: пріѣхалъ гость—Гассанъ.

Бѣлая Борода самъ не былъ свидѣтелемъ происшествій, имѣвшихъ мѣсто въ серибѣ Гассана въ день 1-го мая. Онъ не зналъ всей гнусности поведенія арабовъ—и поэтому поздравилъ Гассана съ усмиреніемъ возстанія, даже высказалъ ему благодарность за то, что тотъ снабжаетъ динковъ зерномъ и мукой. Въ теченіе немногихъ недѣль, прошедшихъ со времени основанія Сансуси, ему столько было дѣла въ своей собственной серибѣ, что онъ мало занимался другими вопросами. Кромѣ того ему надо было охотиться—это была его задача, и слоновые клыки, которые онъ могъ предста-

вить въ качествѣ трофеевъ, свидѣтельствовали объ успѣхѣ охотъ, давая основаніе надѣяться, что онъ вознаградитъ Гассана за всѣ издержки. Бѣлая Борода былъ въ веселомъ настроеніи и направился, насвистывая пѣсенку, въ хижину Зюлейки.

Послѣдняя была уже за работой, ей надо было позаботиться о своихъ домочадцахъ. Сынъ ея еще спалъ, но змѣи давно проснулись. Змѣи?—спросите вы. Ну да! Зюлейка была настоящая динка и тотчасъ послѣ основанія Сансуси позаботилась о томъ, чтобы обзавестись для своего новаго хозяйства этими животными. Конечно, странно держать при себѣ, вмѣсто канарейки или кошки, змѣй, но вкусы различны,— и о нихъ не спорятъ.

Зюлейка достала ихъ себѣ безъ особенныхъ хлопотъ; Лео, главный надсмотрщикъ новой серибы, услужливо доставилъ ей желаемую полдюжину. Она очень мило поблагодарила его за это, а у него явился предлогъ чаще заходить къ своей „коллегѣ“ для освѣдомленія о новыхъ домашнихъ животныхъ. Зюлейка давала ему при этомъ очень подробный отчетъ; съ извивающимися вокрукъ рукъ полуприрученными змѣями, она дѣйствительно напоминала теперь волшебницу, волшебницу, способную обворожить сердце юноши—негра, какимъ былъ Лео.

Но такъ какъ нельзя же было все время говорить о самочувствіи змѣй, то приходилось прибѣгать и къ другимъ темамъ: тутъ являлись на помощь вопросы по хозяйству; они помогали другъ другу совѣтами. По вечерамъ затрогивались болѣе широкія темы—философія и мораль, такъ какъ Лео и Зюлейка были до нѣкоторой степени образованными слугами.

Зюлейка разсказывала чудесныя исторіи о тѣхъ временахъ, когда люди еще были добрыми и могли по канату взбираться на небо, разсказывала, какъ потомъ люди испортились, какъ прилетѣла голубая птичка и перекусила канатъ; она говорила о злыхъ духахъ, упоминая иногда вскользь и о невинныхъ средствахъ, которыми ихъ можно отогнать.

*

Лео любилъ слушать эти разсказы, хотя у него всегда являлось желаніе просвѣтить Зюлейку; онъ упрекалъ ее въ суевѣріи и повторялъ ей то, чему выучился въ Святомъ Крестѣ. Въ запутанныхъ рѣчахъ Лео всетаки ясно проглядывали идеи христіансва, и Зюлейка часто задумывалась надъ положеніями этой религіи, которыя ей приходилось слышать впервые.

— Неужели есть такіе люди?—спросила она однажды.

— Какъ ты можешь въ этомъ сомнѣваться?!—закричалъ почти возмущенный Лео,—взгляни на Бѣлую Бороду; онъ хорошій человѣкъ и живетъ по нашимъ убѣжденіямъ!

Зюлейка замолчала; съ каждымъ днемъ возрастало ея уваженіе къ Бѣлой Бородѣ и расположеніе къ Лео.

Бѣлая Борода былъ удивленъ, заставъ Лео у Зюлейки въ такой ранній часъ. При появленіи своего господина, послѣдній постарался незамѣтно уйти. Въ рукѣ онъ держалъ какую-то траву. На что она была ему? Негры вообще не дарятъ другъ другу цвѣтовъ, и Лео, и Зюлейка едва-ли могли быть знакомы съ этимъ обычаемъ, а между тѣмъ Лео старался скрыть эту травку.

Быть можетъ, онъ получилъ отъ своей закованной въ желѣзо дамы сердца талисманъ на сегодняшній день? Зюлейка тоже нѣсколько смутилась, когда замѣтила Бѣлую Бороду.

Къ счастью у послѣдняго сегодня не было времени прочитать babbling неграмъ лекцію о безсмысленности суевѣрія. Въ немногихъ словахъ далъ онъ Зюлейкѣ необходимыя указанія, а затѣмъ позвалъ Лео и приказалъ ему будить остальныхъ негровъ; сдѣлавъ эти распоряженія, онъ ушелъ къ себѣ.

Гассанъ еще спалъ въ сосѣдней комнатѣ; Бѣлая Борода сѣлъ, дожидаясь, когда Зюлейка подастъ завтракъ.

У владѣльца Сансуси были сожители, непрошенные гости. По стѣнѣ бѣгала изящная ящерица геко, такая смѣлая и довѣрчивая, что ѣла изъ рукъ. Противъ нея сидѣла другая—агама, потѣшно кивавшая головой, какъ молящійся турокъ.

Фанатики—магометане въ серибѣ Гассана ненавидѣли агаму, такъ какъ думали, что дьяволъ посредствомъ этого животнаго издѣвается надъ ихъ молитвами.

Высоко на потолкѣ, подъ куполообразнымъ сводомъ крыши, гнѣздились еще другіе назойливые пришельцы; тамъ осы построили себѣ гнѣздо въ пять сантиметровъ длиной. Интересно было наблюдать за тѣмъ, какъ эти насѣкомыя строили свои большіе соты. Осы были очень красивы, съ различными синевато-фіолетовыми крыльями, но больно жалились, и потому Бѣлая Борода ловилъ ихъ и немилосердно разбрялъ ихъ гнѣзда.

Для борьбы съ крысами и здѣсь пришлось завести полуприрученныхъ кошекъ, но противъ стай сверчковъ и птинидъ, портящихъ бамбукъ, человѣкъ оказывался безсильнымъ. Здѣсь стѣны можно было буквально назвать живыми, и Бѣлая Борода, въ ожиданіи завтрака, занимался тѣмъ, что смахивалъ со стола мелкую желтую деревянную пыль, упавшую за ночь на подобіе дождя.

Лео тѣмъ временемъ переходилъ изъ хижины въ хижину, подымая лѣнтяевъ съ ихъ своеобразныхъ постелей: негры спятъ на золѣ.

Люди знали, почему ихъ будятъ такъ рано. Сегодня предстояла большая охота въ честь Гассана, охота за рѣдкимъ звѣремъ—шимпанзе, и притомъ не по европейскому способу: за нимъ хотѣли охотиться по обычаю дикарей.

Только вчера вечеромъ замѣтили „длинноухаго африканца". Кумъ Шимпанзе рѣшился выйти изъ густого дѣвственнаго лѣса, и перебрался на отдѣльно стоящую группу деревьевъ. Здѣсь, на высотѣ двадцати—тридцати метровъ, увидѣлъ его зоркій глазъ Лео—и тотчасъ-же группа деревьевъ была оцѣплена.

Послѣ было послано за подкрѣпленіемъ въ Сансуси; человѣкъ пятнадцать окружили убѣжище обезьяны, развели огонь и шумѣли всю ночь, чтобы проворный скакунъ не рѣшился сойти съ оцѣпленныхъ деревьевъ и непростился бы навсегда съ своими преслѣдователями.

Въ Сансуси до поздней ночи плели сѣти, и на разсвѣтѣ было рѣшено выступить, чтобы поймать рѣдкаго звѣря.

Бѣдный шимпанзе! Ночь, проведенная имъ на оцѣпленныхъ деревьяхъ, была для него не изъ пріятныхъ! Лучше бы онъ никогда не выходилъ изъ чащи, гдѣ товарищи его устраивали себѣ гнѣзда! Тамъ нога человѣческая не можетъ проникнуть чрезъ чащу растеній; густая листва оказывается непроницаемой для человѣческаго взгляда. Къ сожалѣнію, страсть къ охотѣ такъ сильна въ человѣкѣ, что даже Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце не задумывается зарядить ружье и ведетъ на шимпанзе вмѣстѣ съ Гассаномъ цѣлую толпу охотниковъ. А между тѣмъ жаль бѣднягу! Вспомните, какъ умно онъ смотритъ на насъ въ зоологическихъ садахъ, какъ ласково обращается съ служителемъ!

Вновь прибывшіе охотники окружили группу деревьевъ. Ружья были только у Бѣлой Бороды и у Гассана; негры вооружились копьями.

Мастера лазить принялись за работу: они взобрались высоко на деревья и укрѣпили тенета. Потомъ они спустились и перешли на другую сторону, чтобы начать оттуда травлю.

Можетъ быть, онъ запутается въ сѣтяхъ, — говорилъ Лео,—тогда мы его снимемъ съ деревьевъ живого; въ противномъ случаѣ придется убить его копьемъ. Но онъ иногда защищается и идетъ на человѣка. Поэтому смотрите, господинъ, выручайте насъ ружьемъ, если опасность окажется большой.

Съ этими словами онъ убѣжалъ и вмѣстѣ съ другими неграми залѣзъ на дерево.

Началась травля; обезьяну гнали съ сучка на сучекъ, съ дерева на дерево; наконецъ, ее загнали на тотъ край, гдѣ были растянуты сѣти. Обезьяна смотрѣла внизъ, на открытое мѣсто, но и тамъ ея взглядъ встрѣчалъ противниковъ. Совсѣмъ затравленный шимпанзе сѣлъ на сучковатую вѣтку отдохнуть; при этомъ онъ скалилъ зубы и въ бѣшенствѣ ударялъ передними руками объ сукъ.

Въ первый разъ Бѣлая Борода видѣлъ этого звѣря на

волѣ. Но недолго ему пришлось его разсматривать. Въ трехъ метрахъ отъ шимпанзе вдругъ появилось на противоположномъ суку гибкое черное тѣло—это былъ Лео. Отважность Лео сегодня не знала границъ; онъ хотѣлъ ранить шимпанзе, но копье было коротко и имъ нельзя было нанести вѣрнаго удара. Вдругъ роли перемѣнились,—преслѣдуемый обратился въ преслѣдователя; быстрымъ движеніемъ шимпанзе вырвалъ у Лео копье, сдѣлалъ большой скачекъ и очутился передъ негромъ, высоко занося надъ нимъ оружіе.

Бѣлая Борода приложился. Тутъ Гассанъ воскликнулъ, — Какое лицо! Совсѣмъ, какъ у Акки!

Тутъ охотникъ поблѣднѣлъ; вѣрная рука его дрогнула,— онъ опустилъ ружье.

Дѣйствительно, карликъ былъ получеловѣкъ, полуобезьяна, и Бѣлой Бородѣ показалось, что онъ видитъ высоко на вѣтвяхъ самого Акку.

Гассанъ удивленно взглянулъ на него.

— Это что-же такое?—воскликнулъ онъ, не—давать же этому молодцу душить Лео! Вы не стрѣляете? Ну, такъ съ Богомъ!

Гассанъ прицѣлился. Прошло всего нѣсколько секундъ, но положеніе Лео значительно ухудшилось: онъ сидѣлъ верхомъ на сучкѣ и держался правой рукой за вѣтку, расположенную повыше; шимпанзе сидѣлъ передъ нимъ, крѣпко охвативъ его, такъ что Лео не могъ двинуть лѣвой рукой. Съ того мѣста, гдѣ стоялъ Гассанъ, видно было только спину Лео, переднія руки шимпанзе, еще державшаго въ когтяхъ копье, и голову обезьяны, съ яростью запускавшей въ это время свои крѣпкія челюсти въ затылокъ негра. Выстрѣлъ былъ опаснымъ: можно было цѣлиться только въ черепъ обезьяны, а непосредственно надъ нимъ виднѣлась голова Лео.

Гассанъ медлилъ выстрѣломъ; вдругъ изъ подъ челюстей обезьяны по затылку Лео потекла кровь. Въ то же самое мгновеніе Гассанъ выстрѣлилъ... Еще не успѣло замолкнуть эхо, какъ шимпанзе выпустилъ жертву изъ своихъ объятій

и исчезъ въ морѣ сучьевъ, и листвы. Вслѣдъ затѣмъ звукъ возвѣстилъ о его паденіи на землю.

Нѣсколько негровъ подоспѣли съ копьями, шимпанзе уже былъ недвижимъ. Онъ лежалъ вытянувшись съ раскинутыми руками; въ лѣвой его было крѣпко стиснуто копье, отнятое у непріятеля.

Гассанъ и Бѣлая Борода глядѣли вверхъ на Лео; последній понемногу приходилъ въ себя отъ охватившаго его страха, но еще продолжалъ держаться правой рукой за выступавшій сукъ; освободившейся лѣвой онъ ощупывалъ рану въ затылкѣ, изъ которой текла кровь.

Когда онъ услышалъ изъ-подъ дерева крики людей, что обезьяна убита, то медленно и осторожно сталъ спускаться внизъ, на твердую почву; ноги его дрожали.

Бѣлая Борода подошелъ къ Гассану и, взявъ его за руку, сказалъ:—Это былъ мастерской выстрѣлъ, Гассанъ. Вы родились охотникомъ и съ дѣтства знакомы съ ружьемъ!

Тутъ Гассанъ поблѣднѣлъ и отдернулъ руку.

— Пустяки!—воскликнулъ онъ съ досадой,—это-просто счастье и случай!

Теперь за Бѣлой Бородой былъ очередь удивиться.

Почему поблѣднѣлъ Гассанъ? Почему онъ отрицалъ, то что было такъ очевидно?

Когда рана Лео была перевязана, охотники отправились въ обратный путь. Настроеніе было далеко не такое веселое, какое бываетъ послѣ удачной охоты.

Говорили мало. Только за банановымъ пивомъ въ Сансуси языки нѣсколько развязались, но и здѣсь и хозяинъ, и гость избѣгали смотрѣть въ глаза другъ другу.

Тѣмъ временемъ въ людской въ хижинѣ старшаго надсмотрщика, происходила между тѣмъ другая сцена.

Бѣлая Борода велѣлъ Лео лежать,—предписалъ ему покой, чтобы заживленіе пошло скорѣе, хотя рана была и не тяжелая.

Но пока другіе праздновали удачную охоту, пили пиво и устраивали при свѣтѣ костровъ занимательныя игры-

перебранки, — смѣлый охотникъ также не особенно скучалъ.

Правда, Бѣлая Борода находилъ, что скука—подчасъ лучшее лекарство, но ему не удалось провести своего мнѣнія, потому что Зюлейка думала иначе.

Поздно вечеромъ, когда перебранки достигли апогея и игра становилась все болѣе шумной, она навѣстила старшаго надсмотрщика.

Если бы Бѣлая Борода подслушалъ у дверей, то онъ сказалъ бы, что Зюлейка—плохая сидѣлка, потому что взволновала больного.

— Чары ничуть не помогли!—сказала она горестно.

— Всетаки! Всетаки!— отвѣтилъ Лео,—онѣ помогли, даже на вѣрняка. Безъ нихъ меня шимпанзе задушилъ или укусилъ бы до смерти.

На лицѣ его мелькнула довольная улыбка; Зюлейка тоже улыбалась.

Мѣсяцъ, заглянувшій какъ разъ черезъ открытую дверь въ комнату, подсмотрѣлъ эти улыбки. Извѣстно, какъ любопытенъ этотъ мѣсяцъ!

ГЛАВА X.

Браконьеръ.

Возвращеніе Араби.—Сожженныя копья.—Предупрежденіе Зюлейки. Предчувствія.—Леопардъ.—Взглядъ василисковъ.—Спаситель. — Товарищи.—Ночь на Ивана-Купала.—Признаніе Гассана.—Какъ умеръ „Красная Змѣя".—Въ Вогезахъ.—Лѣсничій Понсаръ.—Адское огнестрѣльное оружіе.—Браконьеръ и убійца.

Со времени охоты на шимпанзе прошло двѣ недѣли; Бѣлая Борода собирался навѣстить Гассана. Причины, вызвавшія этотъ визитъ, были очень печальныя. Уже и двѣ недѣли тому назадъ виды на урожай были неважные, а продолжительная засуха послѣднихъ дней окончательно уничтожила

всякія надежды: многострадальной странѣ грозили еще недородъ и голодъ.

Гассанъ поэтому рѣшилъ не подновлять своей серибы, а прямо переселиться въ другую мѣстность и тамъ основать новую. Куда направиться,—онъ еще не рѣшилъ, но во всякомъ случаѣ намѣревался избрать для своей дѣятельности новыя неизслѣдованныя страны. Вскорѣ послѣ основанія Сансуси онъ послалъ Араби съ караваномъ слоновой кости въ Мешеру, но послѣдній не могъ дойти до нея, вслѣдствіе враждебныхъ дѣйствій динковъ. Цѣлыми днями они осаждали Араби въ наскоро устроенномъ укрѣпленіи изъ терновника; число враговъ было такъ велико и градъ стрѣлъ, направленный на засаду, до такой степени силенъ, что люди Араби поддерживали костры древками непріятельскихъ копей. Наконецъ, динки разсѣялись и Араби отправился въ обратный путь. Въ видѣ доказательства осаднаго положенія, которое имъ пришлось вынести, базингеры привезли съ собой цѣлыя связки желѣзныхъ наконечниковъ копей.

Что могъ сдѣлать Гассанъ въ землѣ динковъ при такихъ обстоятельствахъ? Голодъ возрасталъ и ему надо было торопиться выступленіемъ, пока еще оставались запасы хоть для базингеровъ. Динкамъ онъ давно пересталъ или вѣрнѣе былъ вынужденъ перестать выдавать хлѣбъ: печальны были послѣдствія преступленія Сади.

Бѣлая Борода былъ очень разстроенъ этими извѣстіями и его удивляло всегдашнее веселое расположеніе духа Гассана. Конечно, онъ и не подозрѣвалъ, какъ радъ въ душѣ торговецъ слоновой костью, что угрожающій голодъ вынуждаетъ его покинуть свой прежній рай, давая возможность уйти подъ благовиднымъ предлогомъ отъ французской экспедиціи.

Только къ вечеру Бѣлая Борода собрался уйти изъ Сансуси.

— Ты идешь одинъ?—спросила его Зюлейка.

— Да!—отвѣтилъ онъ, удивленно глядя на рабыню, заграждавшую ему путь.

— Возьми съ собой по крайней мѣрѣ Лео! — говорила она,—вѣдь тебѣ идти лѣсомъ.

— Оставь, Зюлейка,—сказалъ онъ, смѣясь;—не впервые мнѣ идти одному по лѣсу.

— Но не во время голода въ странѣ динковъ!—мрачно отвѣтила рабыня.

— Развѣ тогда въ лѣсу надо опасаться убійцъ? Откуда ты знаешь это, Зюлейка?

Негритянка замялась и ушла со словами:

— Я ничего не знаю!

Бѣлая Борода посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Странно!—прошепталъ онъ. — Неужель динки задумали возстаніе? До этого нужда еще не дошла. Однако, что же я стою и поддаюсь болтовнѣ этой женщины?

Онъ вышелъ изъ воротъ. Но дорогой предупрежденіе Зюлейки показалось ему еще болѣе страннымъ, чѣмъ въ первую минуту.

Вся страна была въ броженіи. Можетъ быть и здѣсь что-нибудь затѣвалось, и Зюлейка узнала объ этомъ? Что именно она предупреждала его, было естественно. Послѣ того, какъ онъ спасъ ея ребенка, она охраняла его, какъ своего сына и такъ заботилась о немъ, что иногда это вниманіе негритянки было ему даже въ тягость. Можетъ быть и сегодняшнее предупрежденіе было только слѣдствіемъ этой материнской заботливости. Бѣлая Борода улыбнулся: онъ не разсчитывалъ на такія побѣды въ странѣ динковъ. Но во всякомъ случаѣ надо было переговорить съ Гассаномъ объ этомъ предупрежденіи, а кстати и о мастерскомъ выстрѣлѣ.

Послѣдній очень занималъ Бѣлую Бороду. Гассанъ, такъ часто восхвалявшій его мѣткость, оказывается, самъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ! Не иначе, онъ тоже лѣсничій, коллега!—думалъ Бѣлая Борода.

Среди этихъ размышленій онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ находились, въ сторонѣ отъ тропинки, ворота смерти. Онъ невольно вспомнилъ приключенія, пережитыя тамъ,

вспомнилъ „Красную Змѣю“ — и рѣшилъ все открыть Гассану.

Вдругъ до него донесся крикъ. Онъ готовъ былъ подумать, что это обманъ слуха, но звукъ повторился; онъ исходилъ отъ воротъ смерти и напоминалъ крикъ осла. Странно: во всей странѣ былъ одинъ оселъ, на которомъ ѣздилъ только Гассанъ. Неужели животное убѣжало и заблудилось въ лѣсу?

Бѣлая Борода тотчасъ повернулся по направленію звука. По мѣрѣ приближенія, имъ овладѣвалъ невольный страхъ. Онъ шелъ медленно, шагъ за шагомъ, какъ будто ему предстояло столкнуться съ врагомъ. Минутъ черезъ десять онъ дошелъ до конца перелѣска, находившагося предъ воротами смерти; оставалось пройти только не особенно густой кустарникъ. Онъ раздвинулъ осторожно кусты и окинулъ взоромъ небольшую площадку впереди терновника. У него замерло дыханіе.—Оселъ Гассана (онъ узналъ его по сѣдлу) лежалъ мертвый на землѣ; голова его висѣла въ уздцахъ, за которые онъ былъ привязанъ къ дереву; на трупѣ сидѣлъ леопардъ и жадно лизалъ кровь, сочившуюся изъ свѣжей раны.

Чего искалъ Гассанъ у „воротъ смерти“? Гдѣ онъ находился? Его нигдѣ не было видно. Вдругъ леопардъ насторожился, поднялъ голову и началъ поводить носомъ. Повидимому, онъ замѣтилъ Бѣлую Бороду, потому что долго смотрѣлъ по тому направленію, гдѣ послѣдній стоялъ за кустами. Охотникъ судорожно сжималъ ружье, готовясь каждую минуту къ выстрѣлу.

Но неожиданно звѣрь перевелъ свой хищный взглядъ съ него на „ворота смерти“. Бѣлая Борода неотступно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Вдругъ леопардъ повернулся, замахалъ хвостомъ и приготовился къ скачку. Бѣлая Борода посмотрѣлъ по направленію, въ которомъ собиралось прыгнуть животное. Здѣсь, въ низенькомъ углубленіи, ведущемъ къ ущелью, въ проходѣ, по которому онъ самъ ползъ мѣсяцъ тому назадъ, онъ увидѣлъ человѣческую фигуру, наполовину выступавшую наружу; оперщись руками

на землю и высоко поднявъ голову, человѣкъ не отводилъ взгляда отъ леопарда.

Это былъ Гассанъ.

Прошло нѣсколько секундъ, но онъ не двигался, не дрогнулъ бровью; трудно было рѣшить, умеръ онъ или остолбенѣлъ отъ страха.

Въ старину разсказывали о василискахъ, живущихъ въ пещерахъ и однимъ своимъ взглядомъ заставлявшихъ каменѣть все живое. Эта легенда не лишена основанія, потому что взглядъ нѣкоторыхъ дикихъ звѣрей, дѣйствительно, производитъ парализующее дѣйствіе: птица цѣпенѣетъ, чувствуя на себѣ выжидательный взглядъ змѣи. Гассанъ остолбенѣлъ, когда, вылѣзая изъ темной пещеры, встрѣтилъ горящіе глаза леопарда; на его обыкновенно мужественномъ лицѣ отразился смертельный ужасъ. Леопардъ лежалъ на окровавленномъ тѣлѣ осла, вытянулъ лапы и махалъ хвостомъ. Наслаждался ли звѣрь безысходнымъ отчаяніемъ своей жертвы, удивлялся ли онъ дерзости человѣка, рѣшившагося идти по его пути?

Бѣлая Борода могъ ясно разслышать его сердитое ворчаніе; онъ осторожно поднялъ ружье, но медлилъ взвести курокъ, надѣясь, что звѣрь, быть можетъ, обратится въ бѣгство, какъ случилось съ буйволомъ, съ которымъ ему самому пришлось стоять съ глазу на глазъ. Однако, медлить было нечего: леопардъ былъ въ пяти шагахъ отъ Гассана; скачекъ—и Гассанъ погибъ.

Тихо щелкнулъ курокъ; кровожадный звѣрь не услышалъ этого звука: кровь опьяняетъ хищниковъ, а онъ только что напился ея.

Вдругъ леопардъ вскочилъ съ быстротою молніи и эластическимъ прыжкомъ мелкнулъ въ воздухѣ. Въ то-же мгновеніи въ кустахъ раздался выстрѣлъ изъ кустовъ, громомъ пронесся по лѣсу и глухо отдался въ пещерѣ, — хищная кошка лежала предъ Гассаномъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Прыжокъ не удался: пуля попала хищнику въ голову.

Бѣлая Борода поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ леопардъ, и прикончилъ его охотничьимъ ножемъ.

Гассанъ еще не могъ придти въ себя; ему не вѣрилось, что опасность, грозившая его жизни, миновала. Онъ продолжалъ стоять на колѣняхъ у входа въ углубленіе, и Бѣлая Борода принужденъ былъ помочь ему выбраться наружу и стать на ноги.

Но постепенно лицо его оживилось, онъ поднялъ руки, оперся ими на плечи Бѣлой Бороды и долго посмотрѣлъ ему въ глаза. Сильное волненіе охватила Гассана; не будучи въ силахъ овладѣть собою, онъ бросился на грудь Бѣлой Бороды, обнялъ его и зарыдалъ, какъ дитя.

— Гассанъ, успокойтесь!—шепталъ не менѣе взволнованный владѣтель Сансуси. Теперь, когда опасность миновала, когда леопардъ былъ убитъ, послѣдній вспомнилъ, гдѣ они находятся, вспомнилъ, что Гассанъ выходилъ изъ ущелья, быть можетъ, изъ пещеры духовъ.

Но Гассанъ страстно воскликнулъ:

— Не говори такъ, Бѣлая Борода! Будемъ друзьями, братьями! Ничто не должно насъ разлучать. Братъ! другъ! будь моимъ добрымъ геніемъ, моей опорой!

— Хорошо, Гассанъ,—отвѣчалъ Бѣлая Борода, увлеченный страстнымъ порывомъ спасеннаго.—Скажи, что тебѣ нужно, я сдѣлаю для тебя все, что могу.

— Поклянись,—сказалъ Гассанъ, съ опасеніемъ глядя на Бѣлую Бороду,—поклянись, что ты меня не оставишь, когда нужно будетъ поддержать меня въ добромъ дѣлѣ!

— Клянусь, Гассанъ!—искренно воскликнулъ Бѣлая Борода,—клянусь честью и Всесильнымъ Богомъ!—продолжалъ онъ, пожимая руку новаго друга.

— Спасибо, братъ!—говорилъ тотъ,—тысячу разъ спасибо! Я зналъ, что такъ кончится; вѣдь мы товарищи. Вѣдь и я когда-то носилъ зеленый мундиръ, былъ лѣсничимъ и охотникомъ!

— Я это сейчасъ узналъ по мастерскому выстрѣлу, которымъ ты спасъ жизь Лео!

— Это тогда, когда ты не могъ стрѣлять, потому что обезьяна напоминала тебѣ Акку!—прервалъ его Гассанъ.

— Ха, ха, ха!—продолжалъ онъ;—не всегда хорошо быть хорошимъ стрѣлкомъ. Въ жизни бываютъ минуты, въ которыя было бы лучше, въ тысячу разъ лучше для насъ, если бы мы совсѣмъ не умѣли обращаться съ проклятымъ ружьемъ. Ты блѣднѣешь, мой другъ, мой спаситель? Братъ, я знаю все о тебѣ: видишь, я иду изъ пещеры духовъ. Ты тоже долженъ меня узнать. Иди, я все разскажу тебѣ, во всемъ тебѣ сознаюсь! Но уйдемъ отъ „воротъ смерти"... скроемся въ тихомъ уголкѣ лѣса, гдѣ намъ никто не помѣшаетъ: ни леопарды, ни коршуны, носящіеся надъ ущельемъ. Иди, другъ, товарищъ, братъ!

Онъ поспѣшилъ впередъ, увлекая съ собой Бѣлую Бороду и нетерпѣливо прокладывая себѣ путь въ кустарникѣ; на лбу у него выступили капли пота.

— Налѣво! сказалъ ему Бѣлая Борода. Путь къ твоей серибѣ—налѣво.

— Нѣтъ! нѣтъ! пойдемъ направо!—возразилъ Гассанъ,—въ серибѣ—люди, а я не могу теперь видѣть людей,—даже негровъ. Пусть одинъ зеленый лѣсъ будетъ свидѣтелемъ моей исповѣди.

И онъ спѣшилъ дальше, какъ будто его преслѣдовали фуріи. Бѣлая Борода, потрясенный, слѣдовалъ безмолвно за своимъ разстроеннымъ путеводителемъ. Наконецъ, послѣдній въ изнеможеніи опустился на стволъ дерева, сломленнаго бурей.

— Дальше не могу,—сказалъ онъ, стирая со лба потъ рукой,—останемся здѣсь, дай мнѣ собраться съ мыслями, чтобы я могъ вѣрно разсказать... Подожди, пріятель! Солнце освѣщаетъ уже верхушки деревьевъ. Скоро наступитъ ночь—темная, безлунная ночь; тогда ничего не видно, тогда хорошо говорить, сознаваться, каяться...

Онъ замолкъ; молчалъ и Бѣлая Борода, опустившійся рядомъ съ нимъ и машинально зарядившій ружье. Сердце его сильно билось.

Тѣни становились все гуще, наступили короткія тропическія сумерки. Въ лѣсу просыпалась ночная жизнь: застрекотали стрекозы, начали летать свѣтящіеся жучки, запѣла ночная птица, разливаясь, подобно нашему соловью. Это была ночь на Ивана Купала,—она будила воспоминанія о родинѣ, и сидящіе рядомъ друзья мысленно переносились къ далекому сѣверу.

Въ горахъ раздался глухой ревъ: то царь звѣрей выходилъ изъ своей берлоги. Потомъ окрестность огласилась насмѣшливымъ лаемъ и воемъ гіенъ. Наступила ночь, и Гассанъ прервалъ молчаніе.

— Да, Бѣлая Борода, мы — товарищи, братья,—началъ онъ,—потому что и на твоей совѣсти—жизнь человѣка!

Бѣлая Борода вскочилъ и воскликнулъ:

— Что, онъ былъ убитъ на повалъ?—Ты былъ въ пещерѣ духовъ?

— Да, Бѣлая Борода, я былъ тамъ; но не прерывай меня, сиди спокойно. Я все разскажу!

— Бѣлая Борода, я сейчасъ же замѣтилъ, что ты что-то отъ меня скрываешь, и догадался, что тутъ замѣшана пещера духовъ.

— Вначалѣ я думалъ: какъ хитеръ этотъ Бѣлая Борода! Десятки лѣтъ тому назадъ динки спрятали въ пещеру слоновую кость, которая хорошо сохранилась, потому что тамъ нѣтъ роющихъ крысъ. Бѣлая Борода нашелъ ее, но молчитъ объ этомъ и разсказываетъ намъ страшныя исторіи о ядовыхъ змѣяхъ въ пещерѣ, между тѣмъ какъ въ послѣдней—одна слоновая кость. Но я не отпущу этого хитреца; онъ долженъ напередъ показать мнѣ свою находку, которая стоитъ похода на динковъ.

— Я уже считалъ въ умѣ клыки: десятки лѣтъ тому назадъ здѣсь было больше слоновъ и динки были богаче, такъ какъ ихъ еще не успѣли выжать, какъ лимонъ. Несомнѣнно, думалъ я, въ пещерѣ скрыто слоновой кости на цѣлый караванъ.

— Не разъ я собирался пройти въ „ворота смерти", пролѣзть туда чрезъ узкую щель внизу, чрезъ которую леопарды выходятъ на добычу, хотѣлъ посмотрѣть крутую тропинку, о которой говорили ты и Лео! Я тогда думалъ, что все это выдумки и вранье, что къ пещерѣ долженъ вести удобный путь,—да и страшно было лѣзть въ берлогу леопарда.

Однако я не нашелъ другого доступа. Оставалось вырубить терновникъ, чтобы проложить себѣ дорогу въ пещеру. Но Бѣлая Борода могъ это замѣтить, прежде чѣмъ я побываю въ пещерѣ духовъ, и унести кладъ по знакомой дорогѣ!

Мнѣ надо было убрать тебя изъ окрестностей этого мѣста; тогда я спокойно могъ проложить себѣ съ помощью своихъ базингеровъ путь къ ущелью такъ, чтобы ты этого не замѣтилъ. И вотъ я послалъ тебя основать Сансуси.

— Но почему я съ тобой такъ церемонился?

— Со времени моего возвращенія съ послѣдняго похода во мнѣ происходили перемѣна за перемѣной; я боялся и ненавидѣлъ тебя и въ то же время цѣплялся за тебя, какъ за якорь надежды, отъ котораго я ждалъ спасенія въ надвигающейся грозѣ, въ чемъ-то роковомъ, чего я не могъ побороть одинъ.

— Мнѣ нуженъ былъ хорошій человѣкъ, нуженъ былъ Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, чтобы избѣжать того, что мнѣ казалось ужаснымъ.

— Человѣкъ, который принимаетъ такое участіе въ неграхъ и не можетъ равнодушно видѣть страданія животнаго, неужели онъ не сжалится надъ своимъ ближнимъ, испытывающимъ самую ужасную пытку—мученія совѣсти?

— Я удалилъ тебя, чтобы ты не мѣшалъ мнѣ, при изслѣдованіи пещеры, а едва ты ушелъ, началъ сомнѣваться въ самомъ фактѣ нахожденія слоновой кости.

— Наступила ночь перваго мая. Пламя пожара, озаривши ее, поглотило и мое благосостояніе, какъ я въ этомъ скоро убѣдился.

— А тутъ — этотъ неурожай; я его предвидѣлъ еще

раньше динковъ и радовался тому, что приходится оставлять этотъ край, такъ какъ надѣялся уйти отъ своего рока, скрыться отъ того, кто преслѣдуетъ меня до пустынныхъ мѣстъ Судана.

— Я совсѣмъ забылъ о пещерѣ духовъ.

— Бѣлая Борода, ты еще помнишь день, когда намъ выпало рѣдкое счастье охотиться на шимпанзе? Ужасная охота, не правда-ли? Въ обезьянѣ такъ много человѣческаго! Не правда-ли, она такъ напоминаетъ рожи негровъ, видѣнныхъ нами въ жизни...

Голосъ Гассана дрожалъ отъ возбужденія; онъ помолчалъ и продолжалъ снова.

— Другъ мой, Бѣлая Борода, почему ты не выстрѣлилъ тогда въ шимпанзе, не спасъ своего вѣрнаго Лео? Для тебя этотъ выстрѣлъ былъ пустякомъ, разъ онъ удался даже Гассану, возненавидѣвшему охоту ужъ много лѣтъ тому назадъ.

— Почему тогда дрогнула твоя рука, почему, смѣлый охотникъ, ты поблѣднѣлъ и опустилъ ружье? Ты молчишь?

— Я замѣнилъ тебя и по одному выстрѣлу ты узналъ во мнѣ охотника.

— Въ тотъ же моментъ и я узналъ тебя!

— На обратномъ пути я все болѣе убѣждался въ томъ, что твоя совѣсть также неспокойна, и у меня явилась надежда, что мы будемъ друзьями!

— Что это? Никакъ тамъ наверху пролетѣла сова! не люблю я этой птицы за ея коварный полетъ; десять лѣтъ тому назадъ, въ ночь на Ивана—Купала, она тоже пролетѣла мимо меня... И при этихъ словахъ Гассанъ схватилъ руку Бѣлой Бороды, будто боясь темноты ночи.

— Не обижайся на то, что я теперь скажу тебѣ,—продолжалъ онъ немного спустя, — я вѣдь и самъ теперь не вѣрю этому, но долженъ тебѣ все, все разсказать, чтобы ты могъ читать въ моемъ сердцѣ и понять меня.

— Итакъ, я думалъ: Бѣлая Борода такой же хитрецъ, какъ и я. Но я отправляюсь въ пещеру духовъ и постара-

юсь открыть тайну; несомнѣнно это — слоновая кость. Если ея окажется много, то я нагружу ею своихъ невольниковъ, отправлюсь въ Хартумъ, продамъ ее и возвращусь, быть можетъ, въ Европу.

— Сегодня я наконецъ отправился туда. Сегодня утромъ застрѣлился мой Араби, нечаянно пустивъ себѣ въ грудь полный зарядъ. Мнѣ не везетъ съ своими арабами.

— Сади умеръ, Араби тоже; кто мнѣ теперь будетъ сдерживать моихъ базингеровъ? Давно пора оставить эту страну, подумалъ я, и пришелъ сюда, къ „воротамъ смерти".

— Я забылъ даже самыя элементарныя правила охоты, это теперь ясно вижу. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ привяжетъ настоящій охотникъ осла около берлоги леопарда? Трудно найти лучшее средство къ тому отрѣзать себѣ обратный путь, такъ какъ оселъ долженъ былъ послужить приманкой для хищника. Благодаря вашимъ сообщеніямъ, я безъ особеннаго труда нашелъ дорогу, отыскалъ тропинку, дерево— и проникъ до пещеры.

— Дѣйствительно, у входа лежалъ скелетъ, о которомъ разсказывалъ Лео. Раскиданныхъ костей почти уже не было видно въ массѣ растеній. На днѣ пещеры уже не было человѣческихъ слѣдовъ; летучія мыши давно сгладили ихъ. Уже цѣлые мѣсяцы никто не входилъ въ пещеру. Только на площадкѣ еще были замѣтны слабые слѣды вашего костра.

— Со мной были свѣчи; я зажегъ одну и пошелъ въ пещеру.

— Вскорѣ я увидѣлъ на право боковой входъ и направился туда.

— Въ немъ были сложены какія-то темныя кучи. Что могло быть скрыто подъ гуано летучихъ мышей? Я сталъ его раскапывать и наткнулся на кости!

— Слоновая кость! ликовалъ я въ душѣ; я вытаскивалъ одну за другой, копалъ дальше и вскорѣ наткнулся—на черепа. Невидимая сила толкнула меня назадъ изъ этой боковой пещеры.

*

— Я искалъ сокровища и наткнулся на то, что напоминаетъ о земной недолговѣчности,—на смерть въ ея проявленіяхъ.

— Но достаточно было увидѣть небесный свѣтъ, чтобы ко мнѣ вернулось мужество; я пошелъ дальше, въ другую сторону пещеры.

— Вдругъ я споткнулся.

— Я посвѣтилъ, чтобы разсмотрѣть предметъ, загородившій мнѣ дорогу,—и что-же я увидѣлъ?

— Предо мной лежала темная масса, съ ясными контурами человѣческаго тѣла.

— Трупъ должно быть лежалъ недолго, потому что былъ покрытъ свѣжимъ, мягкимъ гуано всего на палецъ; я очистилъ тѣло охотничьимъ ножемъ и вскорѣ узналъ въ немъ твоего карлика, твоего Акку!

— Ты дрожишь, — Бѣлая Борода?—прервалъ свой разсказъ Гассанъ.—Ты дѣйствительно совершилъ что-нибудь нехорошее?—При этихъ словахъ онъ крѣпче сжалъ руку своего товарища.

— Что-же ты молчишь? Вѣдь я знаю, при какихъ обстоятельствахъ убитъ Акка.

— Я тщательно изслѣдовалъ положеніе трупа, какъ будто я судья, которому нужно составить протоколъ, чтобы уличить убійцу.

— Трупъ не разложился, а обратился въ мумію, благодаря воздуху пещеры; я отыскалъ рану въ груди и увидѣлъ натянутый лукъ въ рукѣ карлика.

— Не правда ли, Бѣлая Борода? Карликъ хотѣлъ тебя убить, прицѣлился въ тебя. Тутъ ты приложилъ ружье, раздался выстрѣлъ—и Акка упалъ мертвый. Не правда ли, эта была только оборона?

Бѣлая Борода вмѣсто отвѣта пожалъ руку Гассана, который печально продолжалъ:

— Я такъ и зналъ, и злорадство, испытанное мной, когда я сидѣлъ около трупа, вскорѣ пропало.

— Я зналъ, что не могу сказать тебѣ: мы оба убійцы,

хотя и ты тоже убилъ человѣка. Ты убилъ врага въ открытомъ бою. а я... Но есть что-то сходное въ нашей судьбѣ. Почему ты разсказывалъ намъ, что карликъ убѣжалъ?? Вѣрно и ты чувствуешь себя виноватымъ.

— Послѣ, послѣ я все объясню тебѣ, Гассанъ,—это длинная исторія. Меня очень огорчаетъ смерть карлика. но я надѣюсь, что она простится мнѣ предъ Судомъ Всевышняго.

— Мнѣ не будетъ прощенія!—воскликнулъ Гассанъ въ порывѣ отчаянія, срывая съ головы тюрбанъ. Потомъ онъ продолжалъ хриплымъ голосомъ:

— Была ночь на Ивана-Купала, какъ и сегодня; въ темномъ лѣсу Вогезъ мелькали будто загорающія искры ивановскіе жучки. Въ воздухѣ пахло сосной.

— Въ деревнѣ былъ праздникъ, но я ушелъ изъ долины. Я бродилъ по лѣсу высоко на горѣ и предавался своей несчастной страсти—охотѣ. Я—сынъ достаточныхъ, честныхъ людей—былъ браконьеромъ! Мнѣ казалось, что въ эту ночь мнѣ нечего опасаться преслѣдованія. Лѣсничій Понсаръ былъ приглашенъ на праздникъ; я самъ вечеромъ видѣлъ его сѣдую голову среди другихъ пирующихъ въ гостинницѣ.

— И что-же? Не пробылъ я въ лѣсу и часа, какъ мимо меня тихо пролетѣла сова.

— Стой, Леонъ Пелиссье! давай ружье, браконьеръ!

— Арестую тебя именемъ закона!

— Мнѣ грозили арестъ, тюрьма! Какой позоръ! Я хотѣлъ бѣжать, но тутъ Понсаръ прицѣлился въ меня и грозилъ выстрѣлить.

— Въ отчаяніи и я приложился. Проклятое изобрѣтеніе— эти огнестрѣльныя оружія! Со шпагой въ рукѣ можно обезоружить непріятеля, но какъ остановишь полетъ пули!

— Убери ружье, или ты погибъ!—закричалъ лѣсничій. Но было уже поздно: онъ съ крикомъ упалъ на землю.

— Этотъ крикъ все еще звучитъ въ моей душѣ, безпрестанно раздается въ моихъ ушахъ... ничто не можетъ его заглушить. Я слышу его въ пылу сраженія, онъ чудится

мнѣ въ мотивѣ веселой пѣсни, онъ встаетъ изъ земли среди мертвой тишины степи!

— О, этотъ крикъ... Неужели ты его не слышишь, Бѣлая Борода?

— Въ ту ночь, когда я слышалъ его въ первый разъ, меня охватилъ ужасъ. Я поспѣшилъ къ раненному, наклонился надъ нимъ... Онъ прохрипѣлъ: „Убійца! Богъ тебѣ— судья"! и упалъ навзничь.

— Я бросилъ ружье и бѣжалъ изъ лѣсу. Мнѣ встрѣтился Артуръ, сынъ Понсара, мой другъ дѣтства; онъ окликнулъ меня, но я бѣжалъ,—бѣжалъ въ эту же ночь изъ дому...

Гассанъ тяжело дышалъ и продолжалъ дрожащимъ голосомъ.—Остается прибавить не многое. Я бѣжалъ въ далекія страны, сталъ атаманомъ разбойниковъ, торговалъ невольниками и скрываюсь до сихъ поръ среди воровъ и убійцъ. А Артуръ Понсаръ не перестаетъ меня преслѣдовать и теперь приближается къ Судану, чтобы отомстить за отца.

Гассанъ вскочилъ, ломая руки, потомъ бросился передъ Бѣлой Бородой на колѣни и воскликнулъ:

— Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, сжалься надо мной, спаси меня, помоги мнѣ въ моей мукѣ! Въ случаѣ, если онъ пріѣдетъ, я скроюсь въ пещерѣ и останусь тамъ съ мертвыми, а ты прими его и не выдавай меня! Я согласенъ бороться съ тысячью динковъ, но не хочу видѣть и слышать его...

Новые друзья замолчали. Молчаніе длилось довольно долго. Гассанъ все еще стоялъ на колѣняхъ, закрывъ лицо руками; лицо Бѣлой Бороды выражало глубокую печаль.

Наконецъ, онъ положилъ свою руку на голову Гассана и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Встань Гассанъ! Господь справедливъ, но и всемилостивъ, Онъ прощаетъ вины кающимся грѣшникамъ. Гассанъ, посвяти свою жизнь служенію добру, и ты найдешь покой для души своей. Жертвуй собой для другихъ, стой

за правое дѣло въ этой забытой странѣ, помогай бѣднымъ и несчастнымъ—и ты заслужишь прощеніе у Господа!

— Я подумалъ объ этомъ, когда сидѣлъ у дверей пещеры,—тихо сказалъ Гассанъ;—но у меня нѣтъ силъ стать опять добрымъ, я погибъ на вѣки!

— Не богохульствуй Гассанъ!—возразилъ Бѣлая Борода.

— Я поклялся помочь тебѣ и буду тебѣ вѣрнымъ другомъ на пути къ исправленію.

— Ты говоришь такъ сегодня,—воскликнулъ Гассанъ,— а завтра ты будешь избѣгать меня, не захочешь имѣть сношеній съ убійцей!

— Куда ты идешь?—сказалъ Бѣлая Борода, удерживая Гассана, собравшагося уходить.

— Я хочу остаться одинъ,—возразилъ тотъ,—я возвращусь въ серибу. Оставь меня теперь, но если ты можешь быть другомъ убійцѣ, то приходи завтра. Доброй ночи!—Онъ выдернулъ руку изъ руки Бѣлой Бороды и исчезъ въ лѣсу Еще долго Бѣлая Борода сидѣлъ на стволѣ дерева, погруженный въ мрачныя размышленія; потомъ, перекинувъ ружье черезъ плечо, всталъ и пошелъ по дорогѣ.

ГЛАВА XI.

Въ бѣгствѣ.

Лязгъ въ лѣсу.—Зюлейка.—Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце.—Этого не забываютъ динки.—Зюлейка оставь меня!—Выжидающій воинъ.—Ядовитый кустъ.—Сюда, сюда, братъ, товарищъ!—Между динками и леопардами.—Спасены.—Гибель серибы.

Бѣлая Борода шелъ уже съ полчаса, когда услышалъ позади себя какой-то лязгъ; онъ замедлилъ шаги и сталъ озираться вокругъ, но ничего не могъ замѣтить.

Тѣмъ не менѣе у него осталось ощущеніе, что около него кто-то есть. Ему были знакомы этотъ лязгъ и бряцаніе; слухъ не обманулъ его—такъ бренчали желѣзныя украшенія Зюлейки, когда она хлопотала по хозяйству.

Что-же могла дѣлать въ лѣсу женщина-динка?

Съ мыслью о Зюлейкѣ онъ вспомнилъ и ея сегодняшнее предупрежденіе. Онъ хотѣлъ поговорить о немъ съ Гассаномъ, но позабылъ.

Теперь же имъ овладѣло странное безпокойство. Неужели опасенія негритянки имѣли основаніе?

Во всякомъ случаѣ надо было предупредить Гассана—возможно скорѣе. Бѣлая Борода повернулъ назадъ; онъ хотѣлъ доказать Гассану, что честно поклялся ему въ дружбѣ и что дѣйствительно готовъ ему помочь.

Пройдя шаговъ сто, Бѣлая Борода опять услышалъ лязгъ, на этотъ разъ болѣе громкій и явственный. Онъ вновь остановился; звукъ приближался.

Онъ схватился было за ружье, но эта предосторожность оказалась излишнею: его назвали по имени; это была Зюлейка.

— Я здѣсь! — крикнулъ Бѣлая Борода,—какъ же такъ, Зюлейка, вѣдь опасно въ лѣсу!

— Куда ты идешь, Бѣлая Борода?—спросила рабыня.

— Къ Гассану!—отвѣтилъ онъ.

— Не дѣлай этого!—воскликнула она дрожащимъ голосомъ.

— Но я хочу и пойду,—настаивалъ съ досадой хозяинъ Сансуси.—Объясни, что все это значитъ?

— Я скажу тебѣ въ нашей серибѣ; тамъ ты все узнаешь.

— Нѣтъ! я посмотрю самъ, что происходитъ у Гассана.

— Я не пущу тебя,—возразила Зюлейка, крѣпко схвативъ его за руку.

— Ты съума сошла Зюлейка? или жизнь Гассана дѣйствительно въ опасности? Пусти меня, приказываю тебѣ! — говорилъ Бѣлая Борода, тщетно стараясь освободиться.

— Такъ слушай-же, упрямый человѣкъ!—начала негритянка.—Въ собственной серибѣ тебѣ не грозитъ никакой опасности, потому что ты никогда не грабилъ стада динковъ, не жегъ ихъ деревень, не травилъ ихъ полей. Ты добръ, Бѣлая Борода — Нѣжное Сердце, объ этомъ знаютъ динки,

Ты охотился на буйволовъ и антилопъ, чтобы насытить голодныхъ, ты не разлучалъ матерей и дѣтей, спасалъ дѣтей негровъ съ опасностью жизни и отечески обращался съ своими рабами. Этого не забудутъ динки, Бѣлая Борода — Нѣжное Сердце!

Все это Зюлейка говорила очень медленно; потомъ она остановилась и продолжала еще медленнѣе. — Я разскажу тебѣ исторію... Въ одной динкской деревнѣ..

— Зюлейка!—перебилъ ее Бѣлая Борода;—оставъ исторіи! скажи, что замышляете вы противъ Гассана?

— Я пошла за тобой изъ серибы,—говорила рабыня,—чтобы защитить, предупредить тебя, когда будетъ нужно. Я догнала тебя у воротъ смерти и видѣла, какъ ты освободилъ этого негодяя изъ лапъ леопарда. А хорошо было бы, если бы звѣрь его растерзалъ, трижды растерзалъ!

— Зюлейка, твой голосъ дрожитъ отъ злобы! Вы хотите убить Гассана?

— Если бы ты его не встрѣтилъ,—продолжала негритянка,—я позвала бы тебя назадъ; я удержала бы тебя и тогда, если бы ты не разстался съ нимъ,—я сказала бы:— Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, твой Лео—при смерти, съ нимъ случилось несчастье, онъ зоветъ тебя...

— Зюлейка, оставь меня! — крикнулъ Бѣлая Борода, стараясь освободиться.

— Онъ ушелъ одинъ,—продолжала она, не отпуская его;—тѣмъ лучше. Не бей меня Бѣлая Борода, не вырывайся! Все равно, поздно... Сериба сожжена, базингеры перебиты всѣ до одного. Они пригласили динковъ для воинственной пляски, а динки пришли и убили враговъ!

— Пусти меня!—крикнулъ теперь Бѣлая Борода, насильно разгибая ухватившіяся за него руки негритянки. Но она продолжала, не чувствуя боли:

— На опушкѣ лѣса воины ожидаютъ Гассана и какъ зайца уложатъ своего властелина. Онъ мертвъ! Иди, если хочешь безполезно бороться за его трупъ. Защитить ты его уже не можешь. Но берегись, не раздражай динковъ!

Бѣлая Борода не слушалъ дальше; онъ стремглавъ побѣжалъ по направленію къ серибѣ съ громкимъ крикомъ „Гассанъ! Гассанъ!“

— Гассанъ! Гассанъ! — глухо отвѣтило эхо, и въ лѣсу опять воцарилась гробовая тишина.

Бѣлая Борода вначалѣ спѣшилъ, но потомъ сталъ умѣрять шаги. Страстный порывъ смѣнился спокойнымъ разсужденіемъ. Ему не слѣдовало чрезмѣрно истощать свои силы, чтобы не явиться на поле битвы утомленнымъ; онъ былъ убѣжденъ, что его ожидаетъ борьба на жизнь и смерть.

Въ лѣсу ему теперь было жутко. На небѣ взошелъ мѣсяцъ, но серпъ его стоялъ не отвѣсно, какъ у насъ, а лежалъ горизонтально и плылъ подобно серебряному челноку, по темному небосклону. Магическій свѣтъ его слабо освѣщалъ дорогу, только мѣстами образуя на ней свѣтлыя пятна; контуры переплетенныхъ кустарниковъ и стволовъ деревьевъ обрисовывались очень смутно. За однимъ изъ гигантовъ лѣса Бѣлая Борода замѣтилъ какую-то фигуру. Вглядѣвшись пристальнѣе, онъ увидѣлъ, что за деревомъ притаился воинъ. Ясно можно было различить наклоненную голову, а съ боку выставленное копье, отливавшее бѣловатымъ цвѣтомъ.

Негръ былъ отъ него шагахъ въ десяти, и Бѣлая Борода не зналъ, идти ли впередъ или дать выстрѣлъ.

Прежде всего онъ также укрылся за ближайшимъ деревомъ, не теряя изъ вида спрятавшагося непріятеля. Оба оставались неподвижны.

Бѣлая Борода приготовился отразить нападеніе этого одного негра, но могъ ли онъ знать, сколько ихъ вообще было скрыто въ лѣсу? Быть можетъ, другіе подкрадывались къ нему въ это время съ тылу? Да онъ и не могъ оставаться за деревомъ, надо было спѣшить впередъ, чтобы предупредить, спасти Гассана. Что оставалось дѣлать? Убить выжидающаго динка?

Но развѣ тотъ ему что-нибудь сдѣлалъ? Противъ него динки не возставали. Да и стрѣлять онъ могъ только въ

крайней опасности: выстрѣлъ выдалъ бы врагамъ, что къ застигнутому врасплохъ Гассану спѣшатъ на помощь.

Бѣлая Борода еще мучился всѣми этими сомнѣніями, какъ вдругъ зашумѣли кроны деревьевъ и по лѣсу пронесся ураганъ. Фигура пригнувшагося воина задвигалась — и наклоненная голова, выступающее копье оказались пустымъ призракомъ. Предъ нимъ торчали вѣтки кустарника, колеблемаго вѣтромъ.

Съ досадой Бѣлая Борода оставилъ свою засаду и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагалъ воина, чтобы окончательно убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Онъ видѣлъ предъ собой однѣ вѣтки ядовитаго молочайника, сокомъ котораго туземцы отравляютъ свои копья.

— Вѣроятно, сегодня утромъ динки не преминули вновь опустить свои стрѣлы въ этотъ сокъ!

— Но къ чему эти мучительныя мысли? Одинъ Господь властенъ въ жизни и смерти!—И съ этими мыслями Бѣлая Борода двинулся впередъ. По временамъ онъ останавливался и прислушивался, такъ какъ въ темнотѣ лучше руководиться слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ.

Ему показалось, что онъ слышитъ отдаленный шумъ, но не могъ различить отдѣльныхъ звуковъ. Бѣлая Борода подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ разстался съ Гассаномъ, и у него мелькнулъ лучъ надежды. Въ этомъ мѣстѣ находилось вѣрное убѣжище отъ преслѣдователей—ворота смерти, въ которыя не рѣшился бы войти ни одинъ динка. Шумъ приближался. Можно было разслышать воинственные крики. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ тому мѣсту, откуда они доносились, тѣмъ радостнѣе становилось у него на душѣ.

Наступилъ моментъ дать знакъ преслѣдуемому Гассану, что близко подкрѣпленіе. Направо, въ какихъ-нибудь ста шагахъ, должны были находиться ворота смерти. Бѣлая Борода остановился и выстрѣлилъ въ воздухъ; потомъ онъ крикнулъ: „Гассанъ, Гассанъ!“ и вновь зарядилъ ружье. Эхо повторило крикъ.

Въ то-же мгновеніи направо отъ него раздался отвѣтный

выстрѣлъ и явственно послышалось: „Бѣлая Борода, Бѣлая Борода!“.

Быстрымъ скачкомъ охотникъ исчезъ въ сосѣднемъ кустарникѣ и бросился по направленію доносящагося до него крика:

— Сюда, сюда, братъ, товарищъ!

Черезъ нѣсколько секундъ онъ стоялъ у „воротъ смерти“ на маленькой площадкѣ, гдѣ еще лежали мертвый оселъ и убитый леопардъ, а еще чрезъ нѣсколько секундъ новые друзья — Бѣлая Борода и Гассанъ — освѣщаемые слабымъ свѣтомъ луны, протянули другъ другу руки.

Сколько чувства было въ этомъ искреннемъ, взаимномъ рукопожатіи, сколько безконечной благодарности съ одной, сколько искренней радости съ другой стороны!

Велика сила дружбы и живительно ея дѣйствіе! Это добродѣтель, возвышающая наше сердце, безразлично, даемъ ли мы или беремъ.

Но друзья у „воротъ смерти“ не могли предаваться своимъ чувствамъ. Шумъ все приближался, слышался гулъ дико кричавшихъ голосовъ; вдвоемъ они не могли пойти противъ сотни враговъ и имъ оставалось только спасаться бѣгствомъ.—Гассанъ, входи; я подожду! —торопилъ Бѣлая Борода.

Гассанъ медлилъ съ секунду, какъ будто хотѣлъ сказать:—Иди ты впередъ, другъ и братъ, а я подожду динковъ.

Но потомъ онъ сказалъ:—Все равно: здѣсь — динки, тамъ— леопарды!

Нѣсколько минутъ спустя площадка опустѣла; вскорѣ затѣмъ въ кустахъ замелкали воины. Они оторопѣли, увидѣвъ мертвыхъ осла и леопарда, съ ужасомъ посмотрѣли вверхъ къ „воротамъ смерти“, стали въ кругъ и начали совѣщаться; потомъ ринулись впередъ, слѣдуя призыву своихъ соотечественниковъ, спѣшившихъ по дорогѣ въ Сансуси.

Тамъ надѣялись они найти своего врага, ненавистнаго

Гассана, спасшагося отъ ихъ копей только благодаря быстрому бѣгству.

Побѣда динковъ была полная.

Базингеры вздумали танцовать, и Ахметъ, въ то время единственный распорядитель серибы, далъ согласіе. Динковъ позвали, и они собрались для воинственной пляски.

Что случилось затѣмъ, объ этомъ разсказывали теперь посланные въ самыхъ отдаленныхъ дворахъ; извѣстіе о томъ, что танцоры вдругъ превратились въ воиновъ и бросились на базингеровъ, переходило отъ племени къ племени.

Ахметъ первый получилъ смертельный ударъ. Потомъ началось кровопролитіе между базингерами.

Оставшись безъ предводителя, солдаты хотѣли бѣжать, но за воротами были оцѣплены другими динками и всѣ безъ исключенія убиты. Послѣдніе никому не давали пощады; они оставляли въ живыхъ только женщинъ и дѣтей, которыхъ уводили въ рабство.

Захвативъ хлѣбные запасы, негры зажгли серибу. Храбрѣйшіе изъ нихъ, сейчасъ же послѣ нападенія на базингеровъ, отправились въ лѣсъ, чтобы тамъ выждать Гассана; предполагали, что онъ въ Сансуси.

*
* *

Въ ту ночь на Ивана-Купала Гассанъ, послѣ своей исповѣди передъ Бѣлой Бородой, еще долго блуждалъ по лѣсу. Наконецъ, онъ нѣсколько успокоился и направился по дорогѣ къ серибѣ. Деревья уже начинали рѣдѣть; вдругъ онъ поднялъ глаза и увидѣлъ на небѣ красное зарево. Гассанъ сообразилъ, что это горитъ его сериба.

Грозное зрѣлище повергло его въ отчаяніе. Онъ подумалъ, что это обыкновенный пожаръ, вызванный какой-нибудь неосторожностью его слугъ. Въ другое время съ такимъ несчастьемъ можно было справиться, но теперь, во время голода, когда его послѣдніе запасы стали жертвой огня, его положеніе въ странѣ динковъ оказывалось весьма шаткимъ.

Онъ ломалъ руки и шепталъ: — Это — наказаніе Божіе, это — судъ Божій! Овладѣвъ собой, Гассанъ поспѣшилъ впе-

редъ, чтобы спасти хоть что-нибудь. Вотъ онъ уже выходитъ изъ лѣсу... Вдругъ онъ видитъ, какъ изъ ближайшихъ кустовъ выбѣгаетъ толпа негровъ и направляется къ нему... Онъ тотчасъ узнаетъ динкскихъ воиновъ, а также и „Лису" съ поднятымъ копьемъ, во главѣ ихъ.

Что хотятъ эти люди? Напасть на него?.. Недолго ему пришлось размышлять, потому что мимо него пролетѣло нѣсколько копей и одно попало въ верхнюю часть лѣвой руки.

Гассанъ, какъ затравленный звѣрь, бѣжалъ въ лѣсъ, къ „воротамъ смерти", гдѣ Бѣлая Борода во второй разъ спасъ ему жизнь.

ГЛАВА XII.

Домашняя утварь праотцевъ.

Семь спящихъ отроковъ.—Перемѣна воздуха.—Вопросъ о горшкѣ.—Голодъ.—Бутылка для питья.—На гребнѣ горы.—Взглядъ на обѣтованную землю.—Чудесный сонъ.—Громадный дикій козелъ.—Домашняя утварь праотцевъ.—Вычищенный котелъ.—Свѣжая печень козла.—Какъ разрѣшается вопросъ относительно горшка.—Мертвая ядовитая змѣя.—Магазины.—Этнографическія изысканія.—Свѣжее индійское просо.—Поющіе лѣса.—Нахожденіе слоновой кости.—Доброй ночи!

— Наконецъ-то, ясный денекъ! Наконецъ-то, видно голубое небо и свѣтитъ солнце. Сегодня—день семи спящихъ отроковъ. Стало быть будетъ хорошая погода, а это для насъ очень кстати.

Такъ говорилъ Бѣлая Борода рано утромъ Гассану, растянувшемуся у входа въ пещеру духовъ.

Послѣдній кивнулъ головой и отвѣтилъ,—у насъ не было недостатка въ ясныхъ дняхъ. Дождя не было вплоть до недорода и голода. Но для насъ-то, конечно, лучше, чтобы не поднималось испареній съ озера духовъ и, чтобы надъ ущельемъ не стлался тяжелый туманъ.

— А въ особенности для тебя, Гассанъ,—возразилъ Бѣлая Борода;—мнѣ кажется, что лихорадка у тебя усиливается отъ сырости испареній!

— Можетъ быть, но главная причина—воздѣйствіе яда на концѣ копья,—сказалъ Гассанъ.

— А все таки ты счастливо отдѣлался! — воскликнулъ Бѣлая Борода съ искусственной веселостью.—Если бы копье попало полдюймомъ повыше, оно ранило бы аорту! А ядъ теперь уже безсиленъ, онъ не дѣйствуетъ такъ долго; у тебя просто лихорадочное состояніе отъ раны, больше ничего! Впрочемъ, я знаю для тебя одно превосходное средство!

— Какое-нибудь волшебное зелье Зюлейки?—спросилъ Гассанъ.

— Я не шучу,—продолжалъ Бѣлая Борода.—А думаю о важномъ цѣлебномъ средствѣ, рекомендуемомъ обыкновенно докторами въ Европѣ—о перемѣнѣ воздуха. Каково твое мнѣніе на этотъ счетъ, Гассанъ?

— Куда намъ идти? На развалины моей серибы или въ Сансуси, которое, вѣроятно, тоже уничтожено огнемъ? Впрочемъ ты правъ! Такая перемѣна воздуха кончила бы разомъ всѣ наши страданія: динка позаботилась бы объ этомъ!

— Опять начинаются сѣтованія! — сказалъ Бѣлая Борода.—Я хочу повести тебя далеко, черезъ горы, въ прекрасную долину!

— А, я понимаю,—прервалъ его Гассанъ: — чрезъ темныя пещеры, въ которыхъ можно встрѣтить ядовитыхъ змѣй! Вѣдь ты, кажется, поклялся никогда больше не вступать въ этотъ лабиринтъ.

— Вовсе не по лабиринту!—возразилъ Бѣлая Борода, мы пойдемъ по горнымъ тропинкамъ. Антилопы выдали мнѣ второй путь, ведущій черезъ гребень горы, и я хочу на время оставить тебя и пойти его разслѣдовать. Къ обѣду я опять вернусь! Ты можешь пока ходить взадъ и впередъ по нашему балкону, по плоскогорью предъ пещерой; но, пожалуйста, не предавайся своимъ мрачнымъ мыслямъ. Раз-

рѣши лучше задачу, которая насъ теперь такъ занимаетъ какъ и изъ чего мы можемъ приготовить себѣ горшки, чтобы варить себѣ кушанье. Мнѣ давно хочется поѣсть хорошаго бульона; раздобудь горшокъ, а ужъ заботу объ изящнѣйшихъ деревянныхъ ложкахъ я беру на себя.

Гассанъ улыбнулся.

— Такъ-то лучше товарищъ!—продолжалъ Бѣлая Борода,—сдѣлай милость, посмѣивайся, но изобрѣти мнѣ горшокъ! Пока до свиданья!

Онъ пожалъ Гассану руку и направился въ маленькій лѣсокъ, налѣво отъ пещеры духовъ. Но едва только онъ скрылся отъ взглядовъ своего товарища, какъ напускная веселость его исчезла и лицо его приняло озабоченное выраженіе. Бѣлая Борода зналъ, что положеніе товарища серьезное, вѣрнѣе даже—безнадежное.

Пещера духовъ представляла дурное мѣстопребываніе для больного; даже здоровый съ трудомъ могъ влачить въ ней существованіе.

Здѣсь не было ни съѣдобныхъ кореньевъ, ни плодовъ; дичь состояла изъ нѣсколькихъ птицъ, гнѣздившихся на деревьяхъ. Антилопы не показывались. Къ тому же друзьямъ была доступна всего лишь узкая полоса земли, ограниченная со стороны горъ неприступными обрывами, а со стороны долины—бурными ручьями.

Въ этой мѣстности среди роскошнѣйшей растительности можно было умереть съ голоду. Бѣлая Борода благословлялъ случай, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принесъ сюда значительный запасъ пороху, къ счастью, не отсырѣвшаго въ одной изъ боковыхъ пещеръ; благодаря этому запасу онъ могъ по крайней мѣрѣ стрѣлять птицъ.

Бѣлая Борода отправлялся и на поиски яицъ, но ему удалось розыскать гнѣзда лишь мелкихъ видовъ зябликовъ и ткачиковъ. Почти всю свою незначительную добычу онъ отдавалъ Гассану, самъ же ѣлъ жесткое прокоптѣлое мясо попугаевъ, изжаренное на вертелѣ самымъ первобытнымъ способомъ.

У друзей не было даже горшка, чтобы варить мясо птицъ! Бутылку для питья съ грѣхомъ пополамъ раздобыли. Самъ Бѣлая Борода утолялъ жажду въ одномъ изъ доступныхъ ручьевъ долины; для Гассана же, которому трудно было взбираться по горамъ, онъ приносилъ воды по нѣскольку разъ на дню въ одной изъ пороховницъ.

Не удивительно, что страна по ту сторону горы, по воспоминаніямъ, казалось Бѣлой Бородѣ землей обѣтованной. Онъ уже давно пролѣзъ бы по темнымъ проходамъ, если бы его не отговаривалъ Гассанъ.

— Змѣя давно умерла!—говорилъ Бѣлая Борода.

— Но ядъ ея зубовъ сохраняетъ свою силу въ теченіи многихъ лѣтъ, — отвѣчалъ обыкновенно Гассанъ. — Кромѣ того, змѣи могутъ цѣлые недѣли и мѣсяцы обходиться безъ пищи.

Что сдѣлалось съ Гассаномъ? Отчего онъ сталъ такимъ боязливымъ? Кто не знаетъ, что тяжелая болѣзнь можетъ сдѣлать нерѣшительнымъ и мужчину!

„Но разъ не пускаютъ сквозь гору, можно будетъ попытать счастья перебраться черезъ нее". Такъ думалъ Бѣлая Борода, идя по тропинкѣ, по которой скрылась серна, замѣченная имъ во время перваго посѣщенія пещеры.

Взбираться по крутизнѣ въ простыхъ сапогахъ безъ гвоздей, не имѣя въ рукахъ даже палки—являлось нелегкой задачей. Тѣмъ не менѣе ему удалось достигнуть гребня, покрытаго роскошной свѣжей травой.

Предъ нимъ разстилался прелестный видъ. Внизу рѣка развѣтвлялась, образуя цѣлую сѣть рукавовъ, а мѣстами и маленькія озера. Эта мѣстность напомнила Бѣлой Бородѣ видъ родной деревни во время половодья, когда разливался Гавель.

Рѣка должна была изобиловать рыбой и раками, по поверхности ея стаями носилась водяная птица, на обширныхъ травянистыхъ степяхъ, вѣроятно, паслись антилопы! Какое раздолье для охотника, какой соблазнъ для голоднаго желудка! Внизу росли пальмы, масличныя деревья, виноградъ·

Навѣрное тамъ были и клубни, могущіе замѣнить картофель. Спинка серны съ картофелемъ! Какой деликатесъ!

Да, земля была обѣтованная, но она была недоступна! Нигдѣ съ гребня не видно было тропинки, ведущей внизъ: всюду виднѣлись однѣ гладкія стѣны.

У Бѣлой Бороды стало тяжело на душѣ. Онъ твердо рѣшилъ пойти завтра, чѣмъ свѣтъ, въ глубь пещеры, чтобы тамъ ни говорилъ Гассанъ. Попытался было онъ взглянуть на Сансуси и на серибу Гассана, но другіе гребни горъ заслоняли перспективу.

Съ горы онъ спустился въ болѣе веселомъ расположеніи духа: у него явилась надежда на лучшіе дни.

Достигнувъ подошвы горы, онъ сѣлъ отдохнуть на камень, положилъ ружье рядомъ и задремалъ. Онъ очень усталъ и отдыхъ ему былъ пріятенъ; еще пріятнѣе было то, что онъ увидѣлъ во снѣ.

Бѣлая Борода находился въ прекрасномъ паркѣ, въ свѣжей зелени деревьевъ виднѣлись роскошные плоды: яблоки, груши, сливы и вишни, все это поспѣло какимъ-то чудомъ одновременно и напоминало сказочную страну съ молочными рѣками и кисельными берегами. Всѣмъ онъ могъ наслаждаться вволю; вокругъ него стояли слуги въ турецкомъ платьѣ и махали надъ нимъ опахалами, освѣжая его разгоряченное лицо. Но самое прекрасное была пріятная музыка, раздававшаяся по всему парку... Бѣлая Борода проснулся, открылъ глаза, но все еще продолжалъ слышать звуки этой музыки. Они доносились изъ рощи, находящейся предъ нимъ, и представляли не то свистъ, не то игру на флейтѣ. Онъ еще не успѣлъ отдать себѣ отчета въ слышанномъ, какъ вдругъ позабылъ все и весь обратился въ зрѣніе.

На краю рощи стоялъ горный козелъ свѣтлосѣраго цвѣта, съ длинной шерстью на груди. Онъ походилъ на сильнаго буйвола и гордо несъ голову съ громадными рогами, вызывающе потряхивалъ онъ краснобурой жесткой гривой, спускавшейся съ выгнутаго затылка до загривка. Вотъ онъ повернулся, помахивая хвостомъ и шумно приминая траву

своими тяжелыми, черными ногами съ бѣлыми каемками вокругъ щиколтки. Не обращая вниманія на Бѣлую Бороду, онъ собирался пастись на привычныхъ мѣстахъ.

Сердце охотника наполнилось восторгомъ: дѣйствительность превосходила сонъ. Какіе дары ниспосылало имъ небо!

Благородный звѣрь былъ въ двадцати шагахъ — какой легкій выстрѣлъ! какая вѣрная добыча! Бѣлая Борода осторожно протянулъ руку за ружьемъ, отодвинулъ предохранительный взводъ... козелъ сдѣлалъ движеніе—но пуля уже засѣла ему въ лопатку.

Раненый звѣрь подскочилъ, потомъ на мгновеніе остановился, разставивъ ноги и опустивъ голову, и затѣмъ упалъ на траву.

Веселый крикъ огласилъ суданскій горный ландшафтъ. Затѣмъ охотникъ принялся потрошить звѣря и немного спустя потащилъ тяжелую ношу внизъ въ пещеру духовъ.

— Вотъ, если бы горшокъ!—думалъ онъ.—Какъ вкусно можно бы было приготовить свѣжую печень козла! Но теперь у нихъ будетъ по крайней мѣрѣ сочное жаркое, это ужъ не подлежало сомнѣнію.

Бѣлая Борода нарочно подходилъ тихо къ пещерѣ, чтобы удивить Гассана, бросивъ къ его ногамъ африканскаго дикаго козла. Но еще не доходя до балкона, онъ самъ остановился пораженный. Ужъ не умѣлъ ли Гассанъ колдовать? Онъ сидѣлъ на землѣ, окруженный кувшинами, горшками и жаровнями, и чистилъ палочкой котелокъ. Лихорадка, казалось, совсѣмъ оставила его; глаза смотрѣли радостно.

— Гассанъ!—воскликнулъ удивленный Бѣлая Борода — что это значитъ?

Гассанъ спокойно посмотрѣлъ на него, потомъ улыбнулся, увидѣвъ козла, и сказалъ:

— Ты блестяще исполнилъ свою задачу. Я тоже доволенъ, что, повидимому, разрѣшилъ вопросъ о горшкѣ. Если тебѣ недостаточно того, что видишь здѣсь, то можешь получить еще.

— Откуда эти горшки? какъ они попали сюда? — спросилъ, все еще удивляясь, Бѣлая Борода.

— Домашняя утварь праотцевъ!—возразилъ Гассанъ съ мрачнымъ юморомъ;—но я голоденъ и не прочь бы поѣсть свѣжей козлиной печени. Бѣги-ка, товарищъ, къ ручью и почисти хорошенько пескомъ этотъ котелокъ: онъ давно не видалъ такого счастья. А когда мы поѣдимъ, я разскажу тебѣ, какъ былъ разрѣшенъ вопросъ о горшкѣ.

Чисто на чисто вымылъ Бѣлая Борода желѣзный котелокъ, насколько вообще можно отмыть старое ржавое желѣзо, очистилъ также глиняный горшокъ и понесъ его наверхъ съ водой. Вскорѣ въ котелкѣ закипѣла вода и оба товарища стали наслаждаться запахомъ приготовляемаго мяснаго кушанья. Потомъ они разрѣзали печень своими охотничьими ножами и утолили голодъ.

— За ваше здоровье! — воскликнулъ затѣмъ Бѣлая Борода, сдѣлавъ большой глотокъ изъ глиняного горшка. — За твое здоровье, товарищъ! Все-таки вода — всему голова!

— За твое здоровье! — отвѣтилъ Гассанъ. — Да вѣдь у насъ сегодня классическій пиръ; напитокъ не уступаетъ фалернскому вину. Собственно, слѣдовало бы увѣнчать горшокъ цвѣтами; вѣдь мы пьемъ изъ урнъ!

— Тѣло насытилось,—продолжалъ Бѣлая Борода; — теперь надо подумать о духѣ. Разскажи, Гассанъ, какъ ты разрѣшилъ вопросъ о горшкѣ?

Солнце только что зашло. Гассанъ пододвинулся къ огню и началъ.

— Случаю мы обязаны величайшими открытіями и изобрѣтеніями. Обыкновенно люди ищутъ одно, а найдутъ другое. Такъ было и со мной.

— Я думалъ не о томъ, какъ мнѣ здѣсь приготовить горшокъ, а о томъ, какъ къ нему подойти. Уже въ первый день, когда мы похоронили карлика въ обширномъ склепѣ динковъ, мнѣ пришло въ голову, что негры здѣсь жили недѣлями и навѣрное должны были оставить утварь, которая теперь могла бы намъ пригодиться. Пока ты уходилъ стрѣ-

лять птицъ и разорять гнѣзда, я также не бездѣйствовалъ; я тщательно изслѣдовалъ боковыя пещеры, но безуспѣшно. Потомъ ты мнѣ разсказалъ о проходѣ къ рѣкѣ и я занялся этимъ предметомъ, совершенно забывъ о горшкахъ.

— Ты былъ въ проходѣ? — спросилъ Бѣлая Борода, вставая.

— Да, милый другъ,—возразилъ улыбаясь Гассанъ, — я нашелъ его; нашелъ даже больше, — продолжалъ онъ, приподнимаясь, чтобы взять какой-то кувшинъ;—въ этой урнѣ лежитъ змѣя; она мертвая, брось ее подальше въ долину. Теперь я понимаю тебя, товарищъ; ты сердишься, что я не предоставилъ тебѣ искать змѣю и самъ удалилъ препятствіе, заграждавшее тебѣ дорогу къ рѣкѣ. Но мнѣ захотѣлось хоть разъ пожертвовать своей жизнью за другихъ, и если бы со мной случилось несчастье, я умеръ бы охотно и съ спокойной душой!

Бѣлая Борода молча пожалъ ему руку, а Гассанъ продолжалъ:

— Я еще вчера былъ въ темномъ проходѣ, но не могъ далеко пройти, такъ какъ сырыя смолистыя вѣтки постоянно гасли. Сегодня же, когда ты отправился на гору, мнѣ какъ-то повезло; лучины горѣли лучше, и послѣ недолгихъ поисковъ я нашелъ палку, воткнутую въ землю; я вытащилъ ее и увидѣлъ висящую на ней ядовитую змѣю. Довольный такимъ успѣхомъ, я прислонился къ стѣнѣ и тутъ замѣтилъ въ скалѣ напротивъ, на высотѣ двухъ-трехъ футовъ, небольшія ниши, а въ нихъ какія-то странныя груды. Меня это заинтересовало; я изслѣдовалъ одну изъ нихъ и вскорѣ съ большой радостью убѣдился, что вопросъ относительно горшка рѣшенъ: предо мной была нагромождена цѣлая динкская кухня.

— Въ этихъ нишахъ десятки лѣтъ тому назадъ негритянки сохраняли свою кухонную посуду, которой, кажется, хватило бы на сотни людей.

— Въ первый найденный горшокъ я положилъ мертвую змѣю и продолжалъ свои изысканія. Ученый, отрывающій

изъ-подъ пепла въ Помпеѣ драгоцѣнныя урны, едва ли испытываетъ большую радость, чѣмъ испытывалъ я. Многое изъ утвари праотцевъ было хрупко и разсыпалось у меня въ рукахъ, но многое уцѣлѣло, было годно къ употребленію и при постукиваніи издавало чистый звукъ; наконецъ, по лязгу я нашелъ въ кухонномъ складѣ желѣзный котелъ и рѣшилъ вытащить всю коллекцію на свѣтъ Божій. Такъ какъ тебя еще не было, то я занялся археологическимъ изученіемъ.

— Я осмотрѣлъ кувшины и горшки безъ ручекъ, очистилъ ихъ отъ помета летучихъ мышей, чтобы различить орнаменты: треугольникъ и ломанная линія. Предки динковъ купили этотъ горшечный товаръ у сосѣдняго племени бонго, въ кузницѣ котораго былъ приготовленъ и котелъ. Въ теченіе десятковъ лѣтъ культура здѣсь не сдѣлала ни шагу впередъ. Этотъ кувшинъ походитъ на современный, какъ двѣ капли воды. Онъ имѣетъ полтора фута въ діаметрѣ, очень емокъ и можетъ намъ служить кадкой. Кувшины для масла, подобные вотъ этимъ, и по сіе время можно встрѣтить въ домахъ динковъ; Зюлейка до сихъ поръ употребляетъ жаровни, ничѣмъ не отличающіяся отъ найденныхъ.

— Но вотъ что самое интересное! Я нашелъ трубку и притомъ тонкой работы; она представляетъ голову негра. Судя по прическѣ, можно бы было сказать, что это головной бюстъ нашего почтеннаго непріятеля „Лисы“. Жаль только, что мнѣ не удалось найти табаку, а то бы можно покурить за фалернскимъ, и табакъ ужъ навѣрно оказался лежалымъ. Ты смѣешься, но сознайся, что и ты радостно привѣтствовалъ бы теперь листочекъ африканскаго хорошаго табаку и сталъ бы утверждать много лѣтъ спустя, что предъ пещерой духовъ, въ день семи спящихъ отроковъ, ты курилъ такой гаванскій табакъ, какого не приходилось во всю жизнь.

— Находки мои важны, но еще важнѣе—мои предположенія. Въ пещерѣ, навѣрно, скрыто цѣлое динкское хозяйство.

— Гдѣ есть желѣзные котлы, тамъ по угламъ должны быть разставлены и желѣзныя лопаты.

Подумай только, какое это имѣетъ значеніе! Когда мы съ тобой проникнемъ сквозь гору въ обѣтованную землю на берегу рѣки, намъ можно будетъ вскопать почву, сѣять и жать, потому что я увѣренъ, что въ пещерѣ найдется зерновой хлѣбъ.

— Пожалуйста, не смѣйся! Сѣмена васильковъ, найденныя въ одной римской могилѣ, взошли черезъ тысячу триста лѣтъ. Почему бы тоже самое не можетъ удасться и намъ? Зерна въ пещерѣ — свѣжи въ сравненіи съ тѣми, которыя сохранялись въ теченіе тысячелѣтія. Ты думаешъ, что это — моя фантазія? Такъ загляни же въ высокую урну направо отъ тебя, Ѳома невѣрующій! Можешь смѣло опустить въ нее руку: тамъ нѣтъ змѣи. Вотъ такъ! Ну, что же ты пересыпаешь между пальцами, не индійское просо? Тебѣ, собственно, не слѣдовало отпускать Зюлейки; надобно было бы взять ее съ собой; она натолкла бы намъ теперь муки и мы напекли бы яичныхъ тортовъ, хоть и изъ зябликовыхъ яицъ.

Твоя пещера, Бѣлая Борода,—одно великолѣпіе! Она — источникъ всего хорошаго, какъ ты самъ, и я твердо убѣжденъ, что она дастъ намъ и топоры, съ помощью которыхъ мы будемъ въ состояніи срубать деревья и сколотить плотъ, чтобы поплыть на сѣверъ, по теченію!

— Охотничьми ножами намъ едва-ли удалось бы добыть строевой матеріалъ.

— Вотъ все, что я имѣю сообщить; теперь очередь за тобой: разскажи, какіе ты нашелъ пути и тропинки, и какъ тебѣ удалось убить козла. Недурно имѣть полное хозяйство, но какой-же прокъ въ горшкахъ, если они пустые? Честь тебѣ и слава, что ты обратилъ пустыя урны динковъ въ истинные мясные горшки египетскіе. Ты — настоящій волшебникъ, Бѣлая Борода! Дай-ка еще глотокъ фалернскаго, вытекающаго изъ нѣдръ горъ!

— Послушай,—сказалъ нѣкоторое время спустя Бѣлая Борода,—мнѣ придется переименовать Лео, въ случаѣ, если

онъ опять будетъ у меня, потому что ты теперь будешь носить его имя. Лицо Гассана омрачилось и онъ отрицательно покачалъ головой,—ты знаешь, этого нельзя; я долженъ остаться Гассаномъ.

— Какъ хочешь,—возразилъ Бѣлая Борода, пожимая ему руку.

Наступило тяжелое молчаніе.

Гассанъ первый прервалъ его, уговаривая товарища разсказать о своихъ сегодняшнихъ охотничьихъ похожденіяхъ.

Но тотъ продолжалъ разспрашивать Гассана о предметахъ, найденныхъ въ пещерѣ, и съ юношескимъ жаромъ строилъ планъ за планомъ. Мысленно онъ уже плылъ съ своимъ другомъ по направленію къ ближайшей мешерѣ.

— Ты радуешься, какъ Робинзонъ, когда онъ нашелъ потерпѣвшій крушеніе корабль,—сказалъ улыбаясь Гассанъ,—обрадуй-же и меня; разскажи объ обѣтованной землѣ, которую ты обозрѣвалъ съ высокой горы и къ которой мы завтра пойдемъ или пополземъ!

Бѣлая Борода разсказалъ все, упомянулъ и о томъ, что видѣлъ во снѣ. Окончивъ разсказъ, онъ воскликнулъ,—но неужели музыка была обманомъ чувствъ, Гассанъ? Убивъ козла, я отъ радости совсѣмъ забылъ о ней—да я ея больше и не слышалъ и потому не узналъ, откуда шли эти звуки.

— А изъ какихъ деревьевъ состояла роща? Не изъ бѣлоствольнихъ акацій?—спросилъ Гассанъ.

— Да, изъ нихъ—отвѣтилъ Бѣлая Борода.

— Такъ это тебѣ спѣло колыбельную пѣснь поющее дерево.

У основанія шиповъ акацій поселяется насѣкомое; когда послѣднее оставляетъ дерево, то припухшее, полое внутри вздутіе у основанія шипа становится резонаторомъ, вѣтки колеблятся вѣтромъ, шипы дрожатъ и издаютъ звукъ, похожій на свистъ. Лѣса поющихъ деревьевъ тянутся иногда на цѣлыя мили; въ особенности зимой, когда оголенный лѣсъ стоитъ весь бѣлый, въ немъ раздаются сотни аккордовъ. Поющіе лѣса здѣсь вовсе не сказка.

Приближалась полночь и Бѣлая Борода хотѣлъ идти спать. Но Гассанъ удержалъ его, говоря,—нѣтъ я не отпущу тебя такъ рано; мнѣ хочется подѣлиться съ тобой одной тайной, которую я скрываю уже второй день. Вчера я какъ то не могъ открыть ея тебѣ. Оба мы были голодны и мое сообщеніе явилось бы какой то насмѣшкой.—Однако, лихорадка у меня сегодня гораздо слабѣе, хотя впрочемъ неизвѣстно, что скажетъ ночь, послѣ такого полнаго событій и волненій дня!—Такъ слушай-же: вчера, когда я искалъ змѣю, я наткнулся въ одной узкой боковой пещерѣ на слоновую кость.

— Ну!—сказалъ Бѣлая Борода равнодушно.

— Я такъ и зналъ,—продолжалъ Гассанъ,—что это извѣстіе не произведетъ на тебя впечатлѣнія, а между тѣмъ оно важно для обоихъ насъ. Положимъ, что намъ удастся спасти жизнь и добраться на плоту до мешеры, но вѣдь въ Хартумъ мы пріѣдемъ съ пустыми руками. Моего имущества въ этомъ городѣ едва-ли хватитъ для основанія новой серибы, а вѣдь ты знаешь, чего требуютъ Хартумцы: слоновой кости и негровъ! Но я уже не хочу больше осквернять себя торговлей людьми, уведеніемъ ихъ въ рабство,—я въ этомъ поклялся и рѣшилъ исправиться, стоять въ этой странѣ за доброе дѣло, защищать бѣдныхъ и несчастныхъ. Видишь ли, другъ мой, съ помощью найденной слоновой кости мы можемъ этого достигнуть. Мы будемъ въ состояніи основать новую серибу, образцовую станцію, подъ знаменемъ креста. Ты будешь хозяиномъ, а Гассанъ, мусульманинъ, будетъ твоимъ слугой. Мы дадимъ странѣ счастье и миръ, и я найду, быть можетъ, покой для своей души. Это будетъ мнѣ единственной, высочайшей наградой, возможной для меня на землѣ.

— Ты не отвѣчаешь, Бѣлая Борода? Вѣдь слоновая кость эта не имѣетъ хозяина и по праву принадлежитъ тому, кто ее нашелъ. Предъявить какія-нибудь претензіи могли бы развѣ летучія мыши, да и тѣ начинаютъ покидать пещеру съ тѣхъ поръ, какъ мы зажгли въ ней свои костры.

Что же намъ стѣсняться? Ты открылъ пещеру и тебѣ принадлежитъ находка! Или ты, можетъ быть, не хочешь ѣхать со мной, хочешь меня оставить?

— Нѣтъ, Гассанъ,—воскликнулъ Бѣлая Борода въ радостномъ волненіи.—Отнынѣ мы будемъ работать вмѣстѣ. Вотъ тебѣ моя рука въ томъ, что я тебя не оставлю. Но мы не можемъ покинуть пещеры, прежде чѣмъ я не исполню своего долга. Что сталось съ Сансуси? Динки, навѣрно, ушли на родину, но Лео—вѣдь бари, чужой среди динковъ. Я долженъ спасти его, если не поздно. Какъ спасти,—это въ волѣ Божьей, Господь наставитъ меня. Но до того времени ты подожди, Гассанъ.

— Я помогу тебѣ въ этомъ, насколько могу,—воскликнулъ послѣдній, взявъ руку Бѣлой Бороды;—я готовъ отдать жизнь для освобожденія Лео!

Бѣлая Борода—Доброе Сердце съ благодарностью взглянулъ на Гассана и искренно отвѣтилъ на его рукопожатіе. Потомъ прибавилъ съ счастливой улыбкой, вотъ такъ Гассанъ; это дѣло; мы еще заживемъ съ тобой душа въ душу. Доброй ночи, мой другъ!

Вскорѣ затѣмъ Бѣлая Борода уснулъ на ложѣ изъ листьевъ. Гассанъ же еще долго сидѣлъ, устремивъ взоръ въ темноту ночи. Такъ же темно, какъ эта ночь, было ихъ будущее: оба они шли навстрѣчу невѣдомымъ опасностямъ; но Бѣлая Борода уповалъ на Бога, а Гассанъ сегодня тоже въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ сомкнулъ усталые глаза въ надеждѣ на Его помощь.

ГЛАВА XIII.

Обѣтованная земля.

Пшенная каша съ мяснымъ фаршемъ.—Ложки.—Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.—Змѣиный пунктъ и ворота жизни.—Сквозь горы.—Новое пепелище.—Картофель, грибы и пряности.—Дикій рисъ и виноградъ.—Тарелки.—Амбачъ.—Легкая гондола.—Сострадательный динка.

Когда Гассанъ проснулся на слѣдующій день, Бѣлая Борода уже былъ за стряпней. Надъ огнемъ кипѣлъ коте-

локъ. Послѣ сердечнаго „Добраго утра“ охотникъ сказалъ Гассану,—на завтракъ сегодня будетъ пшенная каша съ мяснымъ фаршемъ. Жаркое поѣдимъ въ обѣдъ, когда принесемъ себѣ изъ обѣтованной земли картофеля!

— Гассанъ засмѣялся.

— Какое знатное меню!—воскликнулъ онъ.—Я чувствую себя словно возрожденнымъ. Посмотри, рана заживаетъ, а лихорадка совсѣмъ прошла!

— Ты и спалъ-то богатырскимъ сномъ!—прервалъ его Бѣлая Борода, усердно строгая какой-то кусочекъ дерева.

— Что это ты дѣлаешь?—спросилъ Гассанъ,—никакъ—ложки?

— Конечно. Я вѣдь обѣщалъ тебѣ, что если ты достанешь горшокъ, то я изготовлю ложки. Вотъ и вторая готова! Въ чуланѣ динковъ ты, конечно, не нашелъ ложекъ, а для пшенной каши онѣ—нужны.

Вскорѣ товарищи усѣлись за дымящійся котелъ. Гассанъ хотѣлъ сейчасъ-же начинать ѣсть, но Бѣлая Борода его удержалъ.

— Подожди-же, — сказалъ онъ; — вчера мы ѣли, какъ язычники, но нельзя же всегда такъ. Надо помолиться, хотя-бы и въ нѣсколькихъ словахъ.—Съ этими словами онъ сложилъ руки къ молитвѣ и произнесъ: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, аминь“!

Гассанъ былъ глубоко потрясенъ; ужь много лѣтъ онъ не читалъ молитвы. Онъ также сложилъ руки и проговорилъ дрожащимъ голосомъ: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, Аминь“!

Бѣлая Борода радостно взглянулъ на него.

— А теперь пріятнаго аппетита, товарищъ!—воскликнулъ онъ.

Начали ѣсть пшенную кашу.

— А всетаки у пшена затхлый вкусъ!—говорилъ смѣясь Бѣлая Борода,—а ты еще говорилъ вчера, что оно свѣжее. Можно себѣ представить, каковъ долженъ быть вкусъ хлѣбныхъ зеренъ изъ свайныхъ построекъ!

— Потому ты, вѣрно, и сдѣлалъ ложки изъ душистаго дерева. Онѣ сообщаютъ кашѣ свой ароматъ!—возразилъ Гассанъ, отвѣчая шуткой на шутку.

Завтракъ продолжался все въ томъ же веселомъ настроеніи; наконецъ, Бѣлая Борода поднялся, говоря,—пора наконецъ и за работу! Помоги мнѣ связать эти ліаны. Веревки, которыя я тогда захватилъ изъ серибы, едва-ли хватитъ, а намъ необходима руководящая нить въ этомъ лабиринтѣ!

Ліанъ была уже связана цѣлая куча. Тутъ Бѣлая Борода разсмѣялся и сказалъ,—довольно пока! Это и такъ напоминаетъ исполинскія колбасы, какія носили въ средніе вѣка по городамъ Германіи для торжественной встрѣчи новаго столѣтія. А теперь впередъ! Я долженъ прослѣдить самъ разъ уже пройденную дорогу; ты мнѣ только помѣшалъ бы. Заблудиться на этотъ разъ невозможно. Первый колъ мы вобьемъ тамъ, гдѣ ты нашелъ змѣю и назовьемъ его „Змѣинымъ пунктомъ“; для выхода изъ пещеры я тоже нашелъ подходящее названіе: назовемъ его „воротами жизни“ въ отличіи отъ „воротъ смерти“. А теперь тронемся къ „воротамъ жизни“!

— „Змѣиный пунктъ“ и „ворота жизни“—бормоталъ Гассанъ,—это—странныя станціи, мой другъ! Дѣйствительно-ли мы вступимъ въ новую жизнь, миновавъ эти ворота? Ты говорилъ, что тамъ мѣстность безлюдная, что на рѣкѣ не видно судовъ!

— Да ну тебя,—задорно воскликнулъ Бѣлая Борода;—приплывутъ и суда. Разчувствовался! Должно быть ты и вправду, собрался умирать.

— Я думалъ о своей могилѣ,—серьезно отвѣтилъ Гассанъ. Въ случаѣ, если я здѣсь умру, то похорони меня въ пещерѣ, около того мѣста, гдѣ я нашелъ змѣю.

— Постараюсь запомнить твою послѣднюю волю!—воскликнулъ Бѣлая Борода, стараясь отвлечь Гассана отъ мрачныхъ мыслей;—но ты мнѣ обѣщалъ топоръ, необходимый для по-

стройки плота. Такъ сдержи свое слово, пока я буду измѣрять, подобно геометру, дорогу къ воротамъ жизни.

Оба товаращa со смѣхомъ вошли внутрь пещеры. Пока Бѣлая Борода укрѣплялъ въ темномъ лабиринтѣ нить Аріадны, Гассанъ гремѣлъ посудой въ кладовыхъ динковъ, пока наконецъ нашелъ, чего искалъ,—годный къ употребленію топоръ.

Бѣлая Борода вернулся раньше условленнаго времени.

— Дорога вовсе не такъ далека, если идти вдоль веревки,—говорилъ онъ.—Иди, Гассанъ. Пойдемъ въ обѣтованную землю! Ты положилъ мясо въ горшки. Браво! Мы захватимъ въ Ханаанъ мясные горшки Египта!

Нагруженные горшками, съ винтовками за спиной, оба товарища отправились въ путь. Веревка и ліаны указывали имъ дорогу, и, несмотря на неудобства и затрудненія, которыя представлялъ проходъ по низкимъ корридорамъ, они въ полчаса съ небольшимъ дошли до „воротъ жизни“. Летучія мыши производили неимовѣрный гвалтъ, но это мало безпокоило нашихъ путниковъ. Они уже были хорошо знакомы съ подземнымъ міромъ и не боялись его кажущихся ужасовъ.

Обширная могила племени динковъ стала для нихъ привѣтливымъ кровомъ, а пещера съ ея кладовыми являлась въ ихъ глазахъ сокровищемъ громадной цѣнности.

Но они были люди, дѣти свѣта, и сердце ихъ возликовало, когда они наконецъ ступили на обѣтованную землю.

Въ нѣсколькихъ шагахъ пониже „воротъ жизни“ возвышалось маленькое плоскогорье, примыкавшее къ скалѣ, которая кончалась выступомъ, образуя родъ крыши.

Бѣлая Борода повелъ своего товарища къ этому мѣсту со словами,—вотъ наша дача. Прекрасный видъ, не правда ли? Какъ зеленый коверъ спускается мѣстность къ рѣкѣ; серебристой лентой извивается по ней ручей. Направо изъ нѣдръ скалъ бьетъ водопадъ; плескъ и журчанье его доносится доверху. Направо и налѣво—деревья, отроги лѣса, покрывающаго вершину горы. Эта площадь земли въ четверть

квадратной мили—наша неоспоримая собственность, и это ужъ не тюрьма, какъ ущелье смерти. Посмотри, какъ величественно катитъ рѣка свои волны по направленію къ сѣверу! По ту сторону береговъ, положимъ, тянется необозримое болото, но эта мѣстность возвышенная и здоровая. Сюда не доносятся лихорадочныя испаренія. Привѣтствую тебя, Гассанъ, на новомъ пепелищѣ!

Гассанъ пожалъ руку друга. Его также радовала привѣтливая картина, и онъ сказалъ съ веселой улыбкой,—хорошо намъ здѣсь, построимъ здѣсь кущи!

Бѣлая Борода уже опять куда то спѣшилъ.

— Отдохни, Гассанъ,—крикнулъ онъ,—я—за дровами; надо подумать объ обѣдѣ! Отправлюсь кстати и за картофелемъ,—подумалъ онъ про себя.

Но Гассанъ отдыхалъ всего одно мгновеніе и также отправился въ ближайшій лѣсъ. Когда товарищи опять сошлись на площадкѣ, каждый несъ свою лепту.

— Дровъ здѣсь—сколько угодно,—сказалъ Бѣлая Борода, бросая на землю порядочную связку;—кромѣ того я нашелъ картофель. Смотри, шляпа полна клубнями дикаго ямса.

— Къ жареному мясу подойдутъ и грибы; вотъ хорошіе сорта,—говорилъ Гассанъ, опоражнивая карманы.—Можно ѣсть спокойно: ядовитыхъ нѣтъ. А эту ягоду знаешь?—спросилъ онъ Бѣлую Бороду, поднимая пучекъ красныхъ кистей,—это дикій перецъ. Мы можемъ ѣсть теперь и рагу, когда мясо испортится и у насъ не будетъ свѣжаго.

— Нашлось для насъ и вино въ лѣсу: я нашелъ масличную пальму; сейчасъ-же послѣ обѣда я сдѣлаю надрѣзъ на стеблѣ цвѣтка, соберу сокъ и мы чокнемся пальмовымъ виномъ! А плоды ея дадутъ намъ масло. Ну, не обѣтованная ли эта земля въ самомъ дѣлѣ? Мы—избалованные европейцы, сидящіе дома у маменекъ, съ ужасомъ отказались бы отъ жаркого, жарившагося предъ ними на жаровнѣ; мы не дотронулись бы до горькихъ клубней, долженствовавшихъ замѣнять картофель, и предпочли бы скорѣе просидѣть голодными, чѣмъ пользоваться этимъ

африканскимъ столомъ. Но оба товарища уже испытали голодъ, и обѣдъ казался имъ вкуснымъ.

У нихъ были двѣ прекрасныя приправы: голодъ и веселое расположенiе духа.

Даже Гассанъ повеселѣлъ; онъ взялъ одну изъ урнъ, поднялъ ее и разбилъ о камень.

Потомъ онъ выбралъ два самыхъ большихъ черепка, говоря: „Вотъ и тарелки"!

Послѣ обѣда были предприняты новыя экскурсiи въ невѣдомое царство и было найдено многое, что могло украсить ихъ жизнь въ пустынѣ, напр. дикiе финики, особый видъ лимоновъ и др. Особенно прiятно ихъ поразило то, что на берегу рѣки росъ роскошный дикiй рисъ, почти уже созрѣвшiй. Бѣлая Борода окончательно пришелъ въ восторгъ, когда увидѣлъ стволы амбача въ пятнадцать, двадцать футовъ вышиной, возвышающихся надъ водой, какъ цѣлый лѣсъ копiй.

— Ура! Вотъ и плотъ!—воскликнулъ онъ, напередъ увѣренный въ томъ, что Гассанъ раздѣляетъ его мнѣнiе. И дѣйствительно, стволы амбача, толщина которыхъ у основанiя достигаетъ шести дюймовъ, представляютъ лучшiй матерiалъ для постройки плотовъ.

Этотъ плавучiй лѣсъ легокъ, какъ сердцевина пера, и одинъ человѣкъ можетъ унести на себѣ плотъ, способный удержать надъ водой восемь человѣкъ.

— Здѣсь мой топоръ является почти излишнимъ!—сказалъ Гассанъ, но въ его голосѣ не слышалось радости.

Взглядомъ знатока онъ окинулъ рѣку, растительность ея береговъ... Было что то такое, что мѣшало ему присоединиться къ восторгу своего юнаго спутника. Но онъ молчалъ, не желая омрачать своими предположенiями этого радостнаго дня.

На другой же день Гассанъ сколотилъ, или правильнѣе связалъ, предварительно лодку изъ амбача.

Онъ выбралъ дюжины двѣ трехлѣтнихъ побѣговъ средней величины, приблизительно въ шесть футовъ длиной,

и связалъ ихъ веревкой, взятой изъ пещеры, гдѣ вмѣсто нея были поставлены вѣхи изъ хворосту, импровизированная гондола была готова. Она вышла довольно изящная, хорошо держалась на водѣ, и ею не трудно было управлять съ помощью наскоро приготовленнаго весла.

Челнокъ вѣсилъ менѣе полцентнера и потому было довольно трудно удерживать его въ равновѣсіи, но Бѣлая Борода и раньше не разъ переѣзжалъ черезъ рѣки на лодкахъ изъ амбача и былъ увѣренъ, что сумѣетъ управлять ей.

Слѣдующее соображеніе заставило его спѣшить постройкой лодки: онъ отправлялся въ Сансуси, чтобы спасать Лео; могло случиться, что онъ уже не вернется, и ему нужно было дать Гассану вѣрное средство если не спастись, то хоть уйти отъ враждебно настроенныхъ противъ него динковъ. Брать же Гассана съ собой въ Сансуси, онъ не хотѣлъ, такъ какъ Бѣлой Бородѣ предстояло бороться съ цѣлымъ племенемъ динковъ, то было безразлично, идти туда одному или вдвоемъ, съ Гассаномъ.

Бѣлая Борода хотѣлъ повести освобожденіе Лео добромъ. Онъ никакъ не надѣялся, что послѣдній удержался въ качествѣ начальника въ серибѣ. Самому Бѣлой Бородѣ это, можетъ быть, удалось бы, но чужой негръ не могъ пользоваться уваженіемъ рабовъ и послѣдніе, навѣрно, тотчасъ-же бѣжали на родину, какъ только узнали объ исчезновеніи господина и о вспыхнувшемъ въ странѣ возстаніи.

Но Бѣлая Борода твердо вѣрилъ, что искра человѣчности есть и въ самомъ жестокомъ негрѣ—динкѣ. Развѣ Зюлейка не представляла краснорѣчивѣйшаго примѣра благодарности женщины-динки?

Онъ видѣлъ еще и другой примѣръ ихъ благородства. Между невольниками Гассана былъ одинъ, за котораго родственники заплатили выкупъ слоновой костью. Бѣдному негру страшно хотѣлось уйти домой, но у него было какое-то мучительное страданіе въ ногахъ, такъ что онъ не могъ ходить. Однажды пришелъ въ серибу отецъ этого негра, взва-

лилъ себѣ на спину взрослаго сына и понесъ его за много миль на родину.

Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце подмѣтилъ эти прекрасныя черты въ характерѣ динковъ и на нихъ надѣялся, задумавъ спасеніе Лео. Однако, нельзя было откладывать этого спасенія. Со времени ночи на Ивана-Купала прошло уже пять дней, въ это время Лео могли продать въ рабство въ какія-нибудь далекія деревни и поэтому Бѣлая Борода рѣшилъ предпринять рекогносцировку по рѣкѣ, какъ только была готова лодка.

ГЛАВА XIV.

Травянистая отмель.

До свиданья! — Прототипъ туфли. — Заросли папируса. — Мать шерсти. — Плавающіе луга. — Травянистая отмель. — Бѣгство невозможно!—Своеобразные пни.—Осажденъ бегемотами.—Между Сциллой и Харибдой.—Приходится отказаться отъ зрѣлища.—Обманутыя надежды.

Вскорѣ послѣ полудня Бѣлая Борода простился съ Гассаномъ; у послѣдняго рука все еще не совсѣмъ зажила, такъ что ему нельзя было грести, и онъ остался.

— Посмотримъ, куда насъ вынесетъ теченіе!—воскликнулъ Бѣлая Борода.

— Желаю успѣха, товарищъ!—отвѣчалъ Гассанъ, но голосъ его звучалъ какъ-то странно; онъ, казалось, былъ взволнованъ и съ трудомъ владѣлъ собой.—Всего хорошаго! До свиданья!—повторилъ онъ, крѣпко сжимая руку Бѣлой Бороды и долго не выпуская ее изъ своей.

Быстрыми шагами направился Бѣлая Борода къ рѣкѣ.—Какой онъ сталъ впечатлительный! Онъ прощался такъ, какъ будто намъ цѣлые годы не предстоитъ свидѣться!—невольно подумалъ онъ.

Потомъ онъ взялъ стоявшую у берега гондолу, сдвинулъ ее въ воду и сѣлъ въ нее, еще разъ отсалютовавъ Гассану весломъ.

Челнокъ легко отчалилъ отъ земли, понесся по теченію и вскорѣ исчезъ изъ глазъ Гассана за выступомъ скалы.

За горой рѣка дѣлала изгибъ и въ нее вдавалась длинная коса, по ту сторону которой для Бѣлой Бороды начинались незнакомыя мѣста. Конецъ косы казался ему пограничной линіей; тамъ стояла на стражѣ эмблема этихъ водъ— птица, вышиною около четырехъ футовъ, съ крыльями достигающими въ распростертомъ положеніи до семи футовъ въ поперечникѣ. Она стояла на краю берега, напоминая аиста, и, подобно аисту, постукивала клювомъ. Это былъ „прототипъ туфли", какъ ее называютъ арабы за ея исполинскій широкій клювъ. Но Бѣлая Борода не прельстился рѣдкой дичью. „Впередъ"! было его девизомъ. Непосредственно за косой горделиво возвышались заросли папируса, поднимавшагося надъ водой на десять, пятнадцать футовъ; видъ этого классическаго растенія мало радовалъ Бѣлую Бороду; папирусъ являлся для него скорѣе вѣстникомъ неудачи.

Чѣмъ дальше онъ подвигался впередъ, тѣмъ гуще становились эти заросли; къ нимъ присоединялись побѣги амбача, плававшіе по водѣ, на подобіе зеленыхъ островов. Число этихъ островов возрастало сотнями; и наконецъ они слились въ одну общую травянистую площадь. Каналъ, по которому скользилъ челнокъ, становился все уже и уже. Наконецъ вода совсѣмъ исчезла,—остался одинъ зеленый лугъ.

То, чего Гассанъ опасался давно и о чемъ Бѣлая Борода началъ догадываться недавно, дѣйствительно оправдалось: рѣка была запружена травянистой отмелью, предъ которой, разъ она образовалась, человѣкъ безсиленъ. Даже на Нилѣ прекращается судоходство и суда дожидаются цѣлыми мѣсяцами, пока сама природа не удалитъ этого препятствія разливами воды. Этотъ слой растительности иногда достигаетъ такой толщины, что на немъ пасутся стада рогатаго скота!

Надежды многихъ путешественниковъ были разбиты этими травянистыми отмелями, они принудили остановиться не одного смѣлаго естествоиспытателя и доставили большіе убытки многимъ купцамъ... Бѣлая Борода также стоялъ предъ ними въ нерѣшимости.

Вокругъ взоръ не встрѣчалъ ничего, кромѣ папируса, амбача и водяной травы, той своеобразной, покрытой шерстянымъ пушкомъ травы, которую называютъ „матерью шерсти“, но которая такъ колюча, что человѣкъ не можетъ долго ходить по такимъ воднымъ лугамъ.

Бѣлая Борода рѣшилъ повернуть назадъ и поискать другихъ протоковъ. Быть можетъ, все таки найдется проливъ въ этой травѣ, и падать духомъ сразу не слѣдовало! Но тщетно онъ гребъ по всевозможнымъ направленіямъ: вездѣ та же преграда, всѣ каналы между островами папируса кончались у травянистой отмели!

Солнце заходило на горизонтѣ; надо было возвращаться, хотя и съ обманутыми надеждами. Ему удалось пробраться сквозь гору; но противъ травянистой отмели онъ былъ безсиленъ.

Но нельзя ли обойти эту отмель по берегу? Его челнъ такъ легокъ, что его безъ труда можно унести на себѣ. Послѣднее также оказалось невозможнымъ, такъ какъ за отмелью начиналось обширное болото, которое тянулось на цѣлыя мили.

Нѣтъ, бѣгство было невозможно; приходилось оставаться, пока сама природа не уберетъ преграды, пока не наступитъ разливъ. Но можно ли было надѣяться на разливъ въ этотъ сухой годъ? Быть можетъ, придется ждать цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ, прежде чѣмъ явится возможность достигнуть мешеры внизъ по рѣкѣ!

Окончательно обезкураженный поплылъ Бѣлая Борода назадъ по извилистымъ каналамъ. Теченіе въ узкихъ протокахъ было очень стремительное—и смѣлый путешественникъ долженъ былъ упираться весломъ въ корни папируса или въ чащи побѣговъ амбача, чтобы подвинуться впередъ. Наконецъ, онъ выплылъ на широкую равнину водъ, гдѣ встрѣчались только отдѣльныя заросли папируса. Здѣсь теченіе было слабѣе и онъ уже приближался къ косѣ.

Но тутъ неожиданно явилось новое препятствіе. Въ двадцати шагахъ отъ него изъ воды выступалъ какой-то темный предметъ. Въ пятнадцати шагахъ направо онъ замѣтилъ

такой-же другой. Бѣлая Борода принялъ было сперва эти предметы за стволы деревьевъ, сносимые теченіемъ, и употребилъ свою ловкость, чтобы провести свой челнъ между ними и избѣжать такимъ образомъ столкновенія, которое могло сильно повредить его легкую гондолу.

Но вотъ вынырнуло что-то черное совсѣмъ близко, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бѣлой Бороды. Теперь онъ могъ различить, что это было не бревно, а голова бегемота.

Чудовище смотрѣло на него съ любопытствомъ, какъ бы удивляясь его появленію на этихъ безлюдныхъ водахъ. Бѣлая Борода съ своей стороны тоже наблюдалъ, хотя и съ нѣкоторымъ страхомъ, за громаднымъ животнымъ.

Встрѣча съ этими водными колоссами теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, могла быть желательной. Онъ рѣшилъ осторожно и тихо убраться отъ непріятнаго сосѣдства и пустилъ на мгновеніе свою лодку по теченію, чтобы потомъ повернуть направо... Но и тамъ возвышалась черная масса, на которой виднѣлись отдѣльные выступы и возвышенія. При болѣе тщательномъ наблюденіи эти выступы оказались острыми ушами, а возвышенія—глазами и ноздрями.

Это также была голова бегемота. Но можно было отчалить налѣво.—Увы, напрасно: и тамъ возвышалась голова. Всѣ черные брусья оказались бегемотами, которые окружали его со всѣхъ сторонъ.

Бѣлая Борода насчиталъ ихъ до двадцати штукъ.

Надъ водой было тихо; слышался только глухой шумъ волнъ, разбивавшихся о травяные острова; съ далекаго берега слабо доносился крикъ водяныхъ птицъ. Солнце бросало на рѣку косые лучи и при этомъ своеобразномъ освѣщеніи головы бегемотовъ казались еще больше, еще страшнѣе.

Даже большія парусныя суда, плавающія по Нилу, избѣгаютъ встрѣчаться съ стадами бегемотовъ: эти неуклюжія животныя не всегда уходятъ съ дороги и иногда проламываютъ суда, которыя становятся уже негодными послѣ такого столкновенія. Для маленькой же гондолы Бѣлой Бороды было еще неизмѣримо опаснѣе пробраться среди этихъ животныхъ. Каждую минуту можно было ожидать, что вода

взволнуется, что по ней пойдутъ волны въ метръ вышиной и на поверхности воды задвигаются, какъ пыхтящіе паровики, темныя тѣла великановъ.

Теперь бегемоты, казалось, спали или, можетъ быть, предавались мечтамъ, отдыхая въ прохладной влагѣ; только изрѣдка всплывала тамъ и сямъ голова или открывалась темная пасть, чтобы потомъ опять сомкнуться съ громкимъ звукомъ, издаваемымъ громадными челюстями.

Животныя наслаждались спокойствіемъ и не обращали на Бѣлую Бороду никакого вниманія; послѣдній же неотступно размышлялъ о томъ, какъ пробраться между оцѣпившими его непріятелями.

Онъ подумалъ было выстрѣлить въ нихъ подъ защитой своей зеленой крѣпости, заросли папируса, и такимъ образомъ разогнать животныхъ, но потомъ рѣшилъ, что это было бы безполезно. Нѣкоторые бегемоты дѣйствительно обратились бы въ бѣгство, но за то остальные стали бы метаться взадъ и впередъ и своимъ смятеніемъ только увеличили бы опасность.

У Бѣлой Бороды явился другой планъ. Неподалеку находилась коса, а за ней, въ бухтѣ, теченіе было менѣе сильно, такъ что тамъ можно было направить лодку противъ теченія. Доѣхавъ до косы, можно было перенести лодку по землѣ и уже безъ труда достигнуть берега долины, въ которой остался Гассанъ.

Но къ этой бухтѣ нельзя было проникнуть прямо, - надо было пуститься въ обходъ.

Солнце близилось къ западу и дальнѣйшее колебаніе было невозможно. Бѣлая Борода рѣшилъ лечь въ гондолу и направить ее по теченію къ травянистой отмели. И здѣсь изъ воды выглядывали, какъ Сцилла и Харибда, двѣ головы бегемотовъ, но на разстояніи около двадцати шаговъ другъ отъ друга, въ другихъ мѣстахъ разстояніе между чудовищами было еще меньше.

„Впередъ“! сказалъ себѣ Бѣлая Борода и, упершись весломъ въ кусты папируса, пустилъ челнъ, осторожно направляя его весломъ, чтобы проѣхать посрединѣ между бегемотами.

Бѣлая Борода подплылъ уже шаговъ на пятнадцать; еще мгновеніе—и онъ миновалъ бы трудный проходъ.

Онъ взглянулъ въ лицо одному изъ непріятелей, но ничего не могъ прочитать въ физіономіи этого существа: нельзя было даже рѣшить, хорошо ли настроено животное, или оно злится.

Вдругъ Бѣлая Борода увидѣлъ, что одинъ изъ бегемотовъ вышелъ изъ состоянія апатіи—голова его оживилась: вѣроятно, онъ заинтересовался легкимъ челнокомъ, которому глядѣлъ съ любопытствомъ вслѣдъ. Теченіе подносило гондолу все ближе къ животнымъ... вотъ она на ближайшемъ разстояніи между ними.

Чудовище, наблюдавшее за Бѣлой Бородой, не теряло челна изъ вида и даже постепенно поворачивало голову по направленію движенія лодки; быть можетъ, ему просто хотѣлось подплыть, чтобы погрызть дерево послѣдней.

Положеніе Бѣлой Бороды было критическое. Лежа у самой поверхности воды, сверкающей подъ лучами заходящаго солнца, онъ слѣдилъ за бегемотомъ и чувствовалъ свою полную безпомощность. Ужасъ положенія еще увеличивался отъ сознанія, что направо изъ волнъ зіяла такая-же пасть. Что дѣлалъ второй бегемотъ, спалъ ли онъ, также ли наблюдалъ за нимъ, или даже подплывалъ къ челноку,—въ этомъ онъ не могъ убѣдиться. Если бы онъ двинулся, повернулъ голову къ животному направо, то этимъ неминуемо обратилъ бы на себя вниманіе своего сосѣда налѣво.

Наконецъ, онъ миновалъ узкій проѣздъ; бегемоты остались позади, а одинъ даже исчезъ; слышался только легкій плескъ волнъ, разбивавшихся о челнъ. Но опасность еще не прошла: Бѣлая Борода не зналъ, плывутъ ли чудовища за нимъ или только глядятъ ему вслѣдъ. Вдругъ онъ почувствовалъ толчокъ; лодка остановилась въ кустахъ папируса. Теченіе въ этомъ мѣстѣ поворачивало, такъ что Бѣлая Борода, не мѣняя положенія, могъ взглянуть на бегемотовъ. Они по прежнему покоились въ водѣ, на разстояніи приблизительно сорока сажень отъ него.

Онъ вздохнулъ съ чувствомъ облегченія: ему удалось ми-

новать непріятельскій форпостъ. Вскорѣ затѣмъ гондола исчезла въ извилистыхъ каналахъ травянистой отмели и, послѣ нѣкотораго лавированія, бухта и коса были достигнуты.

„Прототипъ туфли“ исчезъ; солнце давно спряталось за горами, по водѣ разстилались широкія тѣни; но острый глазъ охотника еще явственно различалъ на поверхности рѣки отдѣльныя головы почтеннаго общества. Почувствовавъ подъ ногами твердую почву, Бѣлая Борода ощутилъ сильное желаніе—послать бегемотамъ выстрѣлъ и нарушить послѣ-обѣденный отдыхъ этихъ неуклюжихъ громадинъ. Зрѣлище, конечно, обѣщало быть грандіознымъ: тихая поверхность обратилась бы въ кипящій котелъ и дымящаяся пѣна вздымалась бы гораздо выше кустовъ папируса, если бы внезапно встрепенулись эти двадцать чудовищъ. Но въ положеніи Бѣлой Бороды приходилось беречь порохъ и потому онъ отказалъ себѣ въ этомъ зрѣлищѣ, взвалилъ себѣ лодку на спину, перенесъ ее черезъ узкую полосу земли, а тамъ снова поплылъ, направляясь къ своему новому жилищу.

Высоко на скатѣ горы виднѣлись „ворота жизни“.

Какой привѣтливой казалась обѣтованная земля Бѣлой Бородѣ еще сегодня утромъ! Отчего-же она теперь разстилалась предъ его взорами такая мрачная?

Не одна природа сообщаетъ мѣстности, горамъ и озерамъ извѣстный колоритъ; послѣдній довершается состояніемъ нашей души, нашимъ настроеніемъ. Что одному кажется привѣтливымъ и веселымъ, то на другого можетъ наводить тоску. Такъ было и съ Бѣлой Бородой.

Онъ уѣзжалъ веселый, въ полной увѣренности, что найдетъ путь къ свободѣ, — и горы казались ему великолѣпными, рѣка — привѣтливой, зеленые луга и лѣса, казалось, улыбались ему.

Но путь къ свободѣ оказался загражденнымъ; разочарованный возвращается онъ назадъ,—и долина, разстилающаяся предъ нимъ, кажется ему мрачной и тѣсной тюрьмой, лѣса глядятъ на него непривѣтливо, волны шумятъ какъ-то зловѣще...

Съ тяжелымъ сердцемъ приближался онъ къ новому жи-

лищу. Бѣлая Борода Нѣжное Сердце возвращался съ пустыми руками. О чемъ онъ могъ разсказать другу? Всѣ надежды были разбиты, уже не было радужныхъ плановъ на будущее, ничто уже не привлекало въ этомъ будущемъ.

ГЛАВА XV.

Новое жилище опустѣло.—Отчаянные поиски. — Голоса подземнаго міра.—Тропическая ночь.—„Гассанъ ты живъ?"—Сансуси уцѣлѣло!—Пустынникъ у „воротъ жизни".—При смерти.—Вѣсть Зюлейки.—Бѣлые.—Адьокъ и волшебная флейта.—Безразлично, другъ или недругъ.—Сестра милосердія, не оставляй меня.

Бѣлая Борода нашелъ свое новое жилище пустымъ и огонь погасшимъ. Сначала онъ подумалъ, что Гассанъ, быть можетъ, удалился въ пещеру; онъ подошелъ къ „воротамъ жизни" и сталъ звать его по имени, но не получилъ отвѣта.

Тогда онъ побѣжалъ къ ручью, крича: „Гассанъ! Гассанъ!" — но и тутъ отвѣта не было.

Бѣлая Борода сѣлъ на камень и началъ прислушиваться. Раздавалось кваканье лягушекъ и концертъ ихъ становился такимъ громкимъ, что казалось на берегу работаетъ цѣлая сотня жестянщиковъ.

Онъ еще разъ крикнулъ въ отчаяніи: „Гассанъ! Гассанъ!" но крикъ его былъ подавленъ оглушительнымъ шумомъ рѣки.

Гассанъ, должно быть ушелъ давно, потому что пепелъ костра уже остылъ.

Но куда онъ могъ уйти?

Возбужденная фантазія Бѣлой Бороды рисовала ему всевозможные несчастные случаи. Въ концѣ концовъ онъ успокоился на томъ, что Гассанъ, вѣрно, пошелъ въ пещеру духовъ, чтобы принести остальные оставленные тамъ запасы. Было уже поздно, наступала ночь, и онъ долженъ былъ скоро вернуться. Но прошелъ цѣлый часъ, на небѣ замелькали звѣзды, а Гассана все не было.

Бѣлая Борода всталъ и пошелъ по темнымъ подземнымъ ходамъ въ пещеру духовъ; но и тамъ не нашелъ товарища, не дождался отклика на свой зовъ.

Тутъ имъ овладѣлъ безконечный ужасъ: онъ началъ догадываться, что могло произойти. Должно быть, Гассанъ опять рылся въ кладовыхъ динковъ и заблудился въ боковыхъ переходахъ. Бѣлая Борода стоялъ, ломая руки; въ пещерѣ духовъ было темно, свѣтъ мѣсяца въ нее не проникалъ... только летучія мыши съ пискомъ влетали и вылетали изъ нея.

Онъ побѣжалъ назадъ къ дорогѣ, ведшей къ воротамъ жизни, и ощупью сталъ подвигаться впередъ въ темномъ проходѣ.

„Гассанъ! Гассанъ!“ кричалъ онъ съ отчаяніемъ.

Эхо глухо повторило его крикъ, поднялась суматоха среди летучихъ мышей, но отвѣта не послѣдовало.

Бѣлая Борода нѣсколько разъ повторилъ свой зовъ, но въ отвѣтъ раздавалось все то-же насмѣшливое эхо и начинался все тотъ-же гвалтъ между ночными обитателями грота; подъ конецъ маханіе крыльями и пискъ уже не прекращались — подземный міръ казался населеннымъ невидимыми духами.

Бѣлая Борода зналъ по собственному опыту, что долженъ испытывать заблудившійся въ этомъ лабиринтѣ, что онъ долженъ переживать и чувствовать!

Слоновая кость! Страсть къ богатству, къ сокровищамъ ослѣпила Гассана; онъ не могъ противостоять этой роковой силѣ, разъ овладѣвшей имъ, пока она не погубила его. Бѣдный Гассанъ!

Бѣлая Борода стоялъ на томъ мѣстѣ, откуда подымалась дорога къ „воротамъ жизни“. Онъ остановился и снова крикнулъ: „Гассанъ! Гассанъ!

Отвѣтомъ опять было „Гассанъ! Гассанъ!“, глухо доносившееся изъ подъ его ногъ, будто звуки выходили изъ земли.

Бѣлая Борода стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи; теперь до его слуха доносился глухой шумъ воды: здѣсь зіяла пропасть, въ которую собирались подземные ключи.

Онъ обмеръ отъ ужаса и едва стоялъ на ногахъ. Если Гассанъ свалился въ эту зіяющую разсѣлину, покрытую вѣчнымъ мракомъ, то онъ погибъ,—погибъ безвозвратно!

Бѣлая Борода упалъ на колѣни. Отчаяніе его все росло;

потомъ онъ бросился на землю, далеко вытянулъ руки и поползъ впередъ, къ краю пропасти... Вотъ онъ уже можетъ обхватить этотъ край. Еще движеніе—онъ свѣшиваетъ руку; стѣна спускается отвѣсно. Еще движеніе — голова его лежитъ у самаго края бездонной пропасти... Онъ ея не видитъ, но чувствуетъ; снизу доносится шумъ волнъ, но шумъ этотъ глухой, отдаленный.

Какъ глубока могла быть пропасть?

Еще легкое движеніе—и ротъ Бѣлой Бороды находится надъ пропастью, онъ упирается подбородкомъ на ея край.

Онъ прислушивается—доносится только шумъ воды.

„Гассанъ! Гассанъ!“ кричитъ онъ изо всѣхъ силъ.

Разсѣлина отвѣчаетъ ему громко и явственно: „Гассанъ! Гассанъ!“

„Гассанъ! Гассанъ!“ отзывается немного спустя пропасть въ третій разъ, но уже упавшимъ, замирающимъ голосомъ.

Бѣлой Бородѣ казалось, что онъ слышитъ не эхо, отраженное отъ трехъ стѣнъ, а свой собственный голосъ, падающій со скалы на скалу и, наконецъ, низвергающійся въ пропасть, гдѣ его поглощаютъ волны, зловѣщій шумъ которыхъ доносился до него.

Бѣлая Борода не видитъ пропасти, но у него начинается головокружаніе. Назадъ! Онъ не въ состояніи далѣе вызывать духовъ подземнаго міра и долженъ бѣжать отъ нихъ. Онъ чувствуетъ, что если останется, то невидимая сила неудержимо увлечетъ его въ пропасть!

И онъ бѣжалъ... Вотъ онъ взбирается къ „воротамъ жизни“, не имѣя силъ бороться съ ужасами пещеры.

Величественно сіяетъ надъ землей тропическое ночное небо. Звѣзды горятъ и мѣсяцъ щедро льетъ свой серебристый свѣтъ; онъ окаймляетъ серебряными нитями подымающіяся на горизонтѣ облака, вплетаетъ серебряныя жилки въ широкія струи рѣки, тысячами блестковъ обсыпаетъ кусты и деревья. Загадочно, магически сверкаютъ на горизонтѣ созвѣздія Зодіака. Вотъ падаетъ звѣзда и вслѣдъ за ней другія сыплются на землю съ дерева на дерево, съ куста на кустъ и мелькаютъ надъ благоухающей травяни-

стой равниной: то тысячи самосвѣтящихся жучковъ носятся по воздуху.

Стрекочутъ стрекозы и кажется, будто милліоны бубенчиковъ дрожатъ надъ лугомъ; раздается кваканье лягушекъ и веселое пѣніе соловьевъ.

Но Бѣлая Борода сидитъ печальный и одинокій въ своемъ новомъ жилищѣ. Онъ разбитъ цѣлымъ рядомъ несчастій, его сила сломлена, онъ подавленъ.

Онъ такъ подавленъ своимъ горемъ, что не слышитъ приближающихся шаговъ. Чья-то рука опускается на его плечо и заставляетъ его вздрогнуть.

— Бѣлая Борода!—раздается знакомый голосъ.

— Гассанъ! ты живъ?—радостно вскрикиваетъ онъ.

— Скажи, Бѣлая Борода,—началъ Гассанъ послѣ долгаго молчанія, — какъ ты нашелъ рѣку: представляетъ ли она удобный водный путь. или судоходство по ней невозможно?

— Ты вѣрно, предвидѣлъ это? — возразилъ Бѣлая Борода;—сейчасъ же за косой начинается травянистая отмель.

— Да, я предвидѣлъ это, дорогой другъ!—сказалъ Гассанъ.—Такая рѣка, какъ эта, была бы покрыта барками и лодками, если бы была судоходна. Отсутствіе ихъ безпокоило меня; когда же я увидѣлъ на берегу папирусъ и „мать шерсти“, мои подозрѣнія еще усилились. Пока ты сегодня строилъ лодку, я вышелъ на холмъ, съ котораго видно косу; оттуда я ясно могъ различить травянистую отмель.

— И ты ничего не сказалъ мнѣ, не удержалъ меня? — съ упрекомъ воскликнулъ Бѣлая Борода.

— Да!—тихо сказалъ Гассанъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія.—Я далъ тебѣ уѣхать, чтобы осуществить на свободѣ свой планъ. И я не раскаиваюсь; благодаря этому, я могу сообщить тебѣ радостныя извѣстія. Сансуси уцѣлѣло. Лео удержался,—и знамя съ крестомъ высоко развивается надъ твоей серибой.

— Ура! — крикнулъ Бѣлая Борода, — ты былъ въ Сансуси? Безумецъ, я собственно не долженъ бы тебѣ прощать этого! Такъ жертвовать собой! Ты съ каждымъ днемъ обязываешь меня все къ большей благодарности!

— Я только исполнилъ свой долгъ, Бѣлая Борода,— спокойно сказалъ Гассанъ;—только долгъ! Почему ты подвергаешь себя опасностямъ? Только для того, чтобы спасти меня; вѣдь самъ Бѣлая Борода-Нѣжное Сердце можетъ смѣло пойти къ динкамъ; въ этомъ я никогда не сомнѣвался. Но мнѣ надобно было увѣриться въ томъ, что возстаніе было направлено только противъ меня, что даже когда оно вспыхнуло, Сансуси уцѣлѣло. Пока ты плылъ на своей легкой гондолѣ, я поспѣшилъ въ лѣсъ. Дорога была дальняя и я не рѣшался идти по протореннымъ тропинкамъ. Я крался кустарникомъ и наконецъ дошелъ до края лѣса, откуда могъ взглянуть на Сансуси. Тутъ я понялъ, почему дорога была такъ безлюдна: негры наслаждались въ Сансуси зрѣлищемъ. Къ серибѣ приближалось шествіе, — караванъ подъ иностраннымъ знаменемъ. Лео съ базингерами стоялъ у воротъ и привѣтствовалъ незнакомцевъ салютомъ изъ ружей. Наконецъ, они подошли — это были европейцы. Теперь ты знаешь все. Иди къ нимъ, мой другъ, и возвратись съ ними въ Европу.

— Слава Богу! Ты съ ними говорилъ?

Гассанъ глухо отвѣтилъ:

— Я до поздней ночи бѣжалъ по лѣсу, какъ затравленный звѣрь. Почему, это ты знаешь; вѣдь я тебѣ все разсказалъ!

— Ты увѣренъ, что онъ былъ между ними? — печально спросилъ Бѣлая Борода.

— Кто же бы еще могъ это быть! — возразилъ Гассанъ.—Я знаю это... мнѣ подсказываетъ совѣсть... Но теперь дай мнѣ отдохнуть. Мнѣ больно, грудь, голова горитъ. Не онъ одинъ меня мучитъ, не одинъ его отецъ: мою душу терзаютъ всѣ динки, которыхъ я повергъ въ несчастіе...

Начинало уже брезжить утро.

— Гассанъ, ты въ крови!—воскликнулъ онъ.

— Ахъ, эти раны не опасны,—пробормоталъ тотъ;—это царапины отъ шиповъ.., больше ничего. Но знаешь, рана въ сердцѣ, вотъ та болитъ и не заживетъ никогда... Ты вѣдь знаешь ее!

— Бѣдный Гассанъ, ты боленъ! Но, слава Богу, теперь я могу за тобой ухаживать, теперь я отправлю тебя въ Сансуси. Отдохни, товарищъ.

— Иди одинъ, Бѣлая Борода! — возразилъ Гассанъ; — мнѣ нечего искать у людей. Здѣсь я обрѣлъ себѣ новое пристанище, здѣсь я и останусь, чтобы каяться, пока не сомкнутся навѣки мои глаза и я не предстану на судъ Божій. О, жалкая жизнь!

Бѣлая Борода сидѣлъ безмолвно. Все ярче становился день и все болѣе блѣднѣло лицо Гассана. Бѣлая Борода всталъ.

— Другъ,—сказалъ онъ, — подожди меня, я возвращусь. О, еслибы у меня были крылья!

Солнце величественно всходило надъ обширнымъ болотомъ; исполинскій огненно-красный шаръ его былъ окутанъ покрываломъ тумана. Гассанъ лежалъ распростертый на ложѣ изъ сухихъ листовъ; тюрбанъ съ головы упалъ; онъ поднялъ здоровую руку и прижалъ ее къ горячей головѣ:

— Другъ,—сказалъ онъ чуть слышно,—братъ, товарищъ! Ты былъ моимъ благодѣтелемъ. Да воздастъ тебѣ Господь! Иди, помолись еще разъ со мной, прочитай мнѣ „Отче Нашъ"!

По лицу Бѣлой Бороды текли слезы; онъ сталъ на колѣни и рыдая прочелъ молитву.

Гассанъ сложилъ руки на груди, губы его шевелились, потомъ онъ сказалъ громко:

— Аминь!

Долго продолжалась невозмутимая тишина. Потомъ Гассанъ поднялся.

— Теперь я спокоенъ, мой другъ. Оставь меня, иди къ людямъ.

— Я иду, Гассанъ, иду, — воскликнулъ Бѣлая Борода,—давай, я понесу и тебя!

Гассанъ отказался.

— Поздно, товарищъ! Я усталъ, мнѣ нуженъ покой. Я усну, пока ты возвратишься.

* * *

Бѣлая Борода ушелъ за помощью. Въ этой пустынѣ не было ни одѣялъ, чтобы укутать больного, ни лекарствъ. Въ

Сансуси у него еще оставались вино и хининъ. А между прибывшими учеными былъ, можетъ быть, врачъ, который могъ оказать помощь.

Бѣлая Борода опять проходилъ по темнымъ переходамъ, навстрѣчу свободѣ, полной жизни. Но сердце его не ликовало: ему опять приходилось совершать печальный путь. Онъ миновалъ глубокую пропасть, миновалъ узкіе, путанные ходы, дошелъ до мѣста, гдѣ находилась змѣя, и вступилъ въ пещеру духовъ.

Вчера бы онъ отшатнулся при видѣ того, что представилось его глазамъ; но сегодня видъ человѣка не испугалъ его.

Передъ пещерой сидѣла человѣческая фигура и темный силуетъ ея рѣзко обрисовывался при яркомъ дневномъ свѣтѣ. Кто это сюда зашелъ? Тоже несчастный или преслѣдуемый?

Фигура поднялась, послышался лязгъ желѣза. Бѣлая Борода узналъ Зюлейку.

Когда онъ приблизился, негритянка радостно вскрикнула.

— Зюлейка,—спросилъ онъ,—какъ ты сюда попала?

Когда миновала первая радость при видѣ его, она отвѣтила удрученнымъ голосомъ:—я не могла придти раньше, Бѣлая Борода. Динки въ ту ночь оцѣпили твою серибу, такъ какъ думали, что Гассанъ скрывается въ ней. Лео хотѣлъ уже отпирать ворота. Но я знала, чего можно было ожидать отъ жаждущей мести толпы, въ случаѣ, если бы она проникла за частоколъ. Я не допустила этого и пять дней мы отстаивали серибу, пока не ушли наконецъ Лиса и сопровождавшіе его динки. Уже третьяго дня я хотѣла придти сюда, но тутъ явились посланные съ извѣщеніемъ, что къ намъ въ серибу пріѣдетъ двое бѣлыхъ съ большимъ караваномъ. Мы было подумали, что это ты съ Гассаномъ, и радовались вашему возвращенію. Оказалось, что это были чужіе путешественники, которые спрашивали тебя и Гассана. Они пришли освободить, спасти васъ; вотъ почему мы поспѣли сюда только сегодня на разсвѣтѣ.

— Какъ? Бѣлые здѣсь неподалеку?—спросилъ Бѣлая Борода.

— Они были здѣсь!—возразила съ презрѣніемъ Зюлейка— но опять ушли.

— Ушли? Куда, Зюлейка?—разочарованнымъ голосомъ спросилъ Бѣлая Борода?

— Въ твою серибу,—отвѣтила она.—Они пошли за веревками и другими предметами. Вообще, они не такъ смѣлы и мужественны, какъ ты. Ты думаешь, они рѣшились пролѣзть въ лазейку леопарда? Нѣтъ, они приказали своимъ рабамъ вырубить топорами терновникъ и только тогда вошли въ ущелье; потомъ они спросили Лео, какъ проникнуть въ пещеру духовъ. Онъ показалъ имъ дерево и тропинку. Тогда бѣлые покачали головой и сказали, что нужно прежде принести веревокъ, факеловъ и многое другое. Когда же они ушли, я отправилась въ путь одна, пришла сюда и нашла тебя.

Бѣлая Борода стоялъ нѣкоторое время въ раздумьи, потомъ лицо его озарилось радостью и онъ сказалъ, взявъ руку Зюлейки.—Благодарю Зюлейка, что ты пришла сообщить мнѣ эту радостную вѣсть. Теперь я могу просить у тебя жертвы, если ты можешь мнѣ принести ее.

— Тебѣ стоитъ только приказать, Бѣлая Борода, вѣдь я твоя рабыня!

— Зюлейка,—продолжалъ Бѣлая Борода;—ты разсказывала мнѣ однажды про адьоковъ, добрыхъ духовъ, живущихъ у Бога. Могла-ли бы ты быть такимъ адьокомъ здѣсь, на землѣ, для бѣднаго несчастнаго человѣка?

Рабыня подумала и затѣмъ сказала,—Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце! Въ ту ночь, когда я старалась спасти тебя отъ вѣрной гибели, я хотѣла разсказать тебѣ одну исторію. Тогда ты убѣжалъ, но я разскажу ее теперь; это — правдивая исторія!

— Въ одной динкской деревнѣ жилъ вождь, умѣвшій вызывать вѣтеръ и дождь. У него была волшебная флейта; если онъ игралъ на этой флейтѣ одну пѣсню, то прогонялъ дождь, если другую, — то притягивалъ его. Вождь этотъ былъ добръ и употреблялъ свои чары на пользу динкамъ; это былъ мой отецъ.

— Я сказала, что онъ былъ добръ; это—правда. Однажды

на нашу деревню напали базингеры, чтобы увести скотъ и обратить жителей въ рабовъ. Но они не знали могущества динковъ, были разбиты на голову и обратились въ бѣгство. Мимо нашего двора бѣжало двое базингеровъ, которые были отрѣзаны отъ остальнаго войска; одинъ изъ нихъ съ трудомъ подвигался впередъ, онъ былъ раненъ, а другой поддерживалъ его на ходу. Около нашего дома раненый совсѣмъ свалился; тогда здоровый дотащилъ его до нашихъ воротъ и положилъ его тамъ, какъ бы прося у насъ защиты и милосердія для своего товарища. Я внесла его въ домъ и промыла его раны. Когда же возвратился отецъ съ своими воинами, преслѣдовавшими непріятеля, динки стали требовать, чтобы убили базингера. Горя местью, стояли они предъ нашимъ домомъ, заносили копья и требовали выдачи врага. Но отецъ мой вышелъ изъ дома и сказалъ: — „Уходите, добрые люди, базингеръ находится подъ моей защитой, и я не позволю причинить ему вреда“! Динки ушли съ ропотомъ; мы же ухаживали за нимъ, пока онъ выздоровѣлъ. Потомъ отецъ взялъ его съ собой и повелъ по безопаснымъ дорогамъ до того мѣста, откуда онъ могъ дойти одинъ до своей серибы. И этотъ человѣкъ былъ разбойникъ, былъ нашъ непріятель! Впослѣдствіи отецъ объяснилъ мнѣ, почему онъ такъ поступилъ. Дочь, говорилъ онъ мнѣ, сила моей флейты зависитъ отъ странныхъ чаръ. Она была принесена динкамъ адьокомъ и сохраняетъ въ полной мѣрѣ свою силу, пока мы употребляемъ ее на пользу людей, т. е. употребляемъ такъ, чтобы дождь шелъ своевременно и поля могли бы давать обильный урожай. Если же мы воспользуемся ея волшебнымъ свойствомъ такимъ образомъ, что будемъ задерживать дождь долгое время, въ теченіе цѣлаго года, такъ что въ поляхъ все сгоритъ, не уродится хлѣба и наступитъ голодъ, то флейта теряетъ свою силу, — и только тогда опять начнетъ воздѣйствовать на дождь если мы спасемъ какому нибудь человѣку жизнь; тогда адьокъ радуется и возвращаетъ ей волшебное свойство.

— Отецъ мой былъ старъ и чувствовалъ близость смерти, а потому далъ мнѣ, когда я стала женой могущественнаго

вождя сосѣдняго племени, волшебную флейту, чтобы я могла способствовать благополучію своего мужа и наказывать его враговъ.

И всегда флейта приносила намъ благополучіе!

Но вотъ страну нашу посѣтилъ Гассанъ. Онъ напалъ на насъ; мужъ мой былъ убитъ во время сраженія, а я стала рабыней Араби.

Отъ всего моего довольства у меня остались только мое дитя и волшебная флейта. Въ серибѣ Гассана я вскорѣ замѣтила, что динки не намѣрены долго сносить неволю; они замышляли возстаніе и я рѣшила усилить ихъ отчаяніе, для того, чтобы они пошли на моего врага Гассана.

— Я играла на флейтѣ рано утромъ и по вечерамъ, играла всѣмъ вѣтрамъ, — и они слушались голоса адьока и разгоняли тучи. Наступила засуха, хлѣбъ не уродился и страну посѣтилъ голодъ.

— Тутъ динки возстали, какъ одинъ человѣкъ, пламя охватило серибу Гассана, базингеровъ всѣхъ перебили... Мы были отомщены.

— Но теперь пора, чтобы пошелъ опять дождь, чтобы все опять зацвѣло и начало рости, чтобы страна перестала терпѣть нужду.

— Въ день возстанія я хотѣла спасти жизнь человѣку, хотѣла спасти и тебѣ.

— Но ты меня не послушался и теперь флейта потеряла свою волшебную силу. Ты бросился въ опасность и спасся самъ, благодаря чему я не могу теперь помочь страдающимъ динкамъ.

— Это меня терзаетъ и мучитъ, Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце! Укажи мнѣ этого человѣка, нуждающагося въ помощи, чтобы я могла его спасти и обрадовать адьока!

— Но вѣдь это твой врагъ, Зюлейка!—сказалъ Бѣлая Борода, съ напряженіемъ дожидаясь ея отвѣта.

Зюлейка воскликнула,—это безразлично, другъ ли онъ, или недругъ! Вѣдь ухаживала же я за базингеромъ въ домѣ отца. Веди меня къ нему; я теперь догадываюсь, кто этотъ человѣкъ: это Гассанъ, никто другой!

Бѣлая Борода взялъ ея руку и сказалъ,—слѣдуй за мной, Зюлейка! Ухаживай за больнымъ, пока я возвращусь съ лекарствомъ. Позаботься о томъ, чтобы онъ не терпѣлъ голода или жажды, утѣшай его, дѣлай добро своему врагу, и Господь Богъ будетъ радъ и благословитъ землю динковъ.

Оба безмолвно прошли по темнымъ ходамъ подземелья. Зюлейка не выпускала руки Бѣлой Бороды. Когда они вышли чрезъ ворота жизни подъ открытое небо, она сказала: „ты ходишь во тьмѣ, какъ другіе при солнечномъ свѣтѣ. Ты не боишься духовъ пещеры, потому что ты самъ адьокъ“.

Бѣлая Борода отвѣтилъ на это: „Впослѣдствіи я скажу тебѣ, Зюлейка, что даетъ намъ силу находить путь во тьмѣ и не бояться духовъ. Но теперь иди! Вонъ лежитъ Гассанъ; я хочу ему сказать, что ты будешь ухаживать за нимъ, сидѣть около него, пока я возвращусь“.

Оба подошли къ ложу изъ листьевъ. Больной лежалъ въ полудремотѣ.

— Гассанъ,—тихо сказалъ Бѣлая Борода;—я привелъ тебѣ сестру милосердія; она хочетъ остаться съ тобой, пока я возвращусь. Вѣдь такъ, Зюлейка? Ты согласна? Протяни ему руку.

Негритянка взяла руку Гассана и сѣла около него. Послѣдній шепталъ: „сестра милосердія, не оставляй меня“!

Глазами, полными слезъ, Бѣлая Борода еще разъ взглянулъ на обоихъ и поспѣшно ушелъ. Опять все затихло предъ воротами жизни. Зюлейка сидѣла неподвижно и смотрѣла въ лицо больного.

Заклятой врагъ ея народа лежалъ предъ ней безпомощный, и въ чертахъ ея чернаго лица на минуту мелькнула дикая радость, дикое удовлетвореніе. Гассанъ, столько мучившій другихъ, теперь самъ страдалъ и мучился!

Но скоро лицо негритянки приняло другое выраженіе. Въ душѣ ея проснулось состраданіе и отразилось въ ея глазахъ. У постели больного сидѣлъ уже не врагъ, а дѣйствительно сестра милосердія, крѣпко сжимавшая его руку.

Гассанъ чувствовалъ это пожатіе и былъ счастливъ, что не одинъ въ этой безлюдной пустынѣ.

ГЛАВА XVI.

Передъ Воротами Жизни.

Радостное извѣстіе. — Не Понсаръ. — Поздно. — Передъ лицомъ смерти.—Пѣсня Динковъ.—Можете ли вы мнѣ простить?—Земляки.—Гассанъ и Зюлейка.—Узкія носилки.—Ave Maria, mater misericordiae. — Послѣдняя честь.—Шествіе съ факелами мимо Воротъ Жизни.

Поздно вечеромъ Бѣлая Борода вышелъ изъ Воротъ Жизни; на спинѣ его былъ ранецъ, наполненный одѣялами, провизіей и бутылками.

Радость окрыляла его: онъ несъ Гассану утѣшительныя извѣстія.

Никакого Артура Понсара не было во французскомъ караванѣ, остановившемся въ Сансуси. Это былъ караванъ братьевъ Понсетъ, которые въ то время объѣзжали землю на Бѣломъ Нилѣ и хотѣли основать серибы. Такимъ образомъ Гассанъ могъ спокойно переселиться въ Сансуси и поправляться тамъ, пользуясь заботами вѣрнаго друга.

Дальнѣйшаго мщенія со стороны динковъ также нечего было бояться, потому что ихъ вождь Лиса рѣшилъ покинуть землю, въ которой его племя такъ много претерпѣло за послѣднее время, и искать другихъ пастбищъ.

Онъ хотѣлъ отправиться на югъ, чтобы не столкнуться съ турками, углублявшимися внутрь страны.

Появленіе каравана Понсетовъ болѣе всего побудило его къ этому.

Онъ побѣдилъ Гассана, освободился отъ трутней, но пришли новые караваны, новые основатели серибъ. Онъ не надѣялся на то, что новые пришельцы будутъ лучше Хартумцевъ. Всѣ эти торговцы слоновой костью мало отличались другъ отъ друга.

Все это въ большихъ подробностяхъ узналъ Бѣлая Борода

въ Сансуси и надѣялся, что эти извѣстія скорѣе возстановятъ силы его друга, чѣмъ красное вино и хининъ, которыя онъ несъ ему.

Онъ окинулъ взглядомъ новую хижину, находившуюся около Воротъ Жизни. Огонь слабо догоралъ. На камнѣ сидѣла Зюлейка и поддерживала на колѣняхъ голову Гассана.

Бѣлая Борода думалъ, что Гассанъ спитъ, и сталъ тихо приближаться; Зюлейка услышала шелестъ листьевъ подъ его ногами и медленно подняла голову. Она кивнула ему дружески, но лицо ея было серьезно.

— Онъ спитъ? спросилъ Бѣлая Борода.

— Да, отвѣтила она глухо: онъ спитъ и никогда уже не проснется!

Бѣлая Борода ринулся впередъ и схватилъ руку Гассана, покоившуюся на его груди. Она уже успѣла остыть; онъ взглянулъ въ лицо умершаго.

Какъ часто онъ видѣлъ это лицо, какъ часто онъ удивлялся смѣлости и отвагѣ, озарявшимъ его черты! Какъ часто за послѣдніе дни огорчало его выраженіе ужаснѣйшихъ страданій въ этомъ лицѣ, пробуждая сочувствіе въ его сердцѣ! Ничего подобнаго нельзя было прочитать теперь въ лицѣ умершаго.

Гассанъ погрузился въ вѣчный сонъ подобно усталому путнику, который обрадовался тому, что нашелъ, наконецъ, мѣсто успокоенія.

Усталымъ и измученнымъ казалось его лицо, но губы сложились въ кроткую улыбку. Безъ душевныхъ мукъ, успокоенный, испустилъ онъ духъ.

Долго Бѣлая Борода стоялъ на колѣняхъ передъ трупомъ товарища. Онъ думалъ о судьбѣ Гассана, о его перерожденіи.—Такъ лучше, — проговорилъ онъ наконецъ,— миръ праху твоему!

Потомъ онъ поднялся, встала также и Зюлейка, тихо опустивъ на землю голову умершаго.

Они безмолвно стояли другъ передъ другомъ; Бѣлая Бо-

рода пожалъ ей руку. Она поняла его,—это была благодарность за ея заботы.

— Когда онъ умеръ?—спросилъ Бѣлая Борода, отходя въ сторону.

— Не особенно давно, отвѣтила Зюлейка.

— И много онъ страдалъ?

— Не думаю,—Бѣлая Борода, сказала она,—онъ почти все время спалъ. Только разъ проснулся онъ и говорилъ много и съ волненіемъ, но я не понимаю французскаго языка. Я пѣла ему пѣсни, и это успокаивало его, какъ маленькаго ребенка. Я положила его голову на свои колѣни и онъ сталъ спокойнѣе. Но онъ не отвѣчалъ на мои вопросы, давать ли ему ѣсть или пить; онъ, казалось, не понималъ моихъ словъ. Я была опечалена и озабочена его судьбой и спѣла пѣсню Дендида (Богъ). Знаешь ли ты ее Бѣлая Борода?

Въ день сотворенія міра
    Сотворилъ Богъ солнце
И солнце восходитъ и заходитъ
    и снова возвращается;
Сотворилъ онъ луну,
    И луна восходитъ и заходитъ
и снова возвращается;
    Сотворилъ онъ звѣзды,
И звѣзды восходятъ и заходятъ
    и снова возвращаются;
Сотворилъ онъ человѣка
    И человѣкъ, рождается умираетъ
и не возвращается больше.

Негритянка остановилась и взглянула серьозно на умершаго.

— Да, да, проговорила: она и не возвращается больше, это я пѣла и онъ, казалось, слушалъ меня.

— Тогда я замолчала, но онъ глядѣлъ на меня широко открытыми глазами и спросилъ:

— Ты Зюлейка?

— Да!—отвѣтила я.

— Онъ долго молчалъ, началъ задыхаться, и лицо его

выражало безпокойство. Потомъ онъ открылъ глаза и спросилъ опять:

— Зюлейка, слышишь-ли ты меня?

Слышу!—отвѣтила я.

— Зюлейка,—продолжалъ онъ,—Знаешь-ли ты меня, преступнаго Гассана? Я грабилъ ваши деревни, угонялъ ваши стада, похищалъ ребенка у матери и мать у ребенка; сироты и вдовы проклинаютъ меня, рабы ненавидятъ меня. Но ваше мщенiе достигло до меня; ваше мщенiе было справедливо. Теперь я жалокъ. Можете ли вы простить меня?

— И при этихъ словахъ онъ обратилъ на меня свой пристальный полный мольбы взглядъ.

— Тутъ я подумала о нашей деревнѣ, сдѣлавшейся жертвой пламени, вспомнила то мгновенiе, когда Гассанъ въ красномъ тюрбанѣ, во главѣ Базингеровъ врывался въ каждый домъ, отмѣчая свою дорогу кровью...

Тогда я подумала: Могутъ-ли тебѣ простить динки? Я отвернулась отъ него и стала смотрѣть на голубое небо.

— Я услышала его опять, спрашивающаго дрожащимъ голосомъ:

— Можете ли вы простить меня?

— Я взглянула не него и вновь встрѣтила упорный, умоляющiй взглядъ и онъ безпомощный опустился ко мнѣ на колѣни. Могла ли я отказать ему въ просьбѣ и сказать ему:

— Преступникъ, никогда не простятъ тебѣ динки! Нѣтъ, я не могла этого; глубокое состраданiе охватило меня,— и я сказала:

— Я прощаю тебѣ, Гассанъ!

— Тогда лицо его приняло спокойное восторженiе, онъ счастливо улыбнулся и улыбался такъ все время; онъ не говорилъ уже больше и скоро я перестала слышать его дыханiе.

Такъ заключила Зюлейка свой разсказъ и въ тоже мгновенiе у „воротъ жизни“ послышались оживленные человѣческiе голоса.

Бѣлая Борода и рабыня посмотрѣли туда. Впереди шли двое бѣлыхъ, а позади нихъ негръ и нубіецъ съ зажженными факелами.

— Здѣсь слѣдовательно,—воскликнулъ старшій изъ бѣлыхъ,—найдемъ мы нашего больного земляка. Интересная пещера,—сказалъ онъ, улыбаясь, Бѣлой Бородѣ,—Бѣдныя летучія мыши! Нѣсколько дюжинъ пожгли свои крылья на нашихъ факелахъ!

Но другой путешественникъ, который между тѣмъ ушелъ впередъ, увидѣлъ Гассана на землѣ и сказалъ:

— Мой другъ, мы пришли слишкомъ поздно. Храбрый Гассанъ Пелишье мертвъ. Бѣдный землякъ! Какъ поэтиченъ будетъ разсказъ о твоей смерти на рукахъ Зюлейки. И всетаки какъ здѣсь пустынно, негостепріимно: эти непроходимыя горы, эта грязная хижина, бѣдный лѣсъ и безконечное болото напротивъ!

— Борьба его дѣйствительно кончилась,—сказалъ участливо старшій,—Мы не можемъ уже пожать ему руки, но мы должны отдать ему послѣднюю честь и похоронить его какъ солдата; тамъ какъ собственно онъ погибъ въ битвѣ.

— Да,—сказалъ младшій и обратился къ Бѣлой Бородѣ,—куда думаете вы отнести трупъ? Здѣсь его оставить нельзя, такъ какъ соберутся коршуны и гіены. Теперь уже поздно. На моихъ часахъ половина шестого; черезъ часъ солнце уже зайдетъ, а дорога въ Сансуси не близкая.

— Его послѣдняя воля была, сказалъ взволнованный Бѣлая Борода,—быть похороненнымъ въ пещерѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена была змѣя.

— Ее и должны мы исполнить, конечно!—воскликнулъ старшій изъ путешественниковъ.

Младшій пошелъ между тѣмъ къ неграмъ и нубійцамъ, которые опустили и потушили уже свои факелы. Онъ приказалъ имъ идти вмѣстѣ съ нимъ и сказалъ уходя.

— Я хочу приготовить носилки!

— Но онѣ должны быть очень узки!—воскликнулъ старшій, иначе мы не пройдемъ черезъ узкія отверстія прохода.

Бѣлая Борода вынулъ между тѣмъ одѣяло и покрылъ имъ трупъ. Потомъ всѣ они усѣлись на землѣ и безмолвно ждали, пока негры возвратятся съ простыми носилками.

Они молчали; одинъ разъ только старшій изъ путешественниковъ произнесъ:

— Дѣйствительно, печальный случай!

Когда наступили сумерки, Бѣлая Борода и Зюлейка разостлали одѣяло на простыя узкія носилки и положили на нихъ трупъ Гассана.

Нубійцы и негры съ зажженными факелами въ рукахъ окружили носилки; младшій изъ путешественниковъ всталъ передъ умершимъ и началъ пѣть звучнымъ голосомъ, раздававшимся далеко по равнинѣ; его прочувствованное пѣніе „Ave Maria, mater misericordiae“ растрогало слушателей.

Тихо тронулась печальная процессія. Нубійцы съ факелами шли впереди, Бѣлая Борода и Зюлейка, а также и бѣлые слѣдовали за носилками, которые несли двое негровъ.

Когда подошли къ Воротамъ Жизни, то старшій, приказавъ опустить носилки и укрѣпить въ землѣ факелы, сказалъ:

— Храбръ ты былъ, Гассанъ, и надъ твоей могилой должны раздаться выстрѣлы. Здѣсь, у Воротъ Жизни, начинается твоя обширная могила. Мы окажемъ тебѣ послѣднюю честь!

Солдаты экспедиціи сдѣлали залпъ изъ ружей, горы и лѣса повторили его,—и вскорѣ погребальныя носилки и всѣ провожавшіе исчезли въ широкой трещинѣ, освѣщенной краснымъ свѣтомъ факела.

Передъ Воротами Жизни снова водворилась тишина.

ГЛАВА XVII.

Женихъ и невѣста въ Сансуси.

Адьокъ сжалился надъ землею динковъ. – Противъ торговцевъ рабами.—За здоровье хедива.—Назадъ въ Каиро.—Прилежный управляющій.—А мнѣ ты не подаришь коровы?—Госпожа серибы.—Женихъ и невѣста въ Сансуси.—Послѣдній вечеръ въ Сансуси.—О, о!—Пожаръ-иллюминація.—Выступленіе.—Благослови васъ Богъ.—Толстокожье.—Заря человѣческихъ правъ.

Въ сильный дождь Бѣлая Борода и его товарищи возвратились изъ Пещеры Духовъ въ Сансуси; дождь лилъ цѣлый день; на небѣ собирались грозовыя тучи, исчезали и замѣнялись новыми. Расцвѣлъ лѣсъ, роскошно зазеленѣла степь и быстро поправились хлѣба.

Адьокъ сжалился надъ землею динковъ, весело зазвучала флейта Зюлейки и радостью сіяло ея лицо.

Дождь не переставалъ; рѣки разлились, ручьи переполнились, озера обратились въ моря и всѣ дороги были залиты; о путешествіи ничего было и думать; бѣлые остались въ Сансуси.

Время шло у нихъ быстро. Бѣлая Борода сидѣлъ за столомъ и занималъ гостей разсказами о своихъ приключеніяхъ; они же сообщими ему послѣднія извѣстія изъ Европы и Каиро, Тамъ чувствовалось новое вѣяніе, начиналась новая эра. Рѣшено было не оставлять страны въ рукахъ турокъ и арабовъ, предполагалось ввести въ Суданѣ новые порядки и двинуть организованную армію противъ разбойничьихъ шаекъ. Вербовались надежные люди, знакомые съ мѣстностью.

Теперь опредѣлилась будущая дѣятельность Бѣлой Бороды.

Юношей онъ мечталъ объ освобожденіи рабовъ; сдѣлавшись мужчиной, онъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, чтобы уничтожить торговлю рабами и охоту за невольниками. Онъ рѣшилъ отправиться въ Хартумъ или Каиро, чтобы возвратиться оттуда въ качествѣ путеводителя арміи освобожденія. Звонко чокались собесѣдники бокалами за будущее Нильскихъ земель.

Да, онъ долженъ былъ покинуть на нѣкоторое время дѣвственныя мѣста и вновь прибѣгнуть къ источнику знанія, проникнуться новыми великими задачами культуры, для того чтобы правильно дѣйствовать въ этихъ далекихъ странахъ, на границахъ цивилизованнаго міра.

Приближался день, когда надъ Сансуси должно было подняться знамя съ крестомъ.

До того времени сериба будетъ стоять пустая, если только еще раньше жуки-древоточцы не успѣютъ источить ея зданій, и буря не свалитъ ихъ въ кучи.

Такъ думалъ господинъ серибы, но эти мысли не раздѣляли его слуги.

Усердно работалъ Лео въ огородѣ, собиралъ плоды и грибы въ лѣсу, такъ какъ хлѣбъ не уродился, однимъ же мясомъ люди питаться не могли.

Нужда дѣлаетъ находчивымъ, и Бѣлая Борода обратилъ вниманіе своего управляющаго на дикій рисъ, произраставшій на болотистыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ незамѣченный динками. Это были вновь открытыя поля, и Лео примѣчалъ, конечно, всѣ мѣста, гдѣ рисъ произросталъ. Велико было торжество, когда сварили въ котлѣ первую пробу и дикій рисъ оказался вкуснѣе Даміетскаго.

Лео, служившій раньше своему господину безкорыстно, сдѣлался вдругъ бережливъ и даже жаденъ. За вѣрную оборону въ Сансуси онъ былъ награжденъ двумя слоновыми клыками, которые онъ промѣнялъ въ маленькомъ дворѣ динковъ на нѣсколько коровъ и одного буйвола. Около господскаго стада паслось теперь также маленькое стадо управляющаго, и домоправительница оказывала большое вниманіе его скотинѣ.

Заработанныя деньги Лео тратилъ на покупку коровъ, потомъ къ его стаду прибавились овцы и козы. Бѣлая Борода былъ изумленъ этимъ и сказалъ:

— Что ты дѣлаешь Лео? Ты устраиваешься такъ домовито, но вѣдь мы здѣсь не останемся, мы возвратимся на Нилъ.

— Развѣ ты возьмешь коровъ съ собой? Но вѣдь онѣ не вынесутъ далекаго путешествія!

— Неужели въ самомъ дѣлѣ мы должны уѣхать отсюда?—возразилъ печально Лео;—а здѣсь такъ хорошо; здѣсь мы могли бы остаться навсегда.

— Но я не могу,—сказалъ Бѣлая Борода: я долженъ возвратиться.

— Какъ жаль серибы, ея красивыхъ домовъ!—сказалъ, вздыхая, Лео.

— Черезъ три года они все равно будутъ уничтожены червями!—отвѣтилъ, улыбаясь, Бѣлая Борода.

— Жаль динковъ, которые здѣсь такъ хорошо себя чувствуютъ, и никто изъ нихъ не думаетъ о бѣгствѣ; если же ты ихъ продашь, имъ плохо придется.

— Вотъ какъ! Кто же тебѣ это сказалъ? Я отпущу всѣхъ на свободу, только мы двое: ты и я, чуждые этой странѣ, уѣдемъ отсюда съ караваномъ бѣлыхъ!—сказалъ Бѣлая Борода, удивленіе котораго все росло при видѣ настойчивости Лео, перечислявшаго преимущества серибы.

— Освободить?—воскликнулъ Лео, но вѣдь тогда ты ничего не получишь?

— Конечно, я ничего не получу, ни коровы, ни слоноваго клыка!—объяснялъ Бѣлая Борода своему слугѣ, который недоумѣвалъ все болѣе и болѣе.

— Ты всѣхъ освободишь?—спросилъ онъ.

— Всѣкъ мужчинъ?

— Да!

— И женщинъ тоже освободишь?—продолжалъ негръ.

— Да,—отвѣчалъ опять Бѣлая Борода.

— Всѣхъ?—съ волненіемъ спросилъ Лео.

— Всѣхъ безъ исключенія!—воскликнулъ улыбаясь Бѣлая Борода, догадавшійся наконецъ теперь, въ чемъ дѣло,—освобожу также и Зюлейку!

Онъ напряженно ждалъ отвѣта отъ Лео, но послѣдній довольно долго размышлялъ и потомъ опять спросилъ.

— А что ты сдѣлаешь со стадами рогатаго скота?

— Я раздѣлю ихъ между динками!—возразилъ Бѣлая Борода.

— А мнѣ ты не подаришь коровы, вѣдь я твой первый слуга?—сказалъ жалобно негръ. Это вышло такъ комично, что Бѣлая Борода разсмѣялся и сказалъ:

— Можетъ быть я найду что-нибудь подарить и тебѣ.

Онъ оставилъ своего слугу и ушелъ.

Онъ направился прямо къ той хижинѣ, въ которой жила Зюлейка.

Негритянка сидѣла у дверей и кормила масломъ змѣю. Бѣлая Борода довольно долго наблюдалъ, и по лицу его скользнула улыбка.

— Зюлейка,—воскликнулъ онъ,—ты должна приготовить хорошій обѣдъ; я отсылаю сегодня Лео въ Хартумъ; въ послѣдній разъ онъ будетъ сегодня обѣдать въ землѣ динковъ. Готовь получше, чтобы обѣдъ ему понравился.

Негритянка встала, но ясно было видно, что это извѣстіе ее вовсе не обрадовало; она даже слегка дрожала.

— А потомъ я и самъ уѣду,—сказалъ Бѣлая Борода, а васъ всѣхъ сдѣлаю свободными, освобожу также и тебя; ты можешь возвратиться на свою родину.

Но даже и это сообщеніе не произвело на Зюлейку должнаго впечатлѣнія; выраженіе ея лица не измѣнилось.

— Почемут ы такъ печальна, Зюлейка?—спросилъ Бѣлая Борода, но не получилъ отвѣта; негритянка хотѣла уйти.

Тогда онъ удержалъ ее и сказалъ,—такъ какъ ты была добра, Зюлейка, и заботилась о Гассанѣ, то я хочу сдѣлать тебѣ подарокъ. Эту серибу со всѣми домами, слугами и стадами я подарю тебѣ, когда уѣду. Ты можешь тогда выйти замужъ, Зюлейка, и если хочешь, Лео можетъ остаться у тебя управляющимъ, если онъ также на это согласенъ. Но что же ты смотришь на меня такъ удивленно? Я говорю правду; сбѣгай поскорѣе къ Лео и спроси его, хочетъ ли онъ ѣхать со мной или остаться съ тобой. Бѣги скорѣе и принеси мнѣ отвѣтъ!

Съ этими словами Бѣлая Борода отвернулся отъ негритянки и быстрыми шагами пошелъ домой. На лицѣ его играла улыбка.

Основанное имъ Сансуси было спасено. Теперь дома не будутъ уничтожены древоточцемъ и разсѣяны вѣтромъ, рабы и слуги не разбредутся во всѣ стороны. По прежнему тамъ будутъ пастись стада и къ огородамъ примкнутъ вновь обработанныя поля. И кто же будетъ управлять серибой? Лео и Зюлейка, это не подлежитъ сомнѣнію; и Бѣлая Борода ждалъ, что они придутъ оба, чтобы представиться женихомъ и невѣстой.

Но это случилось не такъ скоро; будущіе владѣльцы Сансуси, повидимому, прежде хотѣли поговорить одни.

Бѣлая Борода былъ все-таки доволенъ; его пребываніе въ странѣ не должно было пройти безслѣдно; онъ твердо надѣялся, что благодарные негры, которымъ онъ создалъ въ Сансуси новый очагъ, будутъ жить по его завѣтамъ.

Дожди прекратились, рано миновала осень съ своей пестрой зеленью и наступила зима.

Въ лѣсу торчали голые сучья, пустынная высохшая степь мѣстами казалась обнаженною. Съ сѣвера прилетѣли перелетныя птицы, на болотахъ и рѣкахъ появился аистъ, а бѣлые въ серибѣ, наоборотъ, готовились къ отъѣзду на сѣверъ.

Они изслѣдовали страну, исходили вдоль и поперекъ степи, лѣса, горы и долины и теперь возвращались въ Хартумъ. Тюки были упакованы а также приготовлены къ перевозкѣ слоновые клыки. На слѣдующее утро думали отправиться въ путь. Завтра начнутся трудности далекаго похода, а сегодняшній вечеръ рѣшили повеселиться; это былъ послѣдній вечеръ въ Сансуси, гдѣ покойному Гассану при погребеніи были оказаны всѣ почести, гдѣ гостепріимно были приняты чужеземцы и гдѣ пріятно и безъ большихъ заботъ жили господа и слуги.

Въ этотъ вечеръ совершилась свадьба Лео и Зюлейки; динки торжественно отпраздновали ее. Бѣлая Борода самъ доставилъ изъ лѣсу свадебное жаркое: молодого буйвола и двухъ антилопъ.

Изъ овощей приготовили пиво.

Факелы освѣщали ночь.

Пиръ уже кончался и начиналась пляска. Танцы дикарей не похожи на наши.

На зеленомъ лугу танцуютъ не отдѣльныя пары, а мелькаютъ цѣлыя толпы дикарей, изображая подъ открытымъ небомъ родъ нашего балета.

Въ маскахъ звѣрей и съ хвостами животныхъ появляются они и представляютъ въ пантомимахъ сцены изъ жизни животныхъ. Также было и здѣсь. Веселыми звуками огласилось Сансуси. О, о!.. доносилось до звѣзднаго неба, какъ будто Бахусъ вновь совершалъ торжественное шествіе по землѣ.

Сіяя радостью, смотрѣла Зюлейка на веселье чернокожихъ, на толпу негровъ, освѣщенную магическимъ краснымъ свѣтомъ. Съ довольною улыбкою сидѣлъ Лео.

Одинъ изъ путешественниковъ находился поодаль; онъ усердно рисовалъ, стараясь изобразить танецъ негровъ.

Самое большое удовольствіе испытывалъ Бѣлая Борода.

Гремѣли литавры, рѣзко звучали дудки; о, о!.. кричали люди. Торжеству, казалось, не будетъ конца.

Наконецъ, праздникъ заключился грандіозный иллюминаціей. Лео самъ долженъ былъ поджечь, ближайшую сухую степь. Высоко поднялись огненные языки.

Этотъ пожаръ, залившій заревомъ все небо, былъ поистинѣ радостнымъ и торжественнымъ, потому что огонь приготовлялъ здѣсь дорогу культурѣ.

Завтра же мотыгой и желѣзными лопатами динки должны были превратить въ пашню эту степь.

Бѣлая Борода думалъ между тѣмъ: „я могъ бы сдѣлать тебя богатымъ, Лео, очень богатымъ по твоимъ понятіямъ; я могъ бы тебѣ показать мѣсто, гдѣ несчастный Гассанъ нашелъ слоновый клыкъ, но я лучше промолчу и оставлю слоновый клыкъ лежать около мертвыхъ“.

Тебѣ досталось болѣе драгоцѣнное сокровище, чѣмъ золото и серебро: это работа трудная и упорная, которая сдѣлаетъ тебя счастливымъ и крѣпкимъ.

На слѣдующее утро изъ серибы Сансуси тронулся въ путь караванъ съ тремя бѣлыми. Грѣмѣли прощальные

залпы. Зюлейка и Лео провожали караванъ отъ опушки лѣса. Здѣсь они должны были разстаться съ Бѣлой Бородой и послѣднiй сказалъ Зюлейкѣ: — „запомни навсегда, что я тебѣ скажу: своимъ будущимъ счастьемъ ты обязана сдѣланному тобою доброму дѣлу. Будь всегда добра и кротка, и ты будешь счастлива на землѣ.—И ты Лео,—продолжалъ онъ,—обращаясь къ своему прежнему слугѣ; будь хорошимъ господиномъ для своихъ слугъ, потому что, видишь ли, суровый хозяинъ многому вредитъ; кротость и справедливость покоряютъ сердца, а кто служитъ искренно, тотъ служитъ прекрасно. Ты можешь положиться на такого слугу и спокойно спать, когда онъ бодрствуетъ".

„Какъ мужъ и глава, заботливо охраняй свой домъ и дворъ, защищайся отъ нападенiя враговъ, но самъ не начинай войны съ другими, чтобы тебѣ не отплатили тѣмъ же. Не забывай никогда того, чему тебя учили въ святомъ крестѣ, постоянно помни о томъ, что всѣ люди—братья"!

Послѣ этого Бѣлая Борода протянулъ руки молодой четѣ.—Благослови васъ Богъ! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ и сейчасъ же ушелъ отъ нихъ въ лѣсъ.

Онъ поднялся на холмъ, гдѣ возвышался баабабъ, гдѣ назадъ тому годъ Акка убилъ соловья; прошелъ мимо Воротъ Смерти и подумалъ о Гассанѣ, который теперь мирно покоился въ Пещерѣ Духовъ, рядомъ съ домашней утварью праотцевъ; онъ прошелъ мимо возвышенности, гдѣ когда то находилась разбойничья сериба, и гдѣ теперь лежали только кучи развалинъ. Пустъ былъ дворъ динковъ, не слышно было тамъ мычанiя стада; динки выселились.

Какъ много измѣнилось въ этой землѣ въ теченiе одного года! Борьба и опасности, которымъ подвергался Бѣлая Борода—Нѣжное Сердце, также оставили на немъ свои слѣды. Не даромъ онъ посѣдѣлъ! Но не смотря на это, тоска овладѣла его сердцемъ при мысли, что онъ, можетъ, быть навсегда оставитъ эти мѣста. Слезы выступили у него на глазахъ; жаль было охотнику покидать прекрасную мѣстность.

Вдругъ онъ услышалъ крики; длинный караванъ пришелъ въ безпорядокъ; на опушкѣ лѣса изъ кустовъ выскочилъ носорогъ; фыркая и пыхтя, какъ паровозъ, промчался онъ мимо путешественниковъ. Негры сбросили съ себя ношу и влѣзли на деревья. Носорогъ схватилъ одинъ тюкъ и излилъ на немъ свою ярость, раскидавъ пестрые платки во всѣ стороны.

Бѣлая Борода поднялъ было свою смертоносную винтовку, но сейчасъ же опустилъ ее. Слишкомъ торжественъ былъ для него нынѣшній день и слишкомъ сильно растрогано его сердце, чтобы рѣшиться убить звѣря безъ нужды.

Носорогъ, фыркая, убѣгалъ въ лѣсъ, и Бѣлая Борода закричалъ ему въ слѣдъ:—„иди съ Богомъ, толстокожій, и сообщи буйволамъ и антилопамъ, что винтовка Бѣлой Бороды не разбудитъ больше эха въ этихъ лѣсахъ“!

Вскорѣ всѣ путешественники скрылись въ извилистыхъ тропинкахъ дѣвственнаго лѣса. Бѣлки прыгали съ сучка на сучекъ; веселыя мартышки гонялись другъ за другомъ по спутаннымъ вѣткамъ. Поющее дерево звучало при вѣтрѣ, но пѣніе птицъ заглушало его.

Такимъ же былъ этотъ дѣвственный лѣсъ и назадъ тому цѣлыя тысячелѣтія, когда египтяне проникли въ него съ нижняго Нила. До сихъ поръ охотятся въ немъ все за тѣми же животными и до сихъ поръ процвѣтаетъ въ этихъ странахъ отвратительная ловля негровъ.

Но топоръ прорубитъ, наконецъ, могущественный дѣвственный лѣсъ, а мечъ уменьшитъ число торговцевъ невольниками. Исполинскія деревья, кажется, перешептываются своими вершинами о будущихъ битвахъ. Съ сѣвера уже надвигаются войска,—и Бѣлая Борода будетъ стоять въ рядахъ бойцовъ и не отступится отъ борьбы до тѣхъ поръ, пока надъ далекимъ Суданомъ не взойдетъ заря человѣческихъ правъ.